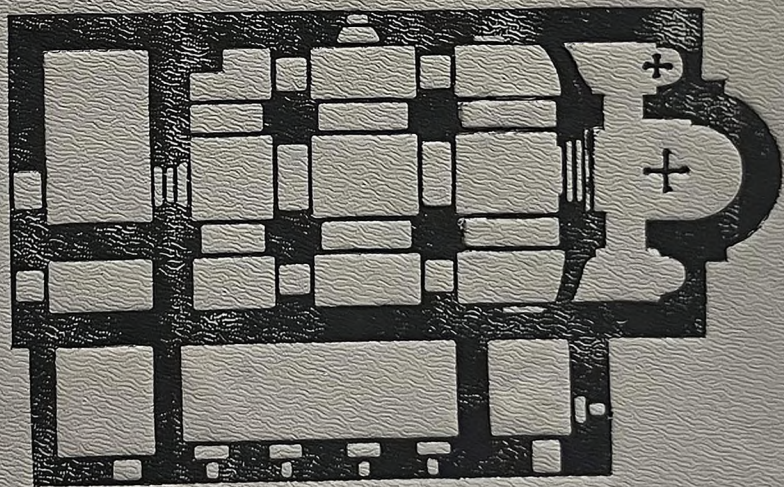

Сярэдне-
вяковыя
старажытнасці
Беларусі

Сярэдне-
вяковыя
старажытнасці
Беларусі

Праблемныя
даследаванні
беларускага
сярэднявечча

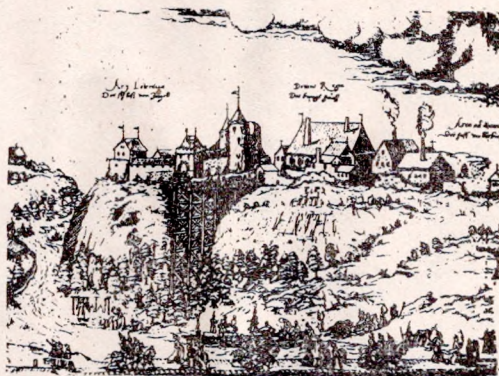
Матэрыяльная
культура
помнікаў
IX-XVIII стст.

АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ
ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ

Сярэдне- вяковыя старажытнасці Беларусі

НОВЫЯ
МАТЭРЫЯЛЫ
І ДАСЛЕДАВАННІ

**Супольнасць Сясцёр
св. Дамініка**
220040 г. Мінск вул. Нежданавай, 48

МІНСК
«НАВУКА І ТЭХНІКА»
1993

ББК 63.3(2Б)

С 99

УДК 947.6

На основе новых археологических материалов дается анализ отдельных категорий вещей, рассматриваются вопросы возникновения и развития средневековых поселений, исследуются памятники архитектуры. С помощью методов естественных и технических наук освещаются железообработка и остеологический материал.

Для историков, археологов, искусствоведов, этнографов, краеведов, всех, кто интересуется культурным наследием Беларуси.

Навуковы рэдактар
кандыдат гістарычных навук
В. М. Ляўко

Рэцэнзенты:
кандыдаты гістарычных навук В. Ф. Голубеў,
Л. У. Дучыц, А. Р. Мітрафанаў

0503020903—051
С — БЗ 127—93
М 316(03)—93

ISBN 5-343-01390-2

© Калектыў аўтараў,
1993

Уступ

Археалогія Беларусі ў вывучэнні сярэднявечча за апошнія 20 гадоў зрабіла значны крок наперад. Пра гэта сведчаць як павелічэнне колькасці і разнастайнасці вывучаемых помнікаў, так і пашырэнне храналагічных межаў даследаванняў. Акрамя традыцыйных раскопак дзяцінцаў у Полацку, Віцебску, Мінску, Заслаўі, Клецку, Оршы і іншых, якія вывучаліся раней, зараз паспяхова вядуцца даследаванні пасадаў і гарадскіх акруг, што дазваляе па-новаму асэнсаваць гістарычнае развіццё тэрыторыі старажытнейшых гарадоў Беларусі. На падставе новых матэрыялаў некалькі па-іншаму ўяўляюцца шляхі ўзнікнення, першапачатковае функцыянальнае прызначэнне шэрагу гарадоў. Побач з буйнейшымі цэнтрамі знаходзяць сваё месца ў навуковым асветленні малыя гарады. Больш выразна раскрываецца ўзаемадзеянне цэнтраў з іх навакольным асяроддзем на працягу ўсяго сярэднявечча.

Значнае месца сярод неадкладных пытанняў археалагічнага вывучэння сярэднявечнай Беларусі адводзіцца сельскім паселішчам, могілнікам. Гэта помнікі, якія змяшчаюць разнастайную інфармацыю аб эканоміцы, быце, культуры, вераваннях старажытнага насельніцтва, сувязях сельскіх паселішчаў з гарадскімі цэнтрамі на розных узроўнях іх развіцця. Вучонымі даследуюцца таксама пытанні фарміравання і развіцця асобных зямель на працягу ўсяго сярэднявечча. Пры гэтым неабходна адзначыць, што значнае месца побач з матэрыяламі археалогіі займае аналіз пісьмовых крыніц.

Вялікім дасягненнем з'яўляецца новы напрамак у беларускай археалогіі — вывучэнне замкаў, гарадоў, мястэчак, сельскіх паселішчаў XIV—XVIII стст. Доўгі час гістарычны прамежак працягам у 500 гадоў, падзяляючы перыяд IX—XIII стст. з эпохай капіталізму, заставаўся ў неапраўданым забыцці. Этнографы перакідвалі хісткі масток з веку XIX у век XIII, не маючы дакладнага ўяўлення пра тое, які шлях развіцця прайшла матэрыяльная культура беларусаў у перыяд станаўлення народнасці. Няведанне фактычнага матэрыялу, адсутнасць сувязі паміж разрозненымі і нераўнацэннымі пісьмовымі і рэчавымі крыніцамі звычайна прыводзілі да неаб'ектыўных вывадаў. Зараз відавочна, што шэраг рэчавых крыніц XIV—XVIII стст. у працах археолагаў неправамерна адносіўся да IX—XIII стст. Вывучэнне аб'ектаў XIV—XVIII стст. дазваляе пашырыць дыяпазон датуючых катэгорый рэчаў, прасачыць эвалюцыю акрэменных відаў рэчавых крыніц на працягу ўсяго сярэднявечча.

Вялікіх поспехаў беларускія археолагі дасягнулі ў выкарыстанні метадаў прыродазнаўчых і тэхнічных навук, з дапамогай якіх вывучаюцца старажытная апрацоўка жалеза, керамікі, шкла, гарбарная вытворчасць.

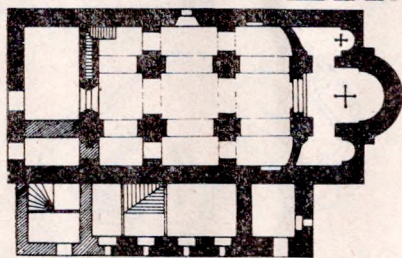
Аднак, як адзначана ў выпрацаванай канцэпцыі гісторыі Беларусі¹, у наш час неабходна павышаная ўвага да праблем дасавецкага перыяду, вывучэнне якіх доўгі час штучна звужалася ці надавалася з пазіцыі афіцыйнай гістарыяграфіі. Шмат нявысветленых пытанняў, якія настойліва патрабуюць хутчэйшага вырашэння, засталася і ў галіне археалогіі.

Таму неабходна ўключыць у навукова-даследчы працэс новыя і перасэнсоўваць ранейшыя матэрыялы, каб паглыбіць нашы веды пра гістарычнае мінулае.

Матэрыялы і даследаванні, пададзеныя ў зборніку, прысвечаны раскрыццю разнастайных аспектаў развіцця матэрыяльнай культуры X—XVIII стст. на тэрыторыі Беларусі, разглядаюцца новыя помнікі, якія раней не вывучаліся археолагамі, прыводзяцца абагульненыя звесткі пра асобныя катэгорыі рэчаў, вытворчасць, помнікі архітэктуры сярэднявечча.

¹ Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. Мн., 1993.

Праблемныя
даследаванні
беларускага
сярэднявечча

Ш. И. Бектинеев, О. Н. Левко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРЫ

На территории д. Горы Горецкого района Могилевской обл. и в ее окрестностях располагается интересный комплекс памятников эпохи средневековья. Это городище Курганы, замчище Вал с предградьем, каменный крест XVI—XVII вв. на местном кладбище у юго-западной окраины деревни. В центре деревни раньше находился курганный могильник¹ (рис. 1).

Самое раннее упоминание Гор на страницах летописей относится к 1500 г.² Однако археологические раскопки, а также материалы Литовской метрики свидетельствуют о том, что их история восходит к более раннему периоду.

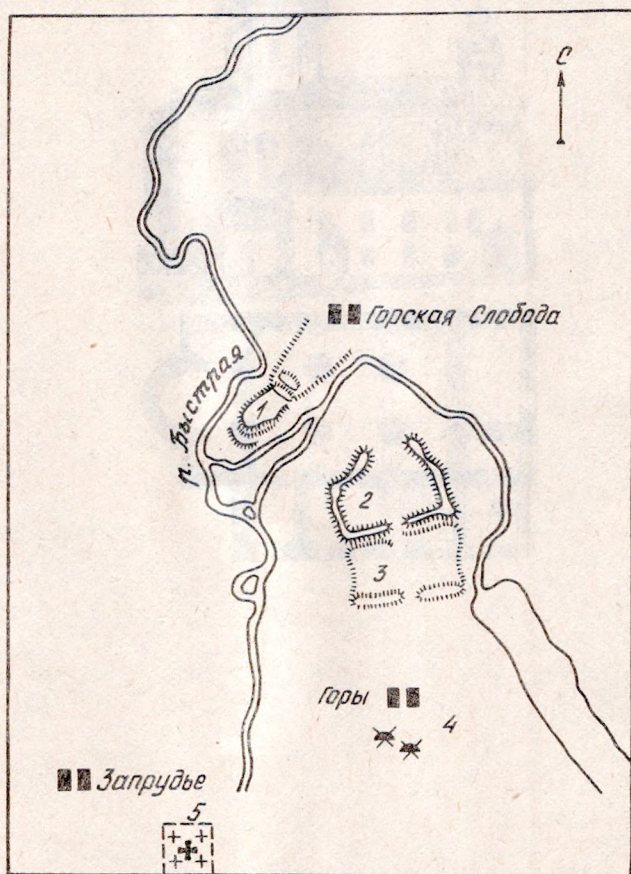

Рис. 1. Ситуационный план размещения археологических памятников средневековых Гор: 1 — городище Курганы; 2 — замчище Вал; 3 — предградье; 4 — курганный могильник; 5 — каменный крест на кладбище

Наиболее полно изученным является городище Курганы³. Оно мысового типа, высотой до 10 м, расположено северо-западнее современной деревни Горы при слиянии рек Быстрая и Корчеваха (рис. 2). Площадка городища имеет размеры 174×64 м, вал прослеживается у ее северо-западного края, имеет высоту около 4 м. К юго-западу уровень площадки понижается примерно на 1,5 м. Мощность культурного слоя достигает 0,6—1,5 м.

Ш. И. Бектинеевым раскопки производились в северной и северо-восточной частях городища — раскопы I (1982 г.), II (1983 г.). На большей части площади раскопов стратиграфия отсутствует. Это объясняется тем, что с конца XVI в. здесь располагалось кладбище, просуществовавшее до второй половины XVIII в. В раскопе II (1983 г.) выявлены следы 41 могильной ямы. Датируется могильник монетами, самая ранняя из которых относится к 1520 г., наиболее поздние — к 1755, 1752—1758 гг. На пальце одного из погребенных было обнаружено бронзовое кольцо литовского типа. Хронологические рамки бытования таких колец — XIV—XVI вв. (рис. 3:16).

Стратиграфия прослеживается лишь на северном участке раскопа II (кв. 28—29; 35—36; 37) (рис. 2).

Мощность напластований на указанном участке составляет 1,2—1,42 м. Стратиграфически они включают два слоя: верхний — темно-серого цвета и нижний (предматериковый) — интенсивного черного цвета. Материк представлен светлой глиной. Верхний слой состоит из трех горизонтов, отделяющихся друг от друга угольными или древесной прослойками. Иногда встречаются линзы глины. Толщина первого горизонта от дневной поверхности до угольной прослойки 0,5—0,74 м. В нем обнаружены керамика, два фрагмента железных гвоздей, четыре — ножей, один — медной пластины, один — бронзовой накладки или подвески, один фрагмент стеклянного браслета рубежа XII—XIII вв. Второй горизонт отделен от вышележащего угольной прослойкой толщиной 0,04—0,2 м, имеет мощность 0,32—0,42 м. Здесь также найдены фраг-

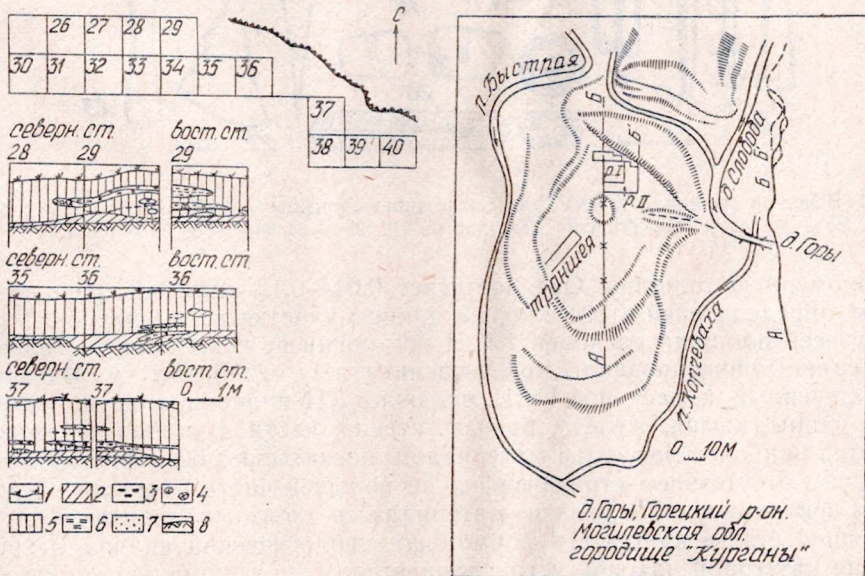

Рис. 2. План раскопов I (1982 г.), II (1983 г.) на городище Курганы и профили квадратов с ненарушенной стратиграфией

менты керамики, 13 фрагментов железных гвоздей, византийская стеклянная бусина XI в. Третий горизонт в квадрате 29 отделен от второго обуглившимися бревнами, имеющими толщину 20×10 и 16×8 см. Древесная труха толщиной 0,04—0,05 м прослежена и в квадрате 37. Мощность третьего горизонта составляет от 0,16 до 0,22 м. Здесь найдены двухстороннее острие (гвоздь), костяная проколка, фрагменты керамики.

Нижний, предматериковый, слой интенсивно черного цвета имеет

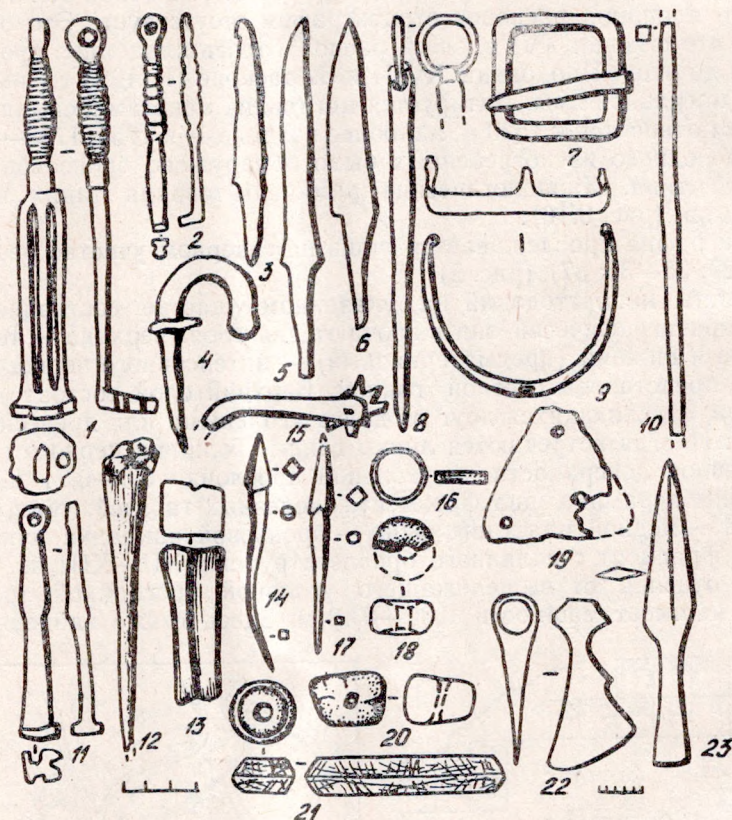

Рис. 3. Вещевой материал X—XVI вв. с городища Курганы: 1—11, 14, 15, 17, 19, 22, 23 — железо; 16 — бронза; 12 — кость; 13, 20 — камень; 18, 21 — глина

неравномерную толщину. Она достигает 0,04—0,12—0,22 м. Хронологических определителей этого слоя на данном участке не выявлено.

На всей площади раскопов I и II постройки не сохранились. Только в материке зафиксировано 7 хозяйственных и 14 столбовых ям. Материал, полученный из раскопов I и II, включает 371 индивидуальную находку из глины, камня, железа, бронзы, стекла, кости. Бытовая керамика является наиболее массовым материалом, насчитывает 6249 фрагментов. В связи с отсутствием стратиграфии на большей части площади раскопов и невозможностью увязки материала со слоями и горизонтами в настоящей статье дается его формально-типологический анализ, а хронология категорий находок устанавливается лишь с помощью аналогов.

Как уже отмечалось, **бытовая керамика** составляет самую большую по численности категорию находок. К наиболее ранним относятся два

фрагмента лепной керамики с сетчатым орнаментом и один фрагмент пряслица так называемого дяжковского типа (рис. 4:17,19,25), которые могут быть датированы ранним железным веком. Обнаружено также несколько фрагментов стенок гладкой лепной керамики и два фрагмента венчиков, датируемых VI—VIII вв. (рис. 4:20,22). Эти находки позволяют сделать вывод, что первоначальные поселения на территории городища существовали в эпоху железного века.

Классификация керамики эпохи средневековья представлена на рис. 5. К материалам X—XIII вв. относятся один фрагмент амфоры, три фрагмента днищ с клеймами, площадка, аналогичная мате-

Рис. 4. Бытовая керамика с городища Курганы: 1 — 12, 14, 15, 24 — фрагменты посуды X—XIV вв.; 13, 16, 18 — клейма на днищах; 17, 19, 20, 22 — лепная керамика; 21 — фрагмент амфоры; 25 — фрагмент пряслица

риалам Полоцка ⁴, а также венчики горшков X—XIII вв., имеющие аналогии на других памятниках северо-восточной Беларуси ⁵ (рис. 4). Наиболее массово представлена керамика XIV—XVI вв., пришедшая на смену раннесредневековой. Причем количество керамики, которую можно датировать XIV—XV вв., сравнительно невелико. По-видимому, интенсивнее жизнь на поселении протекала в XV—XVI вв. Судя по венчикам, посуда была представлена преимущественно горшками. Однако среди материалов XV—XVI вв. встречаются также фрагменты макотр, мисок, крышек. В целом материалы XIV—XVI вв., полученные с городища, характерны и для памятников смежных территорий ⁶.

Орнаментика раннесредневековой посуды, как и XIV—XVI вв., особых отличий не имеет. Это преимущественно однорядная либо многорядная волна, выполненная рельефом на уровне плечика. Иногда под волной проходит ряд ямочно-точечного орнамента (рис. 4). Реже сосуды орнаментированы по плечу косыми насечками, иногда в сочетании с точечно-ямочным орнаментом (рис. 4). Линейный рельефный орнамент встречается редко. Чаще он употреблялся в сочетании с волной. Для техники исполнения сосудов характерен наклепной жгут (при конструировании края венчика, а также при орнаментации в области плечика). Такая техника наблюдается при конструировании сосудов из поселений Поднепровья (Копысь, Шклов).

Изделия из железа представлены гвоздями (138 экз.), ножами (34 экз.), пятью фрагментами удила, подковками для обуви, ключами (6 экз.), наконечниками стрел (5 экз.), топором, рогатиной, кресалом, двумя дужками от ведра, петлей от котла, двумя иглами, двумя пробоями и другими предметами.

Металлографическим исследованиям подвергались 14 ножей, топор, фрагмент косы-горбуши, шпора, копые (рогатина) ⁷.

Ножи представлены девятью целыми экземплярами, остальные —

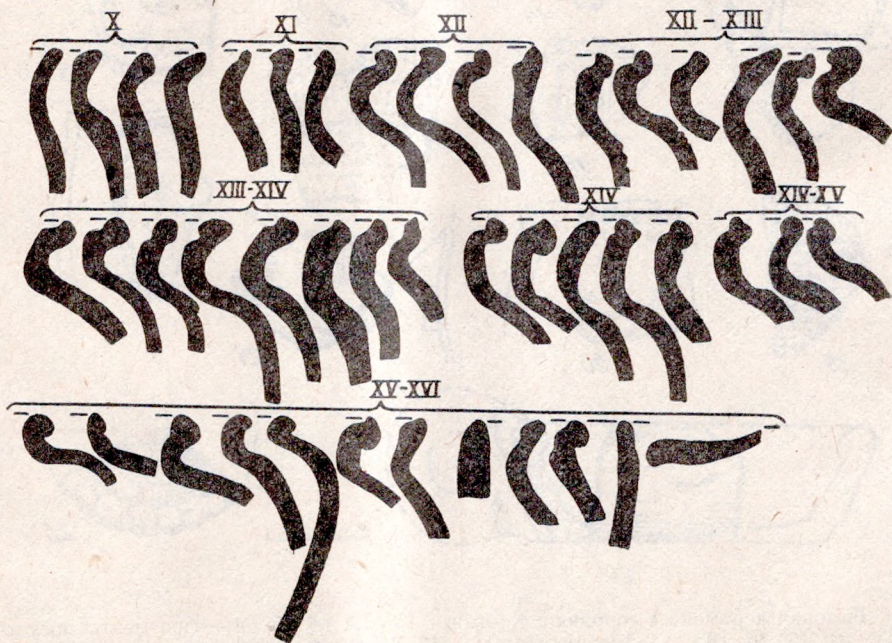

Рис. 5. Классификация бытовой керамики X—XVI вв. с городища Курганы

фрагментированы. Один нож скандинавского типа с обломанным черенком. Длина клинка 79 мм, ширина в средней части 12 мм, ширина спинки 3—3,5 мм. Датируется VII—X вв.⁸

Металлографический анализ ножей X—XIV вв. показал, что при их изготовлении применялись цементация, закаливание, наварка стального лезвия на железную основу, т. е. те операции, которые использовались и на других поселениях этого времени⁹.

Ключи по классификации Б. А. Колчина¹⁰ подразделяются на три типа, один из которых имеет вариант (тип В I). К типу Б, датируемому XII—серединой XIV в., относятся два ключа, причем один из них имел ручку с проволочной обмоткой (рис. 3:1). Тип В (1 экз.) датируется второй половиной XII—началом XV в., тип В I (1 экз.) — концом XII—началом XV в. Тип I представлен двумя ключами, датируемыми серединой XIII—первой половиной XV в. К этому же времени относится и дужка от вертикального цилиндрического замка (рис. 3). Коса-горбуша, представленная рукоятью и частью клинка, датируется XII в.

К инструментам, найденным при раскопках, относятся также топор и сверло. Топор представлен переходным типом с бородкой и в соответствии с классификацией Б. А. Колчина датируется XII в.¹¹ Его длина 183 мм, ширина лезвия 106 мм, ширина обуха 52 мм, диаметр втулки 39 мм. На обухе имеются щековины с каждой стороны. С помощью металлографии установлено, что стальное лезвие топора наварено на неравномерно науглерожленную основу и закалено¹².

Сверло, обнаруженное на городище, имеет длину 35,4 см, длина его рабочей части 7,5 см, длина проушины 4 см, ширина в верхней части 4 см, диаметр отверстия 2,4 см. Стержень сверла около проушины имеет квадратное сечение. Датировать данное сверло можно XVI в. Такие сверла имеют широкое распространение и используются в настоящее время.

К предметам вооружения и снаряжения всадника и коня относятся наконечники стрел, рогатина, фрагмент шпоры, удила.

Рогатина имеет общую длину 37,7 см (рис. 3:23), длина пера 21 см, ширина пера 5,4 см. Диаметры втулки 37 и 30 мм. В сечении перо ромбовидное. Сварено оно из трех полос, средняя из которых стальная и закалена. Датируется рогатина по аналогиям находок из Новгорода, Литвы XIV в.

Пять найденных при раскопках наконечников стрел черешковые, два из них — срезни. Общая длина целого наконечника 12 мм, длина пера 67 мм, ширина пера в верхней части 22 мм. Датируются срезни первой половиной XIII в.¹³ Третий наконечник стрелы арбалетный. Его длина 71 мм, длина черенка — 37, шейки — 12, головки — 22 мм. Диаметр шейки равен 7 мм. Сечение головки квадратное с желобком на каждой стороне. Еще два наконечника пирамидальные с ромбическим сечением и круглой шейкой. По классификации А. Ф. Медведева, это тип 17¹⁴. Размеры их почти одинаковы. Датируются наконечники XIII—XIV вв.

Шпора сохранилась фрагментарно. По репейке ее можно датировать, согласно классификации А. Н. Кирпичникова, XIII—XIV вв.¹⁵

В числе других предметов из железа было короткое кресало овальной формы с линзовидной щелью. Его длина 7 см, ширина 2 см, толщина 3,5—4 мм. По новгородской классификации это кресало датируется началом XIII—первой четвертью XV в.¹⁶ Интерес представляет железная булава с обломанной головкой, датируемая X—XI вв.¹⁷ (рис. 3:8), возможно, скандинавского типа. Длина ее до отверстия 131 мм, толщина 8—9 мм, сечение круглое.

К изделиям XVI в. относятся прямоугольные пряжки, подковки на каблук (рис. 3) ¹⁸.

Изделия из бронзы и меди выявлены при раскопках в небольшом количестве. К ним относятся литовское пластинчатое кольцо XVI в. (рис. 3:16) ¹⁹, треугольная накладка или подвеска с тремя отверстиями в углах (рис. 3:19), бронзовая граненая головка от какого-то изделия, три мелких фрагмента пластинчатого браслета со штампованным орнаментом. Интерес представляют бронзовый четырехугольный в сечении слиток (рис. 3:10) длиной 152 мм, шириной 6,5 мм, височное перстнеобразное кудрявое кольцо X—XI вв., возможно, происходящее с территории Венгрии ²⁰, медный литой двусторонний крест рубежа XV—XVI вв. с изображением распятого Христа и Оранты. На концах креста изображены пророки ²¹.

Стекланные изделия представлены фрагментами посуды, браслетов, бусами. Определение изделий из стекла выполнено Т. С. Скрипченко.

Во время раскопок были выявлены три фрагмента венчиков посуды для питья (бокалов или скляниц) XVI в. Аналогичные изделия известны по материалам раскопок в Витебске ²².

Браслеты (13 экз.) представлены четырьмя типами: пять мелкокрученых, три среднекрученых, один витой (двухчастный) и четыре гладких круглых. По цвету браслеты различаются следующим образом: пять зеленых, пять бирюзовых, три фиолетовых. Диаметры браслетов в пределах 60 мм, диаметры жгутов 5—8 мм. Все они киевского происхождения, датируются X—серединой XIII в. Два мелкокрученых браслета перевиты желтой эмалевой полосой, перевитье среднекрученого браслета выполнено краской темно-бежевого цвета, гладкий круглый браслет также с перевитьем. Датируются браслеты концом XII—началом XIII в.

В раскопах I и II выявлено 18 бусин: восемь византийских, одна греческая и девять киевских. Византийские бусины восьмигранные, зелено-

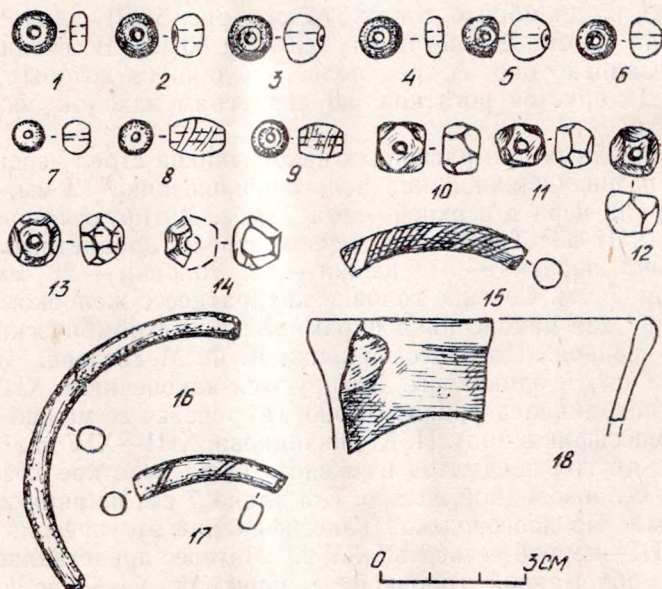

Рис. 6. Изделия из стекла с городища Курганы: 1—14 — бусы; 15—17 — фрагменты браслетов; 18 — фрагмент скляницы

го, коричневого, синего, желтого цветов и прозрачные бесцветные (рис. 6). Датируются они XI—XII вв. Греческая бусина цилиндрическая темно-зеленая с обводкой зеленой нитью (рис. 7:12). Имеет высоту 1,2 см, диаметр 0,7 см, канальное отверстие диаметром 0,21 см, ширина нити 0,2—0,25 см. Датируется XII в. Пять зонных бусин (три желтые, одна желтовато-коричневая, одна бирюзовая), один фрагмент бочонкообразной коричневой бусины, две зеленые продолговатые бусины, выполненные в технике навивки,— киевского производства и датируются XII в.

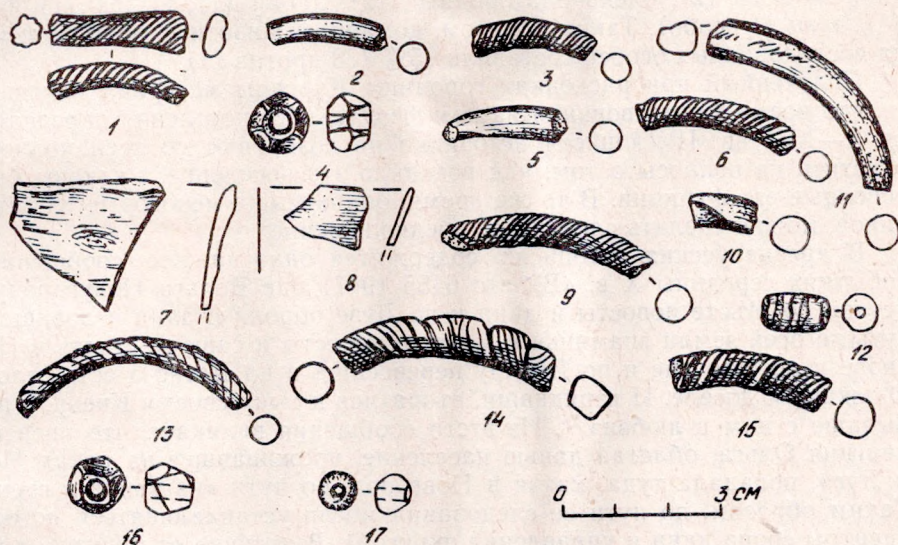

Рис. 7. Изделия из стекла с городища Курганы: 1—3, 5, 6, 9—11, 13—15 — фрагменты браслетов; 4, 12, 16, 17 — бусы; 7, 8 — фрагменты скляниц

Среди изделий из камня самую многочисленную группу составляют точильные бруски (12 экз.). Они представлены в основном фрагментами, только два из них целые. На семи брусках есть желобки, оставшиеся при заточке игл и булавок (рис. 3:13).

Шиферные пряслица (8 экз.) изготовлены из розового или серого сланца (1 экз.) и представлены двумя типами: битрапецидные (7 экз.) и одно дисковидное. Два битрапецидных пряслица обломаны вдоль диска, имеют выравненный низ. Могли использоваться в качестве пуговиц. Пряслица-пуговицы известны по Райковецкому городищу²³. На боковых гранях одного из битрапецидных пряслиц (из серого сланца) имеются буквообразные прочерки (рис. 3:21). Диаметр его 21 мм, диаметр отверстия 7 мм, высота 11 мм. Датируются пряслица X—первой половиной XIII в.

Также найдены один фрагмент зернотерки, две заготовки зернотерок, два песта (один из них известковый).

Изделия из кости представлены разными по назначению предметами. Выявлено пять жужжалок двух типов. Одно изделие, имеющее длину 64 мм, диаметр 10—12 мм, с одного края обрезано и заточено в виде рожек. Четыре экземпляра сделаны из коротких трубчатых костей с одним отверстием посередине. Одни исследователи относят жужжалки к детским игрушкам, другие — к застежкам. В качестве пуговиц жужжалки использовались в Новогрудке²⁴.

Выявлены также семь костяных проколов (рис. 3), обычно датируемых X—XIII вв., фрагмент накладки для рукояти ножа, пластинчатая подвеска с отверстием, фрагмент оленьего рога со следами обработки.

Небольшое количество костных остатков животных, обнаруженных при раскопках (245 экз.), было исследовано В. В. Щегловой. Она определила, что по видовому составу домашние и дикие животные делятся следующим образом: домашние — бык (3 особи), мелкий рогатый скот (11, в том числе 4 козы и 2 овцы), лошадь (1), свинья (17), собака (1), дикие — лось (2), олень благородный (2), кабан (1), выдра (1), бобр (4), заяц (1 особь). Таким образом, домашние животные от общего числа исследованных особей составили 75% (33 против 11).

Полученный при раскопках городища Курганы материал показывает, что время существования на нем феодального поселения определяется X—XVI вв. Имеющиеся источники не позволяют со всей полнотой ответить на вопросы о том, как возникло это поселение и каковы были основные его функции. В то же время, опираясь на некоторые из источников, можно сделать следующее предположение.

В древнерусских летописях содержится одно важное сообщение о событиях середины X в. «В лето 6455 (947) иде Вольга Новугороду, и устави по Мъсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани и ловища ея суть по всей земли знамянья и места и повосты и сани ея стоять в Плескове и до сего дне и по Днепру перевесища и по Десне и есть село ея Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися к сыну своему Киеву, и пребываше с ним в любви»²⁵. Из этого сообщения вытекает, что киевская княгиня Ольга, облагая данью население, проживавшее на реках Мста и Луга, попадала туда, как и в Новгород, по пути «из варяг в греки». Таким образом, по пути ее следования могли устанавливаться погосты (центры сбора дани и управления округой). В отличие от пунктов, контролировавших движение по главным водным магистралям (Днепр, Двина), они находились немного в стороне и связывались с этими магистралями малыми реками. Одним из таких погостов могли стать Горы. Поселение расположено на небольшой речке Быстрая, впадающей в Проню, приток Сожа. Некоторая удаленность от Днепра обеспечивала Горам определенную безопасность. В то же время поселение располагалось в зоне прохождения древних торговых и военных путей. Выгодное положение Гор, возможно, способствовало в дальнейшем их упрочению в качестве административного центра округи (волости), торгового и пограничного пункта. В пользу предположения о том, что Горы возникают как погост, может свидетельствовать клеймо в виде двузубца — родового знака на днище сосуда, найденного на городище. Подобным знаком пользовались киевский князь Игорь и его сын Святослав. После смерти Игоря таким знаком могла пользоваться и его вдова Ольга, устанавливавшая погосты по пути своего следования в Новгород.

В XII—XIII вв., по мнению М. А. Ткачева, на городище у д. Горы зарождается один из древних городов Смоленской земли²⁶. В качестве подтверждающего аргумента он ссылается на то, что площадь городища превышает 1 га. Схожую с М. А. Ткачевым точку зрения высказывает А. А. Метельский, локализуя на городище небольшой город Смоленской земли XIII в. — Изяславль²⁷. Состав археологических находок и характер культурных напластований позволяют утверждать, что на городище прослеживается поступательное развитие феодального поселения, достигшего, по-видимому, первоначального расцвета в XII в. и представлявшего собой центр сельской округи. С какого времени данное поселение было укрепленным, неизвестно, так как прорезка вала не производилась. Не

определена и площадь, которая ограждалась первоначально. Поэтому идентифицировать поселение на городище с древним Изяславлем преждевременно. Имеющиеся археологические материалы вообще не дают основания рассматривать данное поселение в качестве города. В то же время, как свидетельствуют письменные источники, дальнейшая судьба Гор сложилась таким образом, что поселение стало феодальной усадьбой. История Гор и Горской волости в XIV—XVI вв. неразрывно связана с родом князей Друцких и одной из их ветвей — Горских.

Начиная с XV в. в документах все чаще упоминаются князья Друцкие, владения которых включали не только территорию, которая прежде входила в состав Друцкого княжества, но и земли, лежавшие за его пределами²⁸.

Польский исследователь Ю. Вольф систематизировал сведения о должностях, брачных связях, земельных владениях князей Друцких²⁹. Приведенные им данные о владениях отдельных представителей рода князей Друцких дают возможность предположить, что заднепровская часть уже в конце XIV—XV в. была в их составе. Сыновья С. Д. Друцкого (1360?—1422?) Иван Путята (1390?—1440?) и Дмитрий Зубревичский (1400?—1444?) уже владели этими заднепровскими землями. От Ивана Путяты получили в наследство Горы, Шишево, Юрково и Чуриловичи с Тимковичами его два сына Михаил Шишевский и Василий Горский (1425—1495). К XVI в. род князей Друцких был настолько разветвлен, что каждый его представитель в отдельности имел очень небольшие владения. Так, к началу XVI в. горская часть уже была разделена между внуками Ивана Путяты Ю. М. Шишевским, И. В. Дудой (1460?—1515?) и Д. В. Горским (1455—1500). В «Реестре попису» 1528 г. упоминаются сыновья Ивана Дуды Федор и Иван, которые выставляли на войну лишь 21 всадника³⁰. Инвентарь Друцкого замка 1558 г.³¹ отмечает, что князья Горские, как и другие представители рода Друцких, имели доленое участие в содержании и обороне их родовой крепости.

От Юрия Шишевского часть горских владений перешла к его сыну Василию Толочинскому (1480?—1546), затем после его смерти к внучке Богдане, жене Ивана Сапеги³². В результате перепродажи между родственниками вскоре Горская волость перешла, по-видимому, полностью во владение Сапег.

В конце XVI в., когда владельцем Гор стал Лев Сапега, произошли изменения и в самих Горах. Старая усадьба, размещавшаяся на городище, была заброшена. На этой территории появилось кладбище, о котором упоминалось выше. Оно функционировало еще во второй половине XVIII в.

Примерно в 300 м юго-восточнее городища Курганы в конце XVI в. был возведен замок. В настоящее время эта местность известна как замчище Вал. Территория замка (площадь 230×150 м) была укреплена валами, по углам сохранились площадки для башен. М. Балинский и Т. Липинский отмечали, что стены замка и его семи башен были деревянными³³. В северной и южной стенах замка имелись проезды (рис. 1). Одновременно со строительством замка Лев Сапега уделял большое внимание развитию местечка в Горах. В это же время возник и город Горки (ближе к Орше), расположенный в 14 верстах от Гор. Оба населенных пункта в начале XVII в. (1619 г.) известны как Горы Большие и Горки Малые. Лев Сапега предоставил им большие привилегии, закрепленные в особом Уставе³⁴, обеспечивавшие право самоуправления и направленные на развитие торговли и промыслов. Таким образом, в XVII в. Горы являлись типичным частновладельческим поселением — местечком с ха-

рактерными для него чертами экономического развития. Замок, построенный Львом Сапегой, функционировал, вероятно, до начала XVIII в.

Южнее замчища расположено предградье, имеющее размеры 190 × 140—160 м. С южной стороны оно защищено валом длиной около 220 м, высотой 1,5—2 м и шириной в основании до 5 м. Мощностью культурного слоя на территории предградья, как показала шурфовка, составляет 0,6—0,8 м. Материал относится в основном к XVIII в. Имеются отдельные фрагменты керамики, которые можно датировать XVII в. По-видимому, эта укрепленная часть собственно городской территории — острог — упоминается в документах 80-х годов XVII в.³⁵ В последний раз укреплениями в Горах пытался воспользоваться в 1708 г. Карл XII, ожидавший там известий от Мазепы. Постепенно Горы потеряли свое военное значение, в конце XVIII в. они поступили в казну, затем стали собственностью Сологубов.

¹ Мірончыкаў Л. Ц. Помнікі м. Горы // ПГКБ. 1978. № 2. С. 32.

² Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. С. 168.

³ Бектинеев Ш. И. Городище у д. Горы // АО 1982 года. М., 1984. С. 348; Он же. Раскопки городища Курганы // АО 1983 года. М., 1985. С. 381.

⁴ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 86 (рис. 44).

⁵ Левко О. Н. Профилировка и орнаментика керамики XII—XV вв. северо-восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 79—81 (рис. 18).

⁶ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. Мн., 1984. С. 62 (табл. 3); Зданович Н. И., Трусаў А. А. Мсціслаўскі посуд XV—XIX стст. // Помнікі культуры. Мн., 1985. С. 196.

⁷ Гурын М. Ф. Металаграфічнае даследаванне жалезных прадметаў з гарадзішка каля в. Горы Горацкага раёна // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1985. № 4. С. 61—68.

⁸ Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья // Археол. сборник. 1980. Вып. 21 (рис. 4: 1).

⁹ Гурын М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв. Мн., 1987.

¹⁰ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгород. сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 156—177 (рис. 3).

¹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА СССР. 1959. Вып. 65. Т. 2. С. 25, 30 (рис. 10: 2).

¹² Гурын М. Ф. Металаграфічнае даследаванне жалезных прадметаў з гарадзішка каля в. Горы Горацкага раёна. С. 61—68.

¹³ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 30: 2).

¹⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII—XIV вв. М., 1966. С. 96 (табл. 31: 16).

¹⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973. С. 68.

¹⁶ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. С. 163 (рис. 4).

¹⁷ Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами // СА. 1971. № 4.

¹⁸ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. С. 44 (рис. 26). С. 47 (рис. 29).

¹⁹ Урбанавичюс В. Ф. Могилишкис в Якштайчый // Lietuvos archeologija. Vilnius. 1979. Т. 1. С. 133 (рис. 13: 3—5; 19: 3, 4; 22: 42).

²⁰ Бектинеев Ш. И. Раскопки городища Курганы // АО 1983 года. М., 1985. С. 381 (рис. 1); Левашова В. П. Височные кольца // Труды ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 35 (рис. 4: 6).

²¹ Бектинеев Ш. И. Раскопки городища Курганы. С. 381 (рис. 1).

²² Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. С. 54—55.

²³ Мальм В. А. Шиферные пряслица и их использование // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 204.

²⁴ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Л., 1981. С. 115, 142 (рис. 86: 2, табл. 20).

²⁵ Повесть временных лет // ПСРЛ. Ч. 1. С. 43.

²⁶ Ткачоў М. А. Замкі і людзі. Мн., 1991. С. 102.

²⁷ Метельский Я. А. К вопросу о локализации Изяславля Смоленской земли // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы второй Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению. Гомель, 1991. С. 81—82.

²⁸ Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1982.

- ²⁹ Wolff J. *Kniazowie Litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*. Warszawa, 1895.
- ³⁰ Любавский М. К. *Литовско-Русский сейм*. М., 1900. С. 357.
- ³¹ Рукописный отдел библиотеки АН Литовской Республики. В 2-1, л. 1.
- ³² Насевич В. Л. Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI стст.) // *Старонкі гісторыі Беларусі*. Мн., 1992. С. 101.
- ³³ Balinski M., Lipinski T. *Starozytna Polska*. T. IV. Warszawa, 1886. S. 580.
- ³⁴ Balinski M., Lipinski T. *Starozytna Polska*. T. IV. S. 719.
- ³⁵ ЦГИА БССР в Гродно. ф. 1143, оп. 1, д. 371, л. 66, 67 об., 68 об.

НОВАЕ ПРА СТАРАЖЫТНЫ МАЗЫР

(па матэрыялах археалагічных даследаванняў 1981—1984 гг.)

Адзін з самых старажытных гарадоў Беларускага Палесся — Мазыр — упершыню ўзгадваецца ў летапісе пад 1155 г.¹, аднак пісьмовых крыніц, што могуць расказаць пра яго першапачатковую гісторыю, захавалася нямнога. У наваколлі і на тэрыторыі сучаснага Мазыра шмат розных археалагічных помнікаў, напрыклад старажытнае гарадзішча ва ўрочышчы Кімбараўка². Таксама адзін з самых значных — гара Камунараў (былая Спаская). Гэта месца, дзе некалі быў умацаваны дзядзінец, затым шматвежавы драўляны замак.

Упершыню гэты помнік даследаваў Ю. У. Кухарэнка. Назіранні за землянымі работамі праводзіў П. Ф. Лысенка³. У 1978 г. ён разам з Т. М. Каробушкінай на тэрыторыі гары Камунараў і суседняй (былой Мікольскай) гары заклаў дзевяць шурфоў і траншэю. У іх быў прасочаны аднародны слой магутнасцю 0,7—0,9 м, моцна пашкоджаны пазнейшымі пахаваннямі і бедны знаходкамі⁴.

Рашэннем гарвыканкама ў 1978 г. гара Камунараў і тэрыторыя вакол яе былі аб'яўлены археалагічным запаведнікам. У 1981 г. архітэктурна-археалагічная экспедыцыя вытворчага аб'яднання «Белрэстаўрацыя» пачала раскопкі ў Мазыры з мэтай вывучэння культурнага слоя і яго інтэнсіўнасці ў розных месцах горада, вызначэння першапачатковага гарадскога ядра і помнікаў манументальнай архітэктуры XVIII—XIX стст. У 1981—1984 гг. экспедыцыяй кіраваў А. А. Трусаў, прычым у 1982—1984 гг. раскопкі праводзіліся сумесна з Ленінградскім універсітэтам (кіраўнік В. А. Булкін), у 1982 г. — з Інстытутам гісторыі АН БССР (кіраўнік Н. І. Здановіч)⁵. Даследаванні былога кляштара цыстэрыянак XVIII ст. і мураваных будынкаў XVIII—XIX стст. на тэрыторыі замчышча ў 1983 г. праводзіў І. М. Чарняўскі. У 1985 г. невялікія раскопкі на Гары Камунараў зрабіў А. М. Кушнярэвіч*.

Раскопкі паказалі, што першае паселішча гарадскога тыпу ўзнікла ў XII ст. на гары Камунараў, дзе знаходзіўся ўмацаваны дзядзінец. Менавіта тут і сканцэнтравана большасць знаходак XII — першай чвэрці XIII ст. Невялікі пасад знаходзіўся побач — на былой Мікольскай гары. У часы мангола-татарскай навалы абедзве гары былі пакінуты насельніцтвам, але ніякіх слядоў штурму горада ў гэты час археолагам прасачыць не ўдалося. Магчыма, што жыхары горада адступілі ў больш бяспечныя раёны да падыходу заваўнікаў. Жыццё тут узнавілася, мяркуючы па кераміцы, з другой паловы — канца XIV ст.

Першае вядомае апісанне Мазырскага замка адносіцца да 1552 г.⁶ У той час замак складаўся з дзвюх частак: уласна замка на Спаскай гары і «паркана» на акаляючай замак мясцовасці. Замак меў чатыры вежы. На яго тэрыторыі знаходзіліся Спаская царква, будынак для гараднічага і склады. У 1576 г.⁷ інвентар апавядае ўжо пра пяць замкавых вежаў. У пачатку XVII ст. замак і горад згарэлі, але хутка былі

* Вынікі даследаванняў І. М. Чарняўскага і А. М. Кушнярэвіча ў дадзеным артыкуле не разглядаюцца.

адноўлены. Пасля разбурэння ў выніку войнаў сярэдзіны XVII ст. замак быў канчаткова закінуты, і яго ўмацаванні ўжо не аднаўляліся. У сувязі з гэтым адміністрацыйны цэнтр горада пераходзіць на тэрыторыю былога «паркана» (Мікольская гара), але захоўвае старую назву «замак». Пра гэта сведчаць планы Мазыра канца XVIII — пачатку XIX ст.⁸

Даныя пісьмовых крыніц поўнасьцю пацвердзіліся ў выніку раскопак. Шурфы, закладзеныя на сучасных вуліцах Фрунзе і Горкага, паказваюць, што гэта частка горада была заселена з XVI ст., а раёны вуліц Лебіна (раскоп і траншэя) і Савецкай (шурф) — з XVII ст.

Рэшткаў замкавых умацаванняў знайсці не ўдалося. Відаць, яны былі поўнасьцю знішчаны разам з паўночнай часткай гары Камунараў у XIX — пачатку XX ст., калі гэты раён быў зноў густа заселены. Толькі ў адным з шурфоў (№ 1) на поўдні замчышча было выяўлена скапленне глінянай абмазкі на самым мацерыку. Магчыма, што гэта абмазка ад былых замкавых драўляных сценаў. Існаванне драўлянай Спаскай царквы, што пазначана на старых планах, пацвярджаюць рэшткі шматлікіх пахаванняў, прасочаных у цэнтральнай частцы замчышча.

У раскопе I на глыбіні 1—1,2 м прасочаны развал кафлянай печы сярэдзіны XVI ст., якая ацяпляла адзін з замкавых будынкаў. Ніжняя частка печы складалася з гаршковай кафлі з квадратным вусцем, верхняя — з зялёнай паліванай каробкавай кафлі, аздобленай геаметрычным арнамантам двух тыпаў. Верх быў аздоблены дэкаратыўнымі каронкамі⁹. Рэшткі другой пачы першай паловы XVII ст. прасочаны ў шурфе № 6 на тэрыторыі прадзамка.

Самы стары будынак на замчышчы — гэта частка прамавугольнай паўзямлянкі канца XII — першай чвэрці XIII ст., што знойдзена ў раскопе VI. Яна мела прыступкі, складзеныя з камянёў на гліне і кавалка шыфернага дыска. Каля прыступак знаходзіўся кавалак цыліндрычнага замка. Фрагмент другога замка, крыху меншых памераў, і рэшткі дошак, калісьці акаваных меддзю, знойдзены ў запаўненні жытла. Там жа сабраны пяць фрагментаў шкляных бранзалетаў, кавалак тачыльнага бруска, донца ад гаршка і венцы канца XII — пачатку XIII ст.

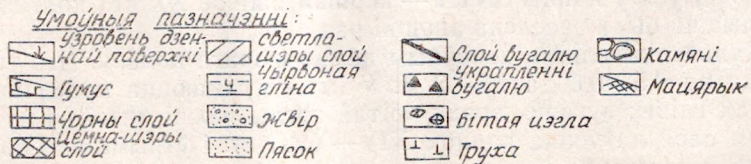
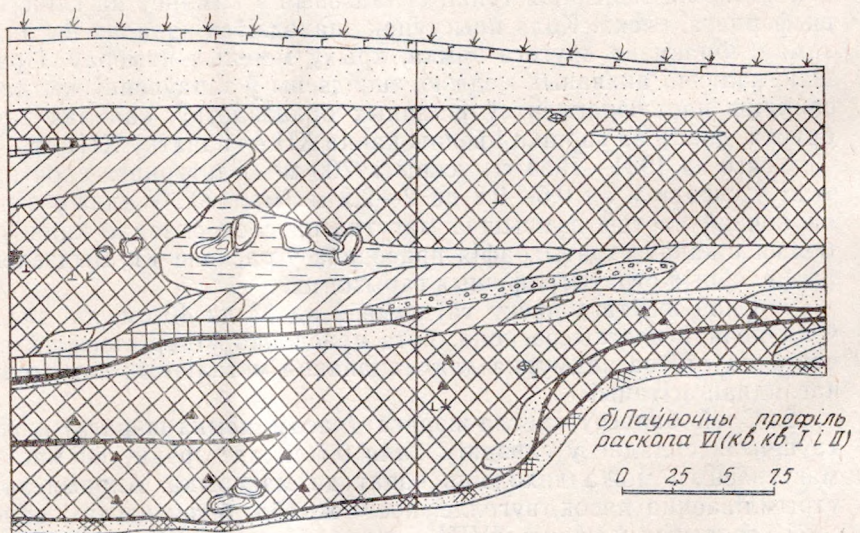
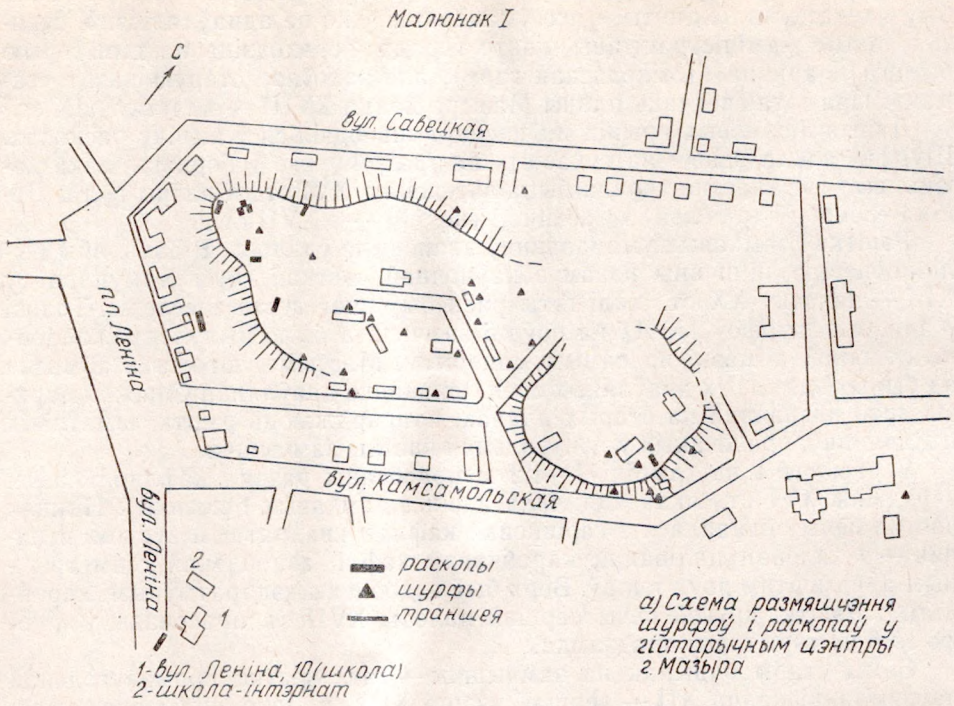
Усяго за 1981—1984 гг. ускрыта 700 м² культурнага слоя пры таўшчыні ў сярэднім ад 0,6—0,8 да 2—2,2 м (мал. 8). У адным з шурфоў у паўночнай частцы замчышча магутнасць слоя складае каля 3 м. Найбольш цікавая стратыграфія прасочана ў раскопе VI. Выдзелены чатыры няпоўныя стратыграфічныя гарызонты.

1. Слой жоўтага пяску таўшчынёй ад 15 да 40 см, які зафіксаваны ў паўночнай частцы раскопа. Гэта праслойка ўтварылася нядаўна, пад час будаўніцтва падмурка для мацавання металічных канструкцый для нагляднай агітацыі.

2. Слой баласту светла-шэрага (часам цёмна-шэрага) колеру. Яго таўшчыня складае ў сярэднім каля 0,5 м, але зрэдку ён мае большую магутнасць і можа даходзіць нават да мацерыка. Акрамя зямлі ў ім утрымліваецца пясок, вугалле, косці жывёл, бітая цэгла і вапна. Гэты слой утварыўся ў канцы XVIII — першай палове XX ст., калі гэта частка замчышча была заселена апошні раз.

3. Культурны слой у асноўным цёмна-шэрага колеру. Яго таўшчыня вагаецца ад 0,5—0,6 да 1,5—2 м. У ім сустракаюцца праслойкі пяску, чырвонай гліны, вугалю, зрэдку бітай цэгла, косці жывёл і луска рыб. У цэлым слой датуецца канцом XIV—XVII ст. і ўтрымлівае большасць знаходак гэтага часу. У гэтым гарызонце можна выдзеліць некалькі праслоек з больш вузкімі храналагічнымі рамкамі.

Праслойкі цёмна-шэрага колеру з бітай цэглай і вугалем маюць

Мал. 8. Размяшчэнне шурфаў і раскопаў у гістарычным цэнтры Мазыра і паўночны прафіль раскопа VI

агульную таўшчыню каля 60 см. Асноўная маса знаходак з гэтых праслоек датуецца XVII ст. (кафля, паліваны посуд, манеты).

Праслойка чорнага колеру, зафіксаваная ў розных профілях раскопа, утрымлівае пясок, чырвоную перапаленую гліну (рэштка печы), вугаль, луску рыб. Яе таўшчыня ад 25—30 да 70—80 см. У асноўным яна залягае пад светла-шэрымі слямі. Па рэчаваму матэрыялу яна датуецца XV—XVI стст., але ўтрымлівае шмат рэчаў XII—XIII стст., якія трапілі сюды ў выніку перакопаў. У верхняй частцы гэтай праслойкі выяўлены сляды развалаў кафляных печыў XVI ст., што складаліся з гаршковых кафляў.

4. Светла-шэры культурны слой з дамешкамі мацерыковага пяску. У ім зрэдку сустракаецца вугаль. Слой утрымлівае шмат кавалкаў шкляных бранзалетаў, праселкаў і кавалкаў бракаванага шыферу, металічных вырабы. Датуюцца ён XII — першай чвэрцю XIII ст. Найбольшую цікавасць у раскопе ўяўляе стратыграфія паўночнага профілю ў квадратах № 1 і 2 (мал. 8).

Мал. 9. Кафля з раскопак Мазыра

У выніку раскопак сабрана вялікая калекцыя бытавога посуду, кафлі, вырабаў са шкла, косці і металу. Аб'ём артыкула не дазваляе ў аднолькавай ступені поўна разгледзець усе катэгорыі знаходак. Вынікі даследавання некаторых з іх ужо апублікаваны ¹⁰ ці будуць апублікаваны пазней **, таму мэтазгодна разгледзець іх толькі канспектыўна. Найбольш поўна падаюцца вынікі даследавання калекцыі бытавога посуду, таму што менавіта ён з прычыны сваёй шматлікасці адлюстроўвае своеасаблівасць гэтага цэнтра ў сярэднявеччы. Кераміка ў некаторай ступені пацвярджае яго актыўную ролю ў гандлёвых сувязях гарадоў Палесся з Кіевам і іншымі гарадамі Падняпроўя, дазваляе сцвярджаць пра трываласць народных традыцый у гэтым рэгіёне Беларусі.

Знойдзеная кафля падзяляецца на гаршковую XV—XVI стст. і каробкавую XV—XVII стст. Першая мела круглае, крыжападобнае або прамавугольнае вусце. Гаршковая кафля з прамавугольным вусцем мацавалася паміж сабой з дапамогай гліны. Гэтыя гліняныя палоскі часам мелі арнамент (мал. 9 : 3). Каробкавая рэльефная кафля прадстаўлена тэракотавамі паліванымі (зялёнага колеру) і паліхромнымі экзэмплярамі (табл. 9 : 14). У XVI ст. мазырская каробкавая кафля аздаблялася геаметрычным (выпуклыя авалы і ўвагнутыя разеткі, «луска рыб») арнаментам. Найбольшую цікавасць уяўляе каронка ў форме чалавечай галавы і фрагмент тэракотавай кафлі з выявай жанчыны ва ўборы часу Рэнесансу. Румпа каробкавай кафлі ў XVI ст. была вельмі тоўстай і мела глыбокія насечкі ў выглядзе касой сеткі для лепшага мацавання ў аблямоўшы печы.

Кафля XVII ст. мае тонкую вонкавую пласціну, аздобленую раслінным (пашырана чатырохчасткавая сіметрыя) або геральдычным (выявы гербаў уладальнікаў і іх манаграмы) арнаментам (мал. 9). Кафля XVIII і XIX стст. прадстаўлена фрагментамі завяршэнняў печаў (мал. 9 : 15, 17).

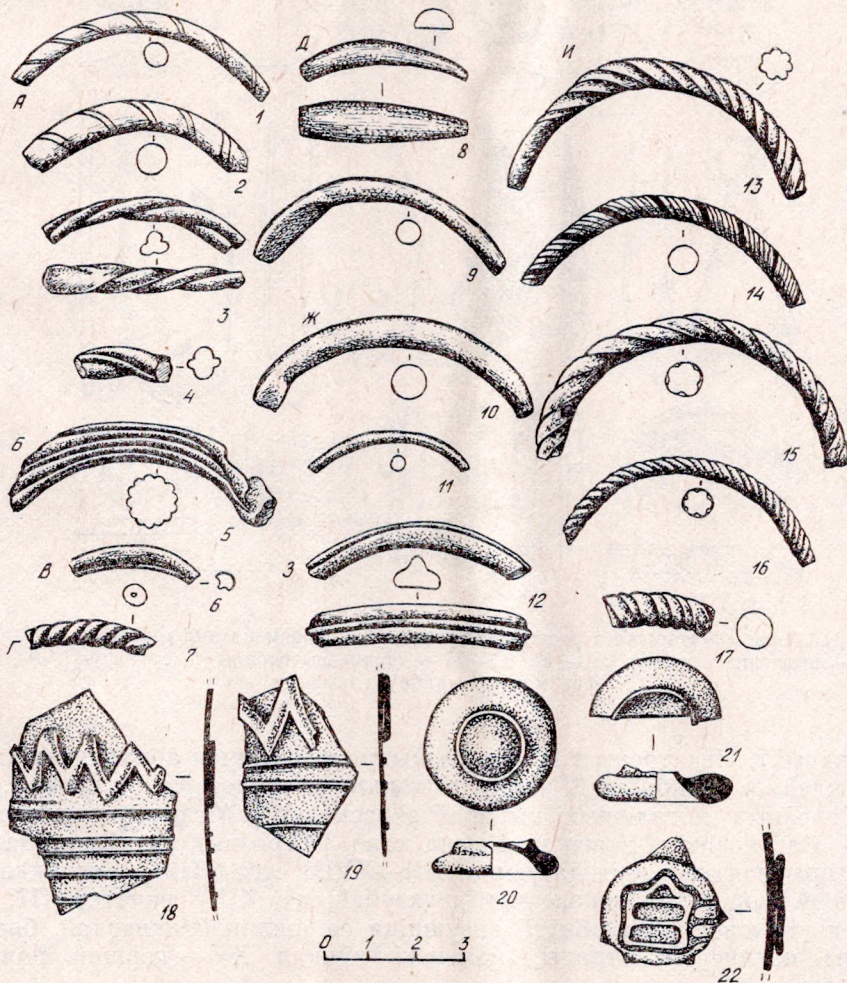
Вырабы са шкла храналагічна падзяляюцца на дзве групы. Першая ўключае матэрыялы XII—XIII стст.: 868 фрагментаў шкляных бранзалетаў розных тыпаў і колераў, большасць з якіх паходзіць з кіеўскіх майстэрняў, невялікая колькасць з нейкага рэгіянальнага цэнтра і нязначная таксама колькасць візантыйскага паходжання; фрагменты кілішка і невядомага начыння з празрыстага шкла з блакітнымі налепамі (мал. 10 : 18, 19), некалькі пацерак. Другую групу склалі шклянныя вырабы XVII — пачатку XX ст. Гэта бутэлькі, кварталы, шклянніцы, кілішкі са светла-зялёнага і бясколернага шкла, а таксама разнастайны аптэчны посуд. Уяўляе цікавасць фрагмент сасуда XVI—XVII стст. з наляпным кляймо (мал. 10 : 22).

Астэалагічны матэрыял і вырабы з косці нешматлікія, але досыць разнастайныя. Пра дзікіх і хатніх жывёл (аленя, дзіка, ляснога ката, касулю, каня, свінню, авечку, быка, казу), а таксама рыб (шчупака і ляшча), што спажываліся жыхарамі, расказваюць рогі, косці, чарапы, пазванкі і луска рыб. Знойдзены як асобныя касцяныя вырабы (колцы-накладкі і пласціны-накладкі з адтулінамі, рукаятка нажа, фрагмент наборнага грабенчыка, касцяны наканечнік і частка праколкі, прычым некаторыя з вырабаў упрыгожаны цыркульным арнаментам), так і, магчыма, нарыхтоўкі для іх (акуратна спіленыя рогі лася) (мал. 11 : 9—13, 15—17).

У час раскопак сабрана шмат вырабаў з каменю. Гэта разнастайныя

** Шкло XII—XIII стст. апрацавана Т. С. Скрыпчанка, а XVI—XIX стст.— А. Б. Сташкевіч, частка астэалагічнага матэрыялу вызначана Н. П. Александровіч.

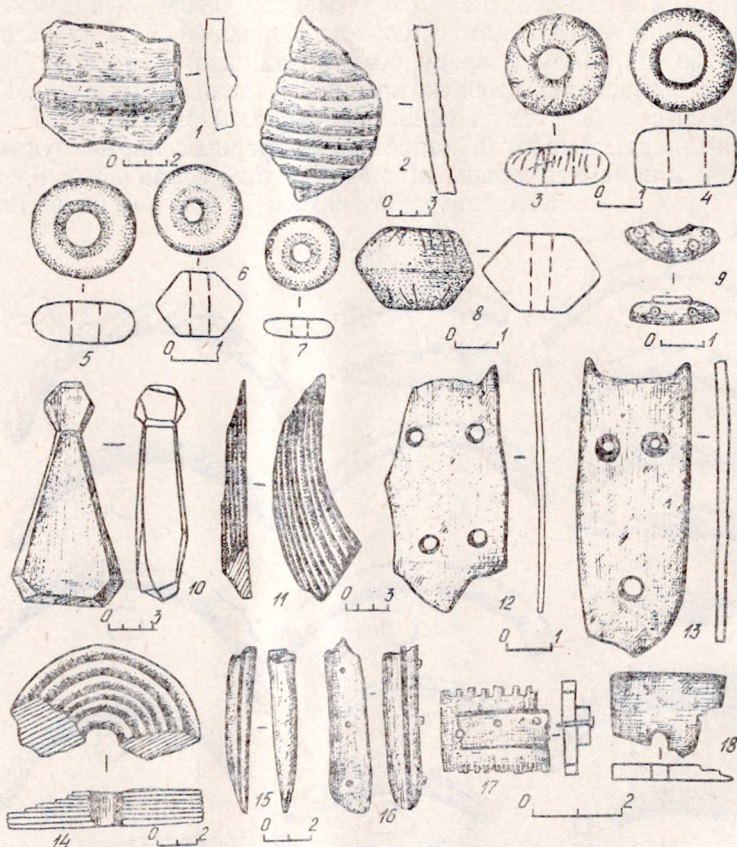
па фармату і, як правіла, моцна спрацаваныя тачыльныя брускі розных часоў, каменнае ядро, якое стратыграфічна датуецца XV — першай паловай XVI ст., палова жорнаў, вырабленых з пясчаніку (дыяметр 42 см, таўшчыня каля 4 см), і вялікая група фрагментаў, нарыхтовак і вырабаў з ружовага, фіялетавага і шэрага сланцу (шыферу). Знойдзены 92 шыферныя і вапняковыя праселкі, біканічныя і круглыя, якія па ўнутранаму дыяметру адтуліны, мяркуючы па распрацоўцы Розенфельдта, датуюцца XII — першай паловай XIII ст.¹¹ (мал. 11 : 3—8). Акрамя гатовых праселкаў знойдзена 15 фрагментаў шыферных дыскаў дыяметрам да 50 см з адтулінамі ў цэнтры велічынёй 5 і 3 см, а таксама больш за 100 абломкаў шыферу рознай велічыні. У раскопе VI нават зафіксавана вымастка з дробных камянёў і кавалак шыферу. Кавалак шыфернага дыска, як ужо адзначалася, быў выкарыстаны для прыступкі ў паўзямлянцы. Аналогіі, падобных шыферным нарыхтоўкам, невядома, аднак можна меркаваць, што Мазыр быў перавалачнай базай на дарозе з Оўруча (адлегласць да яго 90 км) у цэнтры па вытворчасці

Мал. 10. Вырабы са шкла: 1—17 — фрагменты бранзалетаў; 18—22 — фрагменты кубкаў, шклянціц

праселкаў. Падобныя цэнтры ўжо выяўлены ў Кіеве, Суздаль і на гарадзішчы Менка. Магчыма, шыферныя праселкі ў невялікай колькасці вырабляліся і ў самім Мазыры. Пра гэта сведчаць праселкі са слядамі свідравання, фрагмент дрэнна апрацаванага шыфернага вырабу і вялікая колькасць дробных фрагментаў шыферу, што выкарыстоўваліся нават для брукоўкі (мал. 11 : 14, 18).

У пластах другой паловы XVII—XVIII ст. было сабрана каля дзесяці фрагментаў керамічных люлек (чырвона- і белаяліняных, а таксама

Мал. 11. Рэчавы матэрыял з раскопак Мазыра: 1 — фрагмент амфары XII—XIII ст.; 3—8 — шыферныя праселкі; 9—13, 15—17 — касыяныя вырабы і загатоўкі; 14, 18 — фрагменты вырабаў з шыферу

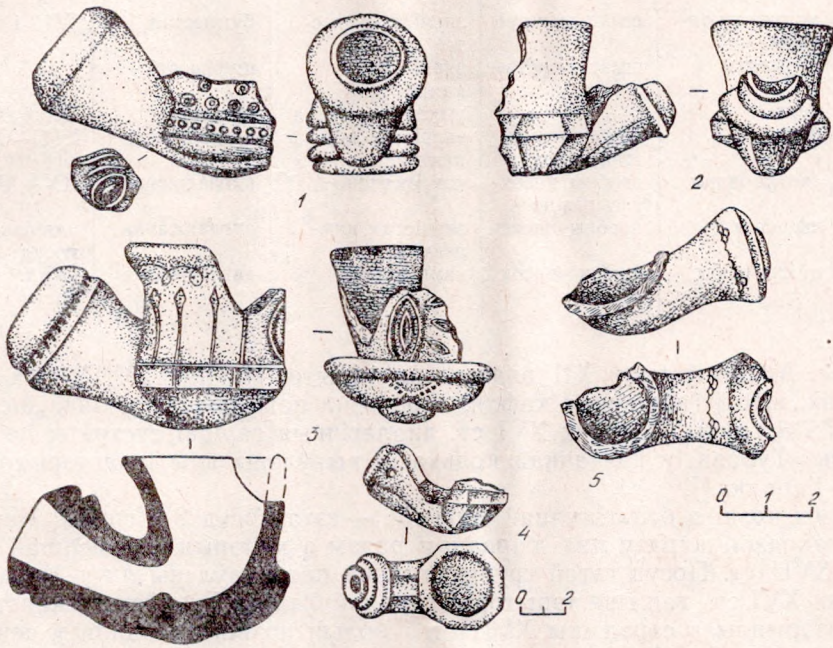
паліваных). Некаторыя з іх аздоблены геаметрычным арнамам і маюць клеймы. Найбольш цікавыя экзemplяры прадстаўлены на мал. 12.

Калекцыя металічных вырабаў з раскопак у Мазыры апрацавана Г. М. Сагановічам. Усяго знойдзена каля 300 розных рэчаў разнастайнага прызначэння, якія датуюцца XII—XVIII стст. Найбольш цікавымі з іх з'яўляюцца два наканечнікі двухзубай сахі XII — пачатку XIII ст., маленькія ювелірныя абцугі, завушніца са шкляной пацеркай, бранябойны наканечнік стралы, маленькі кінжал XV — першай паловы XVI ст.¹²

Як ужо адзначалася, найбольшая колькасць знаходак прыходзіцца на бытавы посуд. Тыпалагічнай класіфікацыяй было ахопена больш

за 4 тыс. венцаў і каля 7 тыс. сценак і донцаў начыння. Улічваліся аб-пал вырабаў, арнаментацыя і месца лакалізацыі арнаменту. Па форме тулава і асноўных прапорцыях увесь посуд падзяляецца на віды, якія па характару фармовачнай масы і апрацоўкі паверхні падзяляюцца на групы. Групы складаюцца з тыпаў, падзеленых на варыянты ў адпаведнасці з формай венца.

Прыведзеная тыпалагічная класіфікацыя непаліваных гаршкоў (усяго выдзелена 17 тыпаў — мал. 13) сведчыць пра своеасаблівасці формы

Мал. 12. Люлькі з раскопак Мазыра

мазырскіх гаршкоў і дазваляе зрабіць некаторыя назіранні за ханалагічнымі зменамі.

Датаванне выдзеленых груп керамікі зроблена па даных раскопаў і шурфоў з добрай стратыграфіяй (раскопы II і VI). Яно таксама суаднесілася з датаваннем керамікі на суседніх тэрыторыях — галоўным чынам з гарадоў Тураўскага княства і тэрыторыі Украіны.

Кераміка 1—3-й груп знойдзена амаль ва ўсіх мацерыковых ямах і ў памянёнай паўзямлянцы ў комплексе са шклянымі бранзалетамі і шыфернымі праселкамі. Падобнае начынне бытавала ў XII—XIII стст. і на тэрыторыі гарадоў Тураўскай зямлі.

У пластах не раней другой паловы XIII ст. у Мазыры, як і ў Тураве¹³, выяўлены гаршкі тыпу VIII. Аналогіі гаршкам наступнага, IX тыпу на тэрыторыі Давід-Гарадка знойдзены пераважна ў сляях XIII—XIV стст.¹⁴

Сасуды тыпу X, асабліва яго варыянты Б і В, характэрны ў Мазыры ў асноўным для слаёў XV ст., хаця ў Тураве гаршкі варыянта А сустракаюцца і ў сляях XIV ст.¹⁵ У гэты ж час з'яўляецца начынне 6-й групы, хоць гаршкі тыпу XI бытавалі яшчэ і ў XVI ст., асабліва варыянт В, на знешняй паверхні венцаў і сценак якога сустракаліся зацёкі зялёнай

Табліца. Петраграфічны аналіз фрагментаў посуду XII—XVII стст.

№ п/п	Колер пасля абпалу	Дамешкі	Структура на зломе	Паверхня	Тыпы венцаў гаршка
1	белы	пясок	порыстая	шурпатая	I—IV
2	белы, закопчаны	дробная жарства	щчыльная	бачна жарства	V—VI
3	ружовы	дробны пясок	зярністая		
			щчыльная	адгладжаная	VIII
4	моцна закопчаны	шмат жарствы	зярніста-порыстая	бугрыстая	VII і IX
5	шэраваты	шмат жарствы	зярністая	шурпатая?	X
			кампактная		
6	белы	—	рыхлая слаістая	шурпатая	XI і XII
7	белы	дробная жарства, мала	зярністая кампактная	адгладжаная	XIII—XIV
8	светла-шэры	дробны пясок у сыравіне	кампактная	адгладжаная	XV—XVII
9	чырвоны	дробны пясок	зярністая кампактная	адгладжаная	паліваны посуд
10	цёмна-шэры	дробны пясок	кампактная	адгладжаная	дымл. посуд

палівы. Аналогіі тыпу XII вядомы на тэрыторыі Пінска¹⁶. У тых жа пластах, што і гаршковая кафля, знойдзена найбольшая колькасць керамікі 7-й групы. У сляях XVI ст. аналагічныя гаршкі сустрэты на тэрыторыі Турава, у нязначнай колькасці выяўлены яны і на тэрыторыі Давід-Гарадка¹⁷.

Самы позні з белаглінянай керамікі — гэта посуд 8-й групы. Часам яго знаходзілі адразу пад дзірваном разам з матэрыяламі першай паловы XVII ст. Посуд гэтай групы шырока прадстаўлены як у Мазыры ў сляях XVI ст., так і на тэрыторыі гарадоў былога Тураўскага княства.

Матэрыялы з сярэдзіны XVII ст. і больш познія складала ў асноўным начынне 9—10-й груп: непаліваны посуд, а таксама паліваны і дымлёны. Гэта ў асноўным гаршкі і накрыўкі да іх (мал. 14а : 1—4), рынкі (мал. 14а : 8) і тарны посуд (мал. 14а : 6), талеркі, міскі і збаны.

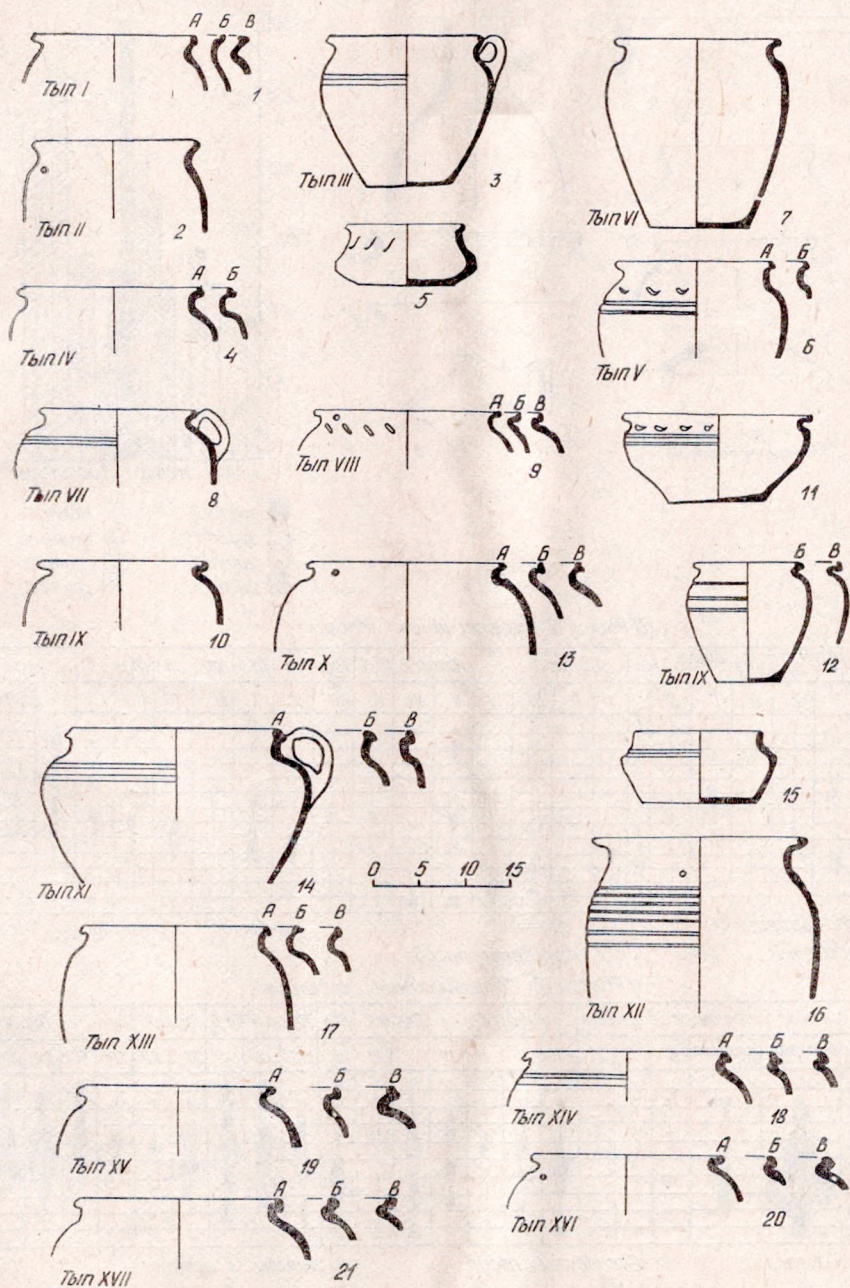
Для матэрыялаў другой паловы XII—XIII ст. характэрны гаршкі, што маюць выразную шыйку сярэдняй велічыні, моцна адхіленае вонкі венца, край якога загнуты ўнутр і мае вузкі раўчук (мал. 13, тып. I, III, IV, VI : VII), і гаршкі з прывостраным коса зрэзаным краем (тыпы II і V). Ступень распаўсюджанасці розных тыпаў гаршкоў гэтага часу, як і пазнейшых, прыведзена на гістаграме (мал. 14б). Акрамя гаршкоў у гэты час ужываюцца рабрыстыя міскі (мал. 13 : 5, 15) і латкі (мал. 13 : 11).

У сляях канца XII — першай чвэрці XIII ст. знойдзена некалькі фрагментаў паліванага посуду, відаць, кіеўскага паходжання. З рэчаў кіеўскага керамічнага імпарту трэба адзначыць карчагу з дзвюма ручкамі, аздобленую хвалістым арнамантам з кропляю палівы на сценцы. Карчага была знойдзена ў адной з гаспадарчых ям у раскопе VI і выкарыстоўвалася для захавання харчовых прадуктаў. Карчагі такога тыпу вырабляліся кіеўскімі ганчарамі і вядомы па раскопках у Кіеве¹⁸.

У XIII—XV стст. у форме начыння адбываюцца змены: памяншаецца шыйка, венца адэгнута амаль гарызантальна (мал. 13, тыпы VIII—IX). У гэты час шырока распаўсюджваецца начынне з рабрыстым пераходам плечука ў тулава (мал. 13, тып. X), хоць сустракаюцца гаршкі з высокай шыйкай і моцна патоўшчаным краем венца (мал. 13, тыпы XI і XII). Па-ранейшаму захоўваецца раўчук на ўнутраным краі венца.

Сярод матэрыялаў XVI—XVII стст., як вынікае з гістаграмы (мал. 146), нязначная колькасць гаршкоў захоўвае рабро на плячуку (тып XIII), але пераважае начыненне з ледзь прыкметным раўчуком і шыйкай (мал. 13, тыпы XIV—XVII), венца ўсё больш нагадвае насаджаны на плячук валік.

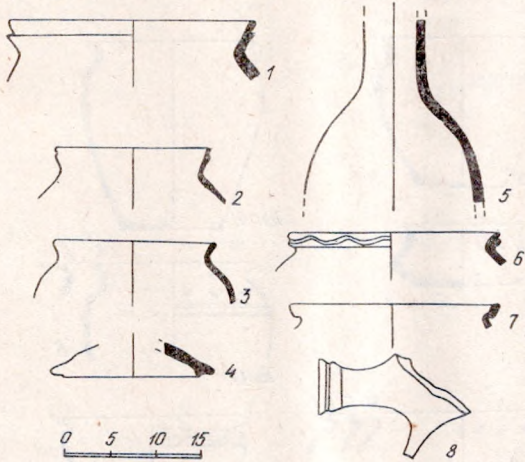
Як вынікае з табліцы, значная частка начыння арнаментавана паралельнымі ўразнымі стужкамі, насечкамі, выкананымі пад нахілам або

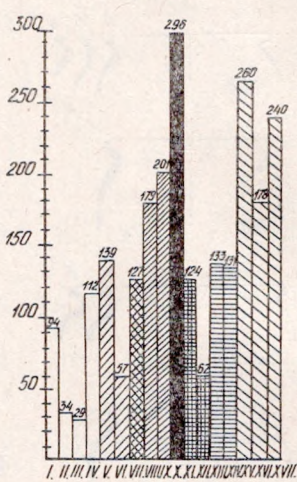
Мал. 13. Тыпалогія непаліванага посуду

шляхам гарызантальнага ці вертыкальнага пазногцевага ўціскання. Сярод матэрыялу другой паловы XII—XIII ст. часцей за ўсё сустракаецца камбінаваны арнамент з паралельных стужак і пазногцевых уціскаў над імі. Такі ж арнамент, выкананы ў тэхніцы ангобнага роспісу, характэрны для матэрыялу XIX — пачатку XX ст. Традыцыя арнантаваць не-

а) Асноўныя тыпы паліванага і дымленага посуду

б) Гістаграма колькасці венаў па тыпах

- група 5
- ▨ група 1
- ▧ група 2
- ▩ група 3
- група 4
- група 6
- ▬ група 7
- ▭ група 8

в) Раскоп II. Карэляцыйная табліца

Назвы датуючых знаходак					гр.	Група 1		Група 2		Гр. 3		Група 4		Гр. 5		Група 6		Група 7		Група 8		
А	Б	В	Г	Д		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
0					1																	
1					2																	
2					3																	
3					4																	
4					5																	
5					6																	
6					7																	
7					8																	
8					9																	
9					10																	
10					11																	
11					12																	
12					13																	
13					14																	

А-бронзалеты
Б-праселкі

В-кафля
Г-паліваны посуд

Д-вырабы з металу

г) Раскоп IV. Карэляцыйная табліца

Назвы датуючых знаходак					Група 1		Група 2		Гр. 3		Група 4		Гр. 5		Група 6		Група 7		Група 8			
пл	бронзал	праселкі	В	Г	Д	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII
1																						
2																						
3																						
4																						
5																						
6																						
7																						
8																						
9																						
10																						

В-кафля

Г-паліваны посуд

Д-вырабы з металу

Мал. 14. а — асноўныя тыпы паліванага і дымленага посуду; б — гістаграма колькасці венаў па тыпах; в, г — карэляцыйныя табліцы раскопаў II, VI

паліваны посуд захоўвалася да XVII ст., але колькасць арнаментаваных гаршкоў нязначная. Арнамент — дзве-тры ледзь прыкметныя паралельныя стужкі па плечуку (мал. 13, тып XIV). Характэрнай рысай мазырскіх гаршкоў з'яўляюцца невялікія адтуліны дыяметрам да 0,5 см на шыйцы многіх сасудаў, што прасвідроўваліся ўжо пасля абпалу. Гэта след рамонту трэснутых гаршкоў (мал. 13, тыпы II, VIII, X, XII, XV, XVI). Начынне другой паловы XII—XV ст. выраблялі ў тэхніцы спіральнага або спіральна-стужкавага налепвання, пра што сведчаць сляды на ўнутранай паверхні, асабліва ў прыдоннай частцы, а таксама сляды ад ганчарнага круга і клеймы на донцах. Клеймы сустракаюцца ў выглядзе канцэнтрычных кругоў з малюнкам унутры іх і без малюнка, з X-падобным знакам, геаметрычнымі фігурамі і ў выглядзе літар.

Светла-буры і блізкі да белага колер чарапкаў абумоўлены нізкім працэнтным утрыманнем гідравокіслаў жалеза ў гліністай сыравіне, што з'яўляецца характэрнай асаблівасцю палескіх глін. Яны характарызуюцца таксама дрэннай паветрапранікальнасцю, таму ўнутры чарапка пад час абпалу ўтвараецца асяроддзе, блізкае да аднаўленчага. Буры колер керамікі абумоўлены часам і нявытрыманым, блізкім да аднаўленчага рэжымам абпалу.

Петраграфічны аналіз керамічнай масы *** паказаў, што найбольш блізкая па характарыстыцы сыравіна сустракаецца на захад ад горада, у раёне в. Скрыгалава ў выглядзе другасных залежаў.

Посуд 9-й групы выраблены з сыравіны бурых і жоўтых таноў са значнымі дамешкамі каліевых палявых шпатаў і слюды. У наваколлях Мазыра яна вядома ў радовішчы Дразды. Посуд гэтай групы сустракаецца ў сляях другой паловы XVII ст. На падставе керамічнага матэрыялу можна меркаваць, што ў гэты час была заселена пераважна паўднёвая і паўднёва-ўсходняя частка тэрыторыі, якая прылягала да замчышча.

Аналіз формаў непаліваных гаршкоў з Мазыра і параўнанне з матэрыяламі з суседніх тэрыторый паказалі іх найбольшую блізкасць да гаршкоў гэтага часу з гарадоў Тураўскай зямлі, асабліва з Турава і Давід-Гарадка. З 17 тыпаў тураўскіх гаршкоў дзесяць маюць дакладныя аналогіі сярод матэрыялаў з Мазыра, адпаведна з 12 тыпаў гаршкоў з Давід-Гарадка восем аналагічныя выдзеленым тыпам непаліваных гаршкоў калекцыі з Мазыра¹⁹. Блізкае па форме начынне сустракаецца і на тэрыторыі паўночнай Украіны, што ў значнай ступені тлумачыцца блізкай па якасці да нашых палескіх глін сыравінай.

Такім чынам, вынікі даследаванняў 1981—1984 гг. паказалі, што Мазыр у канцы XII ст. быў даволі вядомым горадам з ядром на гары Камунараў (былой Спаскай). Знаходкі шматлікіх бранзалетаў, шыферных праселкаў, цэлай карчагі, якая аналагічная знойдзенай у Кіеве, і фрагментаў паліванай беллаглінянай керамікі, што, магчыма, паходзіць з таго ж цэнтра, а таксама фрагментаў амфар даюць уяўленне пра гандлёвыя сувязі Мазыра. Шматлікія кавалкі шыферу і шыферных дыскаў даюць падставы меркаваць, што жыхары горада не толькі спажывалі і прывазныя вырабы, але выконвалі ролю пасрэдніка ў распаўсюджванні сыравіны для вырабу праселкаў па іншых гарадах Беларусі.

Шматлікасць фрагментаў бытавой керамікі XII—XVIII стст. дала магчымасць упершыню атрымаць поўнае ўяўленне пра развіццё формаў мазырскага посуду ў гэты час, распрацаваць тыпалагічную класіфікацыю самага шматлікага яго віду — непаліванага гаршка.

*** Петраграфічны аналіз праведзены ў хімілабараторыі АП БРПІ навуковым супрацоўнікам Т. І. Ляўковай.

Аналіз формаў бытавога посуду з Мазыра і параўнанне іх з формамі посуду з іншых гарадоў Тураўскай зямлі дазваляюць прапанаваць наступную гіпотэзу. На Палессі ў XII—XVII стст., магчыма, існаваў магутны цэнтр ганчарнай вытворчасці, што часткова пастаўляў сваю прадукцыю ў населеныя пункты па цячэнню Прыпяці, у тым ліку ў Мазыр. Ён, па меншай меры, мог садзейнічаць фарміраванню ўстойлівых рэгіянальных традыцый, водгукі якіх захаваліся яшчэ да канца XIX — пачатку XX ст.

Археалагічныя раскопкі дазволілі таксама прасачыць працэс паступовага перамяшчэння інтэнсіўнага жыцця з замчышча на прылягаючую да яго тэрыторыю (былую Спаскую гару). Асабліва актыўна гэты працэс назіраўся з другой паловы XVII ст., што фіксуецца па знойдзеных там фрагментах паліваных гаршкоў, рынак, місак і талерак, а таксама дымленай керамікі (гаршкоў і накрывак да іх).

¹ Полное собрание русских летописей. Спб., 1856. Т. VII (Воскресенская летопись). С. 68.

² Залашка Г. М. Кімбараўскае гарадзішча // ПГКБ. 1983. № 4. С. 37—38.

³ Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. М., 1961. С. 31; Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974. С. 172—173.

⁴ Лысенко П. Ф., Коробушкина Т. Н. Исследования Туровского отряда // АО 1978 года. М., 1979. С. 442.

⁵ Трусов О. А. Археологическое изучение архитектурных памятников Белоруссии // АО 1981 года. М., 1983. С. 362; Трусов О. А., Зданович Н. И. Исследования Мозыря // АО 1983 года. М., 1984. С. 373—374; Трусов О. А. Изучение памятников архитектуры на территории Белоруссии // АО 1983 года. С. 408; Друшиц С. А., Трусов О. А. Исследования архитектурно-археологической экспедиции // АО 1984 года. М., 1986. С. 343.

⁶ Архив Юго-Западной России. Киев, 1886. Т. 1, ч. VII. С. 611—647.

⁷ Белоруссия в эпоху феодализма. Мн., 1959. Т. 1. № 126.

⁸ Боровой Р. В., Трусов О. А. Археологические исследования исторического центра г. Мозыря // Археологические исследования в исторических центрах городов Литовской ССР. Тез. сообщ. Вильнюс, 1981. С. 77.

⁹ Трусаў А. А. Археалагічныя даследаванні // ПГКБ. 1982. № 2. С. 39—40.

¹⁰ Сагановіч Г. Металічныя вырабы // ПГКБ. 1986. № 4.

¹¹ Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. 1964. № 4. С. 223.

¹² Сагановіч Г. Металічныя вырабы.

¹³ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли (мал. 13, тып 4 Б, В; 5; мал. 42, тып. 1; мал. 59, тып 8, 9; мал. 55).

¹⁴ Там жа (мал. 13, тып 7 А).

¹⁵ Там жа (мал. 42, тып 3 Б).

¹⁶ Там жа (мал. 42, тып. 7 Б).

¹⁷ Там жа (мал. 37, тып 8).

¹⁸ Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 229 (рис. 125).

¹⁹ Лысенко П. Ф. Города Туровской земли (мал. 13, тып 6 В—Д, 14, 17; мал. 42, тып 3 В, Г; 6, 8).

ФЕОДАЛЬНАЯ УСАДЬБА XVI—XVIII вв. У д. МОЧУЛИНО

Позднесредневековые селища относятся к малоизученным археологическим памятникам. Необходимость в их археологическом исследовании заключается прежде всего в том, что многие аспекты развития сельских поселений не нашли достаточно полного отражения в письменных источниках. Особенно фрагментарны сведения первоисточников о материальной культуре сельского населения.

Основными типами сельских поселений XVI—XVIII вв. в Беларуси являлись деревни (села) и феодальные усадьбы (дворы, фольварки). Усадьбы располагались, как правило, вблизи деревень или местечек, в наиболее благоприятных по топографии местах.

Селище, культурный слой которого содержит характерные признаки феодальной усадьбы XVI—XVIII вв., было обнаружено автором в 1985 г. в 0,3 км на северо-запад от д. Мочулино (Волковысский р-н Гродненской обл.), на территории бывшего имения. Поселение размещалось на возвышении правого берега р. Мочулянки — правого притока Роси. Подземный материал здесь прослеживается на площади около 20000 м². Культурный слой селища в значительной степени был поврежден при возведении построек во второй половине XIX в. Его мощность составляет 0,6—0,85 м. В 1985—1987 гг. на памятнике было исследовано 224 м².

В раскопе 1 на глубине 0,3—0,4 м был выявлен фундамент деревянной постройки. Нижняя часть фундамента состоит из уложенных с некоторыми промежутками камней 0,25—0,4 м в поперечнике. Камни находятся на слое глины толщиной 0,2 м. По углам кладки расположены валунные камни с плоскими поверхностями, 0,6—0,8 м в поперечнике. Верхнюю часть фундамента составляют один или два ряда кирпичей, скрепленных известковым раствором. Их размеры 25×13,5×7,5; 27×14×7 см. Ширина кирпичной кладки 0,25—0,3 м. Кирпичи в западной и северной частях кладки помещены лицевыми, а в южной — как лицевыми, так и боковыми гранями вверх. Длина полностью вскрытой (западной) стенки фундамента составляет 9 м. Северная и южная кладки прослеживаются на протяжении 4—6 м. По обнаруженным в пределах постройки материалам (бытовая керамика, изразцы) она может быть датирована XVII—XVIII вв.

Среди находок наиболее многочисленной является коллекция бытовой керамики (свыше 13 тыс. фрагментов). Она делится на кухонную и столовую посуду. Большинство фрагментов относится к кухонной посуде, среди которой в свою очередь преобладают горшки (примерно 90% всей посуды). При изготовлении большинства горшков применялась глина коричневой окраски. Отдельными фрагментами представлены белоглиняные горшки. Также немногочисленны черепки от мореной посуды. В тесте горшков содержится примесь мелко- и среднезернистого песка. Поверхности серого, коричневого или серовато-коричневого цвета, часто со следами нагара. Излом черепков одноцветный (серый) или двухцветный (серовато-коричневый). Толщина стенок горшков 0,3—

0,7 см, диаметр венчиков 13—20 см. Днища плоские, срезанные, толщиной 0,5—1 см. На некоторых видны следы подсыпки. Диаметр 11—20 см. Клейм не отмечено. Ручки горшков имеют высоту 5,5—8 см. По середине внешней стороны ручек проходят выемки. К крышкам относится только один небольшой фрагмент верхней части.

По формам венчиков, шейки и плечиков выделено пять основных типов горшков.

Тип I. Горшки с очень коротким, прижатым к тулову венчиком. Шейка не прослеживается, плечики высокие. В данном типе имеются варианты с округлыми или кососрезанными венчиками.

Тип II. Короткий, приподнятый вверх венчик, слабовыраженная шейка, плечики высокие. Здесь также выделяются варианты с округлым или кососрезанным венчиком. У отдельных горшков венчики слегка отогнуты наружу.

Тип III. Высокий, кососрезанный венчик, плавно изогнутая шейка, высокие плечики.

Тип IV. Вертикальный, округлый венчик. Маленькая шейка плавно переходит в средневыпуклое плечико.

Тип V. Короткий, немного отогнутый наружу венчик. Маленькая плавно изогнутая шейка переходит в высокое плечико. Выделяется вариант с округлым венчиком.

В ассортименте кухонных горшков преобладают типы I—III. Выделенные в коллекции типы горшков были характерными для многих позднесредневековых селищ Западной Беларуси. Особенно часто на них встречаются горшки первого типа. Ареал их распространения достаточно широк. Аналогичной формы горшки известны по материалам раскопок различных памятников Беларуси и северо-западной части России¹.

Из других видов кухонной посуды чаще всего употреблялись макотры. Среди них преобладали сосуды со слегка приподнятым вверх, кососрезанным венчиком. На некоторых фрагментах по срезу венчика имеются пальцевидные вдавления. Отдельные макотры в верхней части тулова украшены линейным орнаментом. Найден фрагмент макотры, покрытый изнутри зеленой поливой. Толщина стенок макотр 0,8—1 см, диаметр венчиков 22—26 см. Большинство мисок имеют горизонтальный венчик. Внешние стороны некоторых мисок оформлены линейным орнаментом или налепным валиком. Толщина стенок данных сосудов 0,5—0,8 см, диаметр венчиков 18—20 см. Найдена мореная миска полного профиля. Она имеет высоту 7,5 см, диаметр венчика 16 см, дна — 11 см. Венчик вертикальный, кососрезанный. Найдены и фрагменты такого распространенного в позднем средневековье вида кухонной посуды, как рынки (сковородки на трех ножках). Они изготовлены из красной глины и покрыты изнутри зеленой или коричневой поливой. Высота ножек 4—5 см, диаметр венчиков 13—18 см. Кувшины представлены несколькими фрагментами мореных сосудов. Толщина стенок 0,4—0,6 см, диаметр венчиков 15—18 см.

Количество орнаментированной посуды невелико (около 300 фрагментов). Чаще применялся линейный орнамент, значительно реже — штампованный (в виде ромбовидной сеточки), волнистый и ногтевой.

К столовой посуде относятся тарелки, кубки и некоторые горшки. Тарелки имеют округлый, вертикальный или отогнутый наружу венчик. Внешние стенки тарелок неполивные, а внутренние покрыты поливой и расписаны волнистой линией или растительным орнаментом. Отдельные фрагменты покрыты изнутри ангобом. Диаметр венчиков 18—25 см, толщина стенок 0,4—0,5 см. Кубки имеют диаметр днищ 6—8 см, толщина

стенок 0,3 см. Изнутри они были покрыты поливой. На одном из фрагментов полива нанесена с обеих сторон. К столовой посуде относятся также поливные горшки с ручкой. Это тонкостенные сосуды (0,3—0,4 см). Диаметр венчиков 14—22 см. По верхней части тулова нанесен штампованный орнамент в виде мелкой или крупной ромбовидной сеточки. Внутренние, а также верхние части сосудов покрывались поливой зеленых или коричневых оттенков. Такой вид посуды во второй половине XVI—XVII в. был широко распространен в Беларуси и на смежных территориях². Горшки изготавливались как из красной, так и из белой глины. Известно, что местом изготовления подобных белоглиняных горшков являлся г. Ильжа (территория современного Радомского воеводства в Польше)³. О ввозимых в Беларусь «белых и полеваных» горшках из Ильжи свидетельствуют письменные источники второй половины XVI в.⁴

Представляет интерес большой поливной красноглиняный сосуд с двумя ручками. Изнутри он покрыт коричневой поливой, а снаружи — ангобом. Верхняя внешняя часть сосуда покрыта зеленой поливой и штампованным орнаментом, а также небольшими наклепленными пластическими украшениями в виде ягодок. По плечикам нанесен линейный орнамент. Толщина стенок сосуда 0,5 см, в придонной части 0,8—0,9 см. Диаметр венчика 25 см, дна — 16 см.

К строительной керамике относится кирпич. Он использовался в кладке фундамента выявленной постройки, а также, вероятно, в основании изразцовых печей. Применялся кирпич двух типов: гладкий и с бороздками на поверхности («пальчатка»). Неглубокие бороздки расположены параллельно боковым граням. Кирпич изготовлен из хорошо промешанной глины с примесью песка. Цвет поверхности красновато-коричневый. Размеры кирпичей 26×14×8; 25×13,5×7,5; 22×11,5×7; 23×12×5,5 см.

На селище найдено свыше 1200 фрагментов изразцов. Они относятся к двум типам: горшковым (сосудобразным) и коробчатым (пластинчатым). Горшковые изразцы представлены так называемым мисковым вариантом (рис. 15 : 1). Основные хронологические рамки существования таких изразцов — XVI—XVIII вв.⁵ Они изготовлены из красной глины с примесью мелкозернистого песка. Тулово имеет вид усеченного конуса. Устье четырехугольной формы, размер 14×12 см. Высота изразцов 12 см, диаметр дна 12 см, толщина стенок 0,6 см. Внешние стенки профилированы неглубокими горизонтальными бороздками. На некоторых днищах видны следы нагара. Выявлен также фрагмент горшкового изразца с устьем квадрифольной формы. Поверхность светло-коричневого цвета. В тесте примесь мелко- и среднезернистого песка. Толщина стенок 0,7—0,8 см.

Коробчатые изразцы представлены терракотовыми и поливными пластинами. Большинство составляют рельефные изразцы с зеленой поливой, которые датируются XVII в. К этому же времени относятся немногочисленные полихромные пластины. Найдены также гладкие с коричневой поливой и расписные изразцы XVIII в., покрытые белой эмалью и синим растительным орнаментом.

В раскопе выявлены все части облицовки печи — стенные, угловые, карнизные, поясовые изразцы, коронки. В коллекции преобладают квадратные стенные пластины (20,5×20,5 см). Края большинства пластин оформлены двухступенчатой рамкой шириной 1 см. Находки безрамочных изразцов единичны. Угловые изразцы состоят из двух стенных, соединенных под углом 90° (рис. 15 : 3). Длина угловой пластины 10,5 см. На карнизных изразцах выделяются две части, имеющие различный орнамент. В одном из вариантов верхняя и нижняя пластины разделены

рамкой. Размеры данных изразцов 25,5×14,5; 18,5×17 см. В качестве поясных использовались гладкие, с коричневой поливой изразцы размером 18×10,5 см (рис. 15 : 7). К изразцам-перемычкам относятся небольшие расписные пластины XVIII в. размером 8,5×3,5 см (рис. 15 : 8). Верхние части печей украшали резные, фигурные коронки с элементами геометрического и растительного орнамента (рис. 15 : 6). Высота коронок 9—14 см. Румпы изразцов имеют форму усеченной пирамиды. Высота румп 8 см. Края оформлены отогнутым наружу одинарным кантом

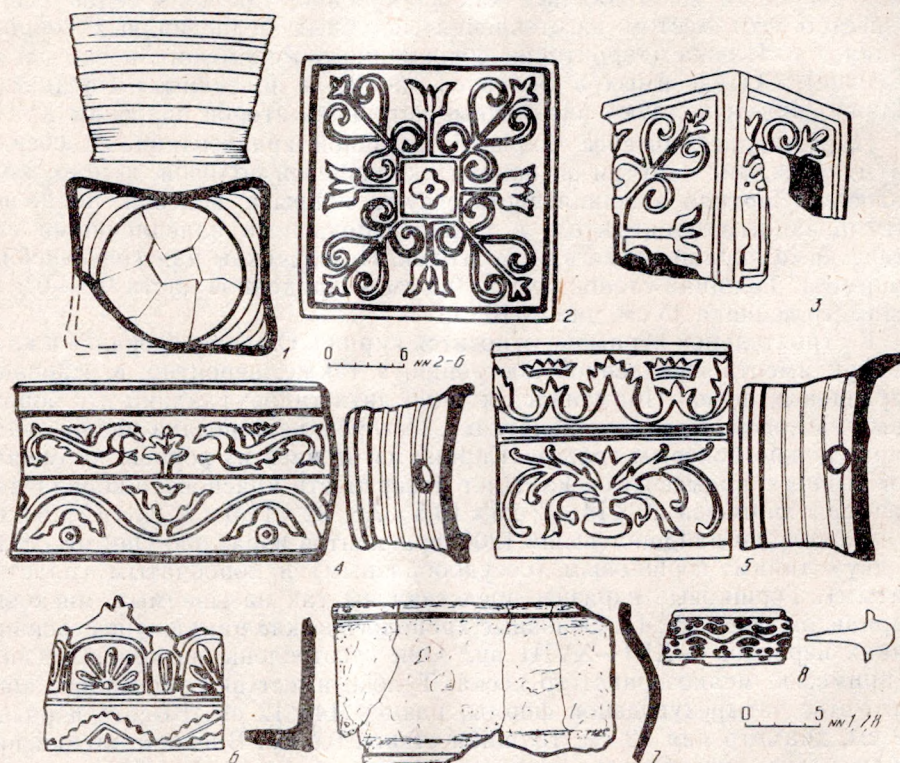

Рис. 15. Типы изразцов из раскопок у д. Мочулино: 1 — мисковый изразец; 2 — стеной изразец; 3 — угловой изразец; 4—5 — карнизные изразцы; 6 — коронка; 7 — поясовой изразец; 8 — изразец-перемычка

шириной 1,3—2 см. На некоторых румпах по середине канта проходит неглубокая бороздка. В стенках румп имеется по два отверстия для перевязки плиток проволокой. Диаметры отверстия 1,5—1,8 см. Внешние стенки румп профилированы мелкими параллельными бороздками.

В орнаментальном заполнении пластин преобладают элементы растительного орнамента. Основная масса как терракотовых, так и поливных плиток имеет четырехсимметричный растительный рисунок (рис. 15 : 2). В центре пластины находится помещенный в рамку цветок. От него в четырех направлениях по диагонали расходятся стилизованные листья, а перпендикулярно рамке помещены изображения цветов. На карнизных изразцах различные элементы растительного орнамента (букет в вазе, листья) сочетаются с геральдическими (в виде корон) и изображением морских коньков (рис. 15 : 4, 5). Найдено несколько безрамочных изразцов с так называемым ковровым орнаментом. Стилизо-

ванные изображения растений имеются также на расписных изразцах XVIII в. Геометрический орнамент выявлен на единичных экземплярах. К геральдическим изразцам относится фрагмент с рисунком «Погони» — государственного герба Великого княжества Литовского. Аналогичные пластины находятся в собрании Гродненского историко-археологического музея⁶. Найдены изразцы с гербом Олендских «Равич»⁷ и с изображением ангелов, поддерживающих геральдический щит. Из письменных источников известно, что Олендские владели имением Мочулино во второй половине XVII—XVIII в.⁸ Примером орнамента сюжетного характера является небольшой фрагмент поливного изразца с изображением мужской головы.

В результате раскопок выявлено 1202 фрагмента стеклянных изделий, относящихся к посуде и оконному стеклу. Сосуды изготовлены из цветного (желтого, зеленого, коричневого) стекла, а также из бесцветного прозрачного. Весь ассортимент стеклянной посуды можно разделить на две группы: сосуды для хранения жидкостей (бутылки, кварты) и для питья (бокалы, скляницы, стопки). В позднем средневековье названные сосуды имели широкое распространение по всей Беларуси, а также на соседних территориях (Литва, Польша, Россия, Украина).

К самым массовым стеклянным изделиям относятся бутылки. В широкое употребление они входят начиная с XVIII в. Бутылки представлены сосудами цилиндрической формы с днищами, которые на 1—4 см вогнуты вовнутрь. Диаметр днищ 7—12 см. Толщина стекла 0,5—1 см. Горлышки диаметром 2 см оплетены круглым наlepным жгутом. Кварты имеют короткую (1 см) цилиндрическую шейку. Диаметр горлышка 2—2,5 см. Оно также оплетено круглым жгутом. Найден фрагмент кварты с круглой печаткой на плечиках. Днища их прямоугольной формы. Размер целого днища 8×6,5 см. К стопкам относятся небольшие сосуды цилиндрической формы. Стенки гладкие или профилированные. Толщина стенок 0,1—0,6 см. Среди донцев выделены как плоские, так и вогнутые вовнутрь, тонко- и толстостенные. Диаметр донцев 1,8—4 см, устьев — 3,5—4 см. Скляницы имеют цилиндрическую или коническую форму. Донца вогнуты вовнутрь на 1—3 см. Диаметр целого донца 8 см. Один из фрагментов дна оформлен волнистым стеклянным жгутом. Два небольших фрагмента стенок украшены по окружности наlepной лентой. Диаметр устья данных сосудов 7—11 см. Найден фрагмент дна и ножки от бокала. Диаметр донца 8,3 см. Оно украшено слабопрофилированными концентрическими бороздками. Диаметр ножки 3 см. Толщина стенок сосуда 0,2 см. Две стеклянные ручки принадлежали, вероятно, кубкам. Из аптечной посуды имеется фрагмент горлышка флакона. Диаметр его 1,5 см, толщина 0,1 см. Зафиксировано два фрагмента сосудов, которые расписаны желтой эмалью.

К оконному стеклу⁹ относятся части прямоугольных и круглых дисков. Толщина стекла 0,2—0,3 см. Диаметр круглых дисков 9 см. По окружности они оформлены узким (0,4—0,5 см) бортиком. Известно, что такого вида оконные стекла широко употреблялись в средневековой Польше⁹. Производство круглых оконных стекол там было особенно развито в XVII в.¹⁰ Круглые оконные диски XVI—XVIII вв. были обнаружены в Киеве¹¹.

Среди металлических изделий преобладают гвозди, которые делятся на три группы: строительно-крепежные, костыльные и сапожные. Гвозди имеют шляпки овальной или прямоугольной формы. Стержни прямоугольные в сечении, длиной 3,5—11 см. Многочисленны находки различных скоб. Выявлено три типа ключей. К первому типу относятся два

ключа от неподвижных (нутряных) замков (рис. 16 : 5, 10). Согласно письменным источникам второй половины XVI в., такие замки в большом количестве использовались в жилых и хозяйственных постройках феодалных имений Понеманья¹². Длина ключей вместе с головкой соответственно 8 и 13 см. Стержни втульчатые, полые, диаметром 0,7—0,8 см. Головки сделаны в форме кольца. На лопасти большого ключа имеется четыре нарезки. Подобного типа ключи были найдены в культурных слоях XVI—XVIII вв. на различных археологических памятниках Белору-

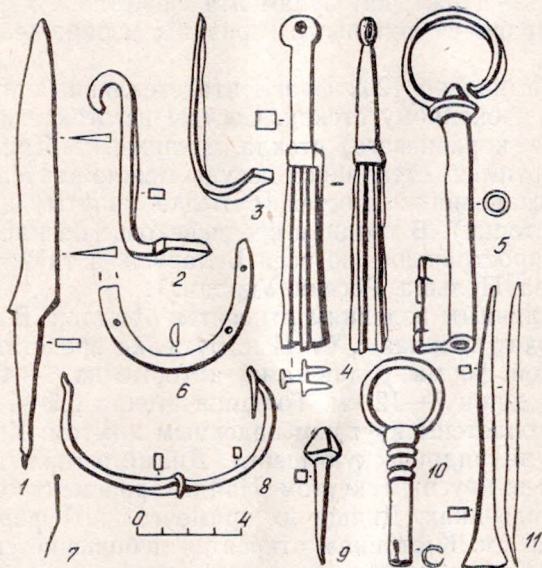

Рис. 16. Металлические изделия из раскопок у д. Мочулино: 1 — нож; 2, 4, 5, 10 — ключи; 3 — ручной резец; 6, 8 — подковки; 7 — булавка; 9 — гвоздь для оковки; 11 — стамеска

си¹³. Ключ второго типа принадлежал висячему цилиндрическому замку (рис. 16 : 4). Близкими аналогиями являются ключи типа Д и Е из Новгорода, где они датируются второй половиной XIV—XVI в.¹⁴ Длина ключа 13 см. К третьему типу относится ключ для открытия и закрытия примитивных деревянных засовов (рис. 16 : 2). Такие ключи бытовали в деревне с глубокой древности до XX в. Ключ выкован из цельного бруска железа. Стержень его имеет прямоугольное сечение с загнутым концом и фигурным коленом. К двум типам относятся подковки от обуви: врезавшиеся в каблук (с шипами) и крепившиеся к нижней набойке (с дырочками) — рис. 16 : 6, 8. Шипы загнутые или прямые, высотой 2—2,3 см. Высота пластинки 0,5—0,6 см. Данные подковки датируются XVI—XVII вв. К предметам женских украшений относятся заколки для волос и булавки типа «пус йеппи» (рис. 16 : 7). Такого рода булавки служили для закрепления женского головного убора. Они изготовлены из бронзы. Длина стержней 2,5—3,5 см, диаметр 0,1 см. Головки круглые. Среди других индивидуальных находок следует отметить хозяйственный кухонный нож (рис. 16 : 1), стамеску (рис. 16 : 11), ручной резец (рис. 16 : 3), прямоугольной формы пряжки, швейные иглы, ведерную дужку.

К важнейшим датирующим находкам относятся монеты. На исследуемом селище найдено 16 монет. Самая ранняя по хронологии — литовский полугрош Сигизмунда I Старого (1506—1548), которая отчеканена в 1521 г.¹⁵ Медные солиды («боратинки») Яна II Казимира (1649—1668) — четыре экземпляра. Три из них польской чеканки (на одной чи-

тается год — 1663). Шведские солиды (билоны) Густава II Адольфа Вазы (1621—1632) — три экземпляра. Относятся к так называемым оккупационным. Отчеканены в польском городе Эльбленге в конце 20-х — начале 30-х годов XVII в. Полуторагрошовники (билоны) Сигизмунда III Вазы польской чеканки — четыре экземпляра (1622, 1624)¹⁶. Найдены также грош Густава II Адольфа Вазы и солид (билон) Сигизмунда III Вазы (1587—1632) литовской чеканки 20-х годов XVII в.

Полученные в результате раскопок материалы позволяют датировать селище у д. Мочулино XVI—XVIII вв. Специфика и ассортимент находок дают возможность охарактеризовать данное поселение как феодальную усадьбу. По сравнению с памятниками такого рода на селищах бывших деревень преобладают фрагменты кухонной посуды. Поливная глиняная посуда, а также стеклянные сосуды встречаются редко. Такие категории археологического материала, как оконное стекло и изразцы, на местах крестьянских поселений обнаружены в единичных экземплярах.

¹ Загорюльский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 242, рис. 148 (1—3, 8); Левко О. Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982. С. 134 (рис. 1, группа 2, тип В); Кильдюшевский В. И. Об одном из типов керамики XIV—XVI вв. крепости Орешек // КСИА АН СССР. 1981. Вып. 164. С. 88, рис. 8—1; Он же. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 110 (рис. 4—1, 8).

² Зданович Н. I. Мірская бытавая кераміка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1983. № 3. С. 43; Volkaitė-Kulikauskienė R. Punios Piliakalnis. Vilnius, 1974. Tab. 5 (1—3, 5—7); Historia kultury materialnej Polski w zarysie. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978. T. 3. S. 315 (rys. 164—b).

³ Swiechowska A. Warsztat garncarski z końca 17 w. // Szkice staromiejskie. Warszawa, 1955. S. 153—154.

⁴ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 3. С. 318, 319, 321.

⁵ Swiechowska A. Kafle warszawskie // Szkice staromiejskie. Warszawa, 1955 (tab. 1).

⁶ Малиноўская Т. Шлях трансфармацыі вобраза // Мастацтва Беларусі. 1986. № 4. С. 62 (мал. 1).

⁷ Kurapatnicki E. Wiadomość o kleynocie szlacheckim oraz herbach domów szlacheckich w Koronie Polskiej i Wielkim Księństwie Litewskim. Warszawa, 1798. Cz. 2. S. 74; Cz. 3. S. 44.

⁸ Polski słownik biograficzny. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978. T. 23/4. S. 794—800.

⁹ Giepiela S. Zabytki szklane z Solca nad Wisłą // Wyroby rzemieślnicze w Polsce w 14—18 wieku. Wrocław, 1971. S. 182—183; Wyrobisz A. Szkło w Polsce od 14 do 17 w. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968. S. 130.

¹⁰ Buczkowski K. Dawne szkła. Kraków, 1958. S. 42.

¹¹ Шовкопляс А. М. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 84 (рис. 2—5).

¹² Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 3. С. 284; Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна, 1887. Т. 14. С. 436—437.

¹³ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. Мн., 1984. С. 47 (рис. 29); Шаблюк В. У. Феодальная пасялені XVI—XVIII стст. на р. Зальвянцы // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1984. № 1. С. 78 (rys. 1 (1—3)).

¹⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 87 (рис. 70).

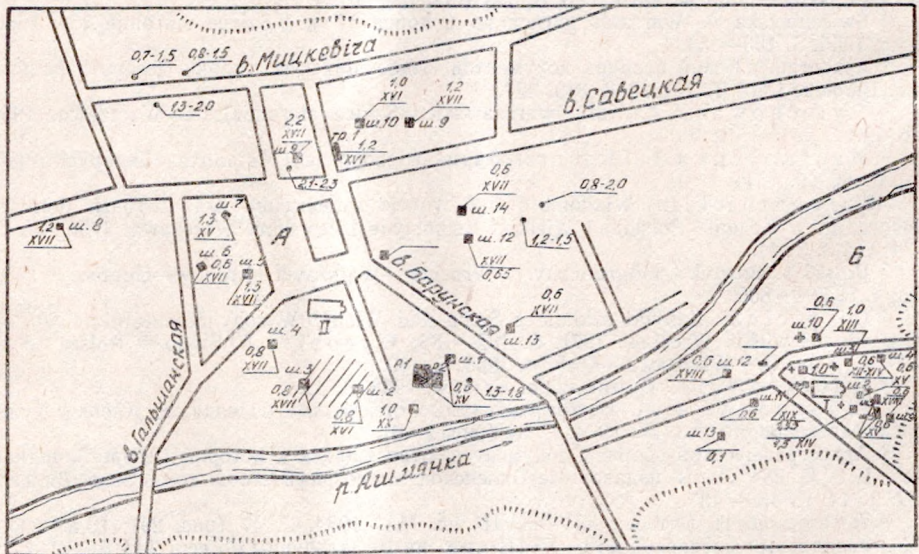
¹⁵ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1977 (табл. 9 (3)).

¹⁶ Там же (табл. 22 (1—2)).

А. К. Краўцэвіч

АРХЕАЛАГІЧНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ У АШМЯНАХ

Горад Ашмяны, раённы цэнтр Гродзенскай вобласці, знаходзіцца на паўночным захадзе Беларусі ў 55 км ад былой сталіцы Вялікага княства Літоўскага — Вільні. Першае летапіснае ўпамінанне аб горадзе выяўлена ў «Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай» пад 1341 г.¹ На падставе нешматлікіх і адрывачных летапісных звестак гісторык Р. В. Баравы прыйшоў да высновы, што Ашмяны існавалі ўжо ў XIII ст. як цэнтр невялікага княства². Яшчэ ў дарэвалюцыйныя часы даследчыкі выказалі меркаванне, што летапіснае пасяленне знаходзілася на адлегласці 1,5 км ад пазнейшага цэнтры горада ў мясціне пад назвай Старыя Ашмяны (сучасная вул. Кастрычніцкая)³. Ашмяны не змаглі вырасці ў буйны эканамічны цэнтр, статус горада вызначаўся ў асноўным яго адміністрацыйным значэннем — у XVI ст. ён стаў цэнтрам павета. Горад не меў магдэбургскага права і знаходзіўся ў кіраванні велікакняжацкай адміністрацыі.

0,6
XVI магутакасыя слая па дадзеным раскопак і датыроўка найстарарэчытных знаходак

1,5 таўшчыня слая па дадзеным бурэння

I - Францыскаўскі касцёл

II - Іезуіцкі касцёл

/// "Двор Ашмянскі" 17 ст.

+ - пазнаканы шурфы, якія трапілі на пазабанні

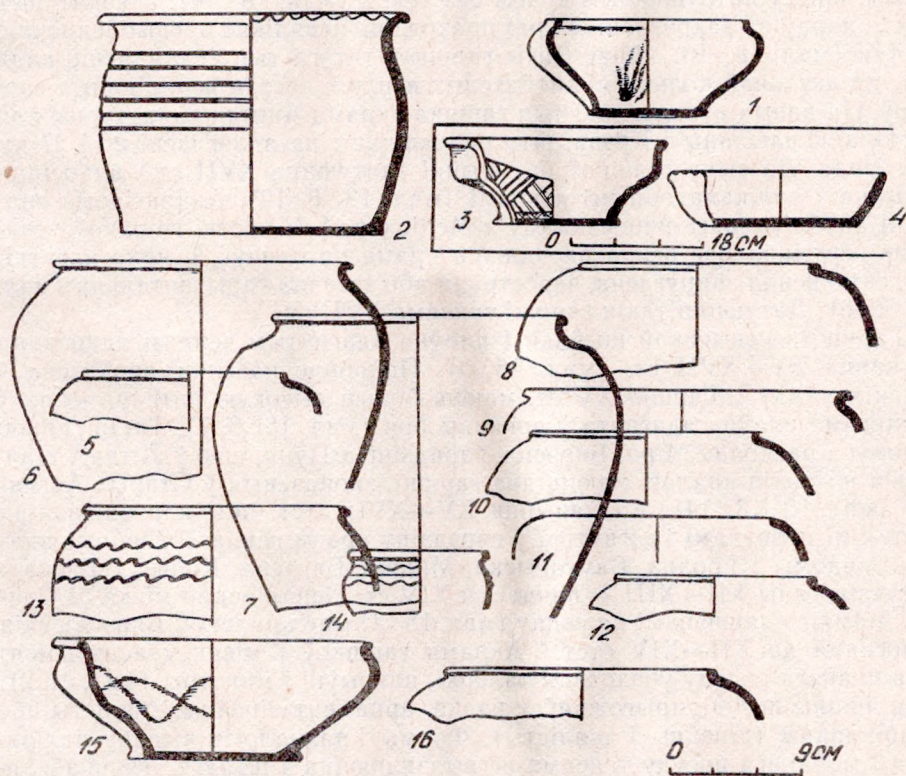
A - гандлёвая плошча (існуе з 15-16 ст. ст.)

B - Старыя Ашмяны

Мал. 17. Карта культурнага слоя Ашмян

Археалагічныя раскопкі, якія праводзіліся ў Ашмянах у 1984—1985 гг. пад кіраўніцтвам аўтара, мелі мэтай пошукі старажытнага паселішча, высвятленне пытанняў тапаграфічнага развіцця горада і даследаванне яго матэрыяльнай культуры. Археалагічнага аб'екта, які можа было б назваць летапіснымі Ашмянамі, дакладна не ўстаноўлена, таму раскопкі былі сканцэнтраваны на тэрыторыі сучаснага горада.

Выцягнутая ў накірунку захад—усход форма плана Ашмян (мал. 17) абумоўлена асаблівасцямі мясцовага рэльефу. Горад размешчаны абодвух берагоў Ашмянкі на старажытнай рачной тэрасе. З поўначы і поўдня прыроднымі межамі паселішча з'яўляюцца ланцугі пагоркаў. Пры адсутнасці картаграфічных матэрыялаў і пісьмовых звестак аб планіроўцы Ашмян XIV—XVII стст. прасачыць развіццё тапаграфіі сярэдневяковага горада дапамагае карта залягання культурнага слоя. Для стварэння такой карты выкарыстоўваліся не толькі даныя раскопак, але і матэрыялы інжынерна-геалагічных даследаванняў (бурэнні), назіранні за землянымі работамі. Раскопкі праводзіліся ў двух месцах: у цэнтры горада (раскапана 110 м²) і ў Старых Ашмянах (ускрыта 38 м²). У цэнтры Ашмян выяўлены культурныя наслаенні XV—XX стст., таўшчыня якіх вагаецца ад 1,3 м (паблізу плошчы) да 0,6 м (на перыферыі). Каля паўночнага краю плошчы за кошт баласту канца XIX—XX ст. слой дасягае таўшчыні 2,3 м. Пад час бурэнняў у раёне вул. Міцкевіча зафік-

Мал. 18. Керамічны посуд з раскопак Ашмян: 1 — непаліваная макотра канца XVI—XVII ст.; 2, 3 — мораныя міскі XVII ст.; 4 — непаліваная міска XII—XIV стст.; 5, 8, 10—12, 15 — непаліваныя гаршкі XVII ст.; 6, 7 — непаліваныя гаршкі XV ст.; 9 — непаліваны гаршчок канца XV—XVI ст.; 13—14 — непаліваныя гаршкі XII—XIII стст.; 16 — паліваная міска (паліва зялёная) XVII ст.

саваны культурныя наслаенні магутнасцю ад 0,7 да 2 м. У слоі выдзяляюцца два пласты. Верхні таўшчынёй 0,3—1 м, светла-шэрага колеру ўтрымлівае праслойкі гліны, пяску, бітай цэглы. Знаходкі з гэтага пласта датуюцца XVII—XIX стст. Ніжні пласт цёмна-шэрага колеру зафіксаваны толькі ў раёне, прылеглым да былой гандлёвай плошчы. Рэчы, знойдзеныя ў ім, адносяцца да XV—XVII стст. У двух месцах побач з плошчай на глыбіні 0,2 м (траншэя 1) і 0,7 м (шурф 7) выяўлены каменныя брукоўкі адпаведна XIX і XVII—XVIII стст. На поўдзень ад плошчы ў раскопах 1 і 2 слоі XV—XIX стст. таўшчынёй 0,6 м мае аднатонны светла-шэры колер.

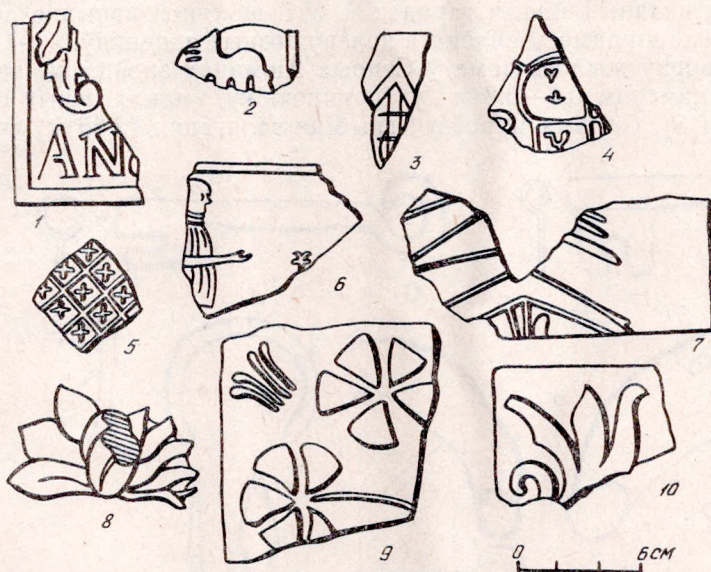
У Старых Ашмянах культурны слоі выяўлены на невялікім участку каля аднаго з пагоркаў Ашмянскага ўзвышша побач з паўразбураным французскім касцёлам. Культурныя наслаенні таўшчынёй ад 0,6 да 1,5 м моцна перамешаны пахаваннямі, што залягаюць вакол касцёла. Знаходкі са Старых Ашмян датуюцца XIII—XIX стст. Пад час абследавання пагоркаў вакол горада на абодвух берагах Ашмянкі культурны слоі не выяўлены.

Керамічны посуд з ашмянскіх раскопак вельмі блізкі па тэхналогіі вырабу і марфалагічных характарыстыках да керамікі з іншых гарадоў Беларусі. Удалося вылучыць толькі адзін тып непаліваных гаршкоў XVII ст., які з'яўляецца спецыфічна ашмянскім. Гэта начынне з закругленым, крыху патоўшчаным краем без венца (мал. 18 : 11). У некаторых экзэмпляраў па закругленым краі праходзіць невялікае паглыбленне або выступ (мал. 18 : 10). Фрагменты гаршкоў гэтага тыпу складаюць каля 21% ад агульнай колькасці знойдзеных верхніх частак непаліваных гаршкоў. Па даных аўтара, такі тып гаршка акрамя Ашмян характэрны для мястэчак Гальшаны і Крэва, што размешчаны на адлегласці 20 і 27 км ад горада. Да тыпу гаршкоў без шыйкі (датуюцца XVII ст.) адносіцца начынне з валікападобнымі венцамі (мал. 18 : 8, 12). Аналагічныя знаходкі апублікаваны сярод посуду з Мсціслава⁴. У часткі гаршкоў невялікае вертыкальнае венца пасаджана прама на плячук, шыйка адсутнічае, само венца закруглена, заострана або зрэзана гарызантальна (мал. 18 : 5, 16). Датуюцца такія гаршкі таксама XVII ст.

Гаршкі з невысокай шыйкай і плаўна адагнутым венцам адносяцца да канца XV—XVII ст. (мал. 18 : 9). Падобнае начынне знойдзена ў Лідскім замку⁵. Гаршкі XV ст. маюць больш высокую шыйку, венца ў іх таксама плаўна адагнута ў вонкавы бок (мал. 18 : 6, 7). Такія гаршкі вядомы з раскопак Міра, Бярэсця, гарадзішча Пуня, што ў Літве⁶. Найбольш шырокія аналагі маюць два гаршкі, знойдзеныя ў Старых Ашмянах (мал. 18 : 13, 14). Ад начыння XV—XVII стст. яны адрозніваюцца стромкімі плечукамі і загнутым у сярэдзіну краем венца. Падобныя знаходкі вядомы з Гродна, Ваўкавыска, Мінска, Бярэсця, Копысі, Пінска⁷. Датуюцца яны XII—XIII — пачаткам XIV ст. Непаліваная міска са Старых Ашмян з зашчэпамі па венцу (мал. 18 : 4) мае аналагі ў Бярэсці, якія адносяцца да XII—XIV стст.⁸ Акрамя гаршкоў і місак у асартымент непаліванага посуду ўваходзілі талеркі, накрыўкі і макотры (мал. 18 : 2). Непаліваны посуд упрыгожваўся рэдка, арнамент лінейны, хвалісты або камбінаваны (лінейны і хвалісты). Формы і тэхналогія вырабу паліванага і моранага посуду таксама не выдзяляюцца з шэрагу агульнабеларускіх. Паліваная ашмянская кераміка прадстаўлена гаршкамі, талеркамі, кубкамі, рынкамі, накрыўкамі і міскамі (мал. 18 : 15). Колер палівы зялёны або карычневы. Яна наносілася часцей за ўсё толькі на ўнутраную паверхню, у рэдкіх выпадках апрацоўвалася таксама і вонкавая паверхня. На некаторых фрагментах гаршкоў зафіксаваны сеткавы штам-

паваны арнамент. Датуюцца знаходкі паліванай керамікі XVI—XVIII стст. Акрамя Беларусі аналагі іх выяўлялі ў суседняй Літве⁹. Набор моранай керамікі складаецца з гаршкоў, талерак, збаноў, місак (мал. 18 : 1, 3). Значная частка моранага начиння пакрыта глянцаваным арнамантам у выглядзе елачак, набораў прамых і хвалістых ліній.

Пячняя кафля падзяляецца на два тыпы: гаршковая і каробчатая. Гаршковая мае квадратнае або круглае вусце. Да найбольш ранніх належаць фрагменты донцаў таўшчынёй 2,2 см са слядамі пясчанай пад-

Мал. 19. Кафля з раскопак Ашмяны: 1 — тэракотавая кафля XVII ст.; 2—6 — зялёная паліваная кафля XVII ст.; 8 — зялёная паліваная каронка другой паловы XVI ст.; 7, 9, 10 — тэракотавая кафля другой паловы XVII—пачатку XVIII ст.

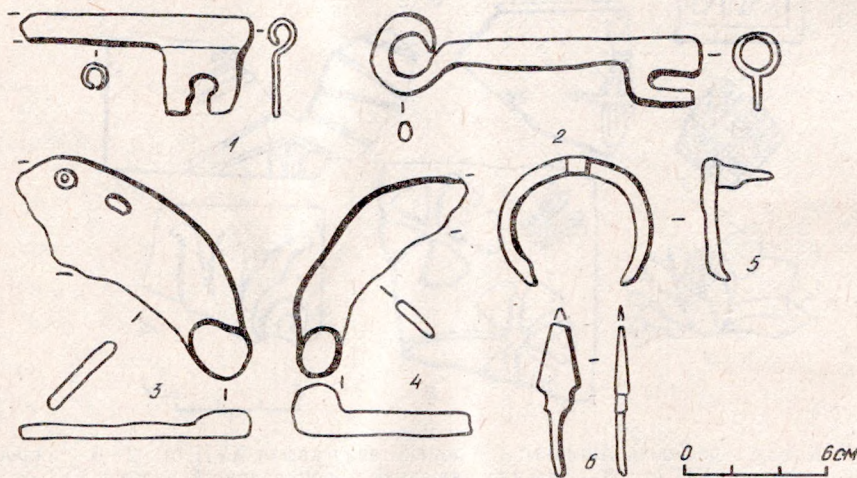
сыпкі на знешнім баку. Яны датуюцца XV ст. Донцы больш позняй кафлі гладкія без слядоў падсыпкі, іх таўшчыня 0,8—1 см. Каробчатая кафля з раскопак датуецца XVI—XVIII стст. Частка фрагментаў пакрыта зялёнай палівай. Асноўны від арнаменту — раслінны (мал. 19 : 7—10), радзей сустракаецца геаметрычны і геральдычны (мал. 19 : 5, 1—4). У адным экземпляры знойдзена кафля з выявай чалавека (мал. 19 : 6). Да другой паловы XVI ст. адносяцца некалькі каронак (мал. 19 : 8), а таксама кафля з выявай вазы з кветкамі. Многія сюжэты арнаменту, у першую чаргу ваза з кветкай, раслінны сіметрычны арнамент, маюць аналагі ў іншых гарадах Беларусі¹⁰. Адзіны невялікі фрагмент паліхромнай кафлі (паліва зялёная і белая) мае раслінны арнамент і датуецца XVII ст. На мал. 19 паказаны найбольш цікавыя і рэдкія экземпляры ашмянскай кафлі. Кафля зялёнай палівы з выявай зорчак у ромбах (мал. 19 : 5) мае аналагі ў Гальшанах і Гальшанскім замку¹¹.

Самы старажытны выраб з чорнага металу — наканечнік стралы, знойдзены ў Старых Ашмянах на ўзараным агародзе (мал. 20 : 6). Па класіфікацыі А. Ф. Мядзведзева, ён належыць да тыпу 40 — рамбавідныя наканечнікі з упорамі і пашырэннем у ніжняй трэці даўжыні. Датуюцца XIV ст.¹² Падобны наканечнік з Полацка адносіцца да XIV—

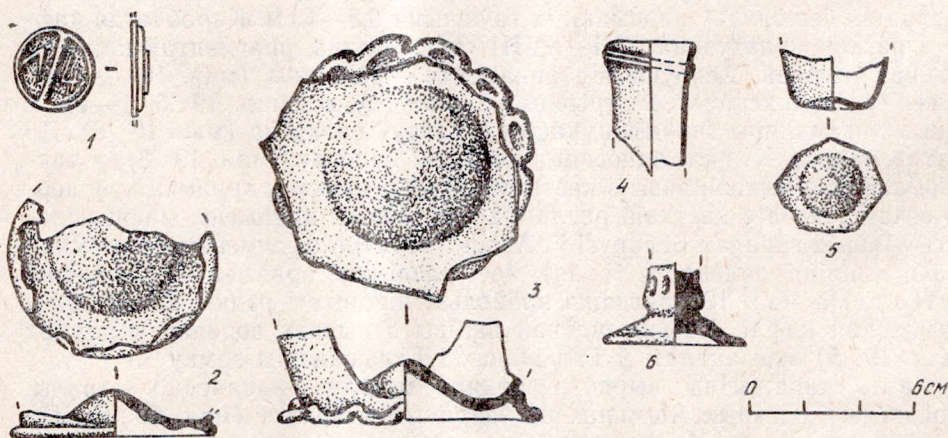
XV стст.¹³ Фрагменты дзвюх падкоў (мал. 20 : 3, 4) у адпаведнасці з аналагамі Віцебска¹⁴ можна датаваць XVI—XVII стст. Два ключы (тып Ж па наўгародскай класіфікацыі) датуюцца таксама XVI—XVII стст. Ключ, падобны да ашмянскага, знойдзены ў Латвіі (Селпілскі замак) у сляях XVI—XVII стст.¹⁵

Шкляныя вырабы з Ашмян маюць аналагі ў розных гарадах Беларусі. Аналагі шклянціц з хвалістым жгутом вакол донца (мал. 21 : 2, 3), кварт, бутэлек (мал. 21 : 4), чарак (мал. 21 : 5), келіхаў (мал. 21 : 6), аконных шыб (усе знаходкі датуюцца XVII—XVIII стст.) ёсць ў Лідзе, Мінску, Месціславе і іншых гарадах¹⁶. Усе шкляное начынне зроблена з аднолькавай шклянасы зялёнага колеру розных адценняў.

На падворку жылога дома ў Старых Ашмянах знойдзены падмурак з камянёў памерам 0,2—0,8 м у папярочніку, пакладзеных на гліне (шурфы 3 і 5). Сістэма муроўкі і глыбіня залягання (2,55 м) сведчаць,

Мал. 20. Жалезныя вырабы з раскопак Ашмян: 1, 2 — ключы XVI—XVII стст.; 3, 4 — падковы XVI—XVII стст.; 5 — абутковая падкоўка XVI—XVII стст.; 6 — наканечнік стралы XIV—XV стст.

Мал. 21. Вырабы са шкла з раскопак Ашмян: 1 — кляймо са шклянога посуду XVII ст.; 2, 3 — шклянціцы XVII ст.; 4 — бутэлька XVIII ст.; 5 — чарка XVII—XVIII стст.; 6 — келіх XVIII ст.

што ён належаў да вялікага будынка. Тут жа знойдзена цэгла-пальчатка памерам $29,5 \times 17 \times 8$ см, $29 \times ? \times 7,5$ см, $? \times 19 \times 8,5$ см. З такой цэгля пабудаваны Мірскі замак — помнік архітэктуры пачатку XVI ст.¹⁷ Верагодна, гэта надмурак кляштара францысканцаў. Па пісьмовых крыніцах вядома, што ён пабудаваны якраз у пачатку XVI ст.¹⁸

Абапіраючыся на вынікі праведзеных даследаванняў, можна прапанаваць найбольш верагодную рэканструкцыю тапаграфічнага развіцця горада. Старажытнае пасяленне, відавочна, размяшчалася на правым беразе Ашмянкі ў Старых Ашмянах (мал. 17 : Б). Дакладней месца паселішча XIII—XIV стст. лакалізуецца каля падэшвы аднаго з пагоркаў, дзе зараз знаходзіцца францысканскі касцёл. Падставамі для такой высновы з'яўляюцца знаходкі чатырох фрагментаў непаліваных гаршкоў XII—XIII стст. (два венчыкі, дзве сценкі), цэлага профілю міскі XII—XIV стст., наканечніка стралы XIV—XV стст. (датаванне зроблена па аналагах, бо ўсе рэчы знойдзены ў перамешаным слоі). Адсутнасць непатрывожанага культурнага слоя паселішча XIII—XIV стст., можна вытлумачыць размяшчэннем на яго месцы могілак. Пасяленне было невялікім, яно займала плошчу каля 0,3 га. Відавочна, тут знаходзіўся летапісны «двор Ашмяна».

У XV—XVI стст. горад разрастаецца на левым беразе Ашмянкі. Тут узнікае гандлёвая плошча (мал. 17 : А), фарміруецца сетка вуліц, якая без значных змен захавалася да нашага часу. У аснове гарадскога плана ляжаць тры дарогі: Вільня — Мінск (дзяржаўнага значэння), а таксама мясцовыя шляхі на Жупраны—Смаргонь і Гальшаны—Навагрудак. Па археалагічных знаходках можна меркаваць, што раней за іншыя заселены ўчасткі вакол плошчы. Найбольш старажытныя знаходкі з гэтых месцаў датуюцца XV ст. (мал. 17). На поўдзень ад плошчы ў XVII ст. знаходзіўся «двор Ашмянскі» — адміністрацыйны цэнтр павета (мал. 17). Пад час раскопак слядоў яго не выяўлена.

¹ ПСРЛ. М., 1975. Хроника Литовская и Жемойтская. Т. 32. С. 41.

² Баравы Р. Старадаўнія Ашмяны // ПГКБ. 1986. № 3. С. 11—13.

³ Balinski M., Lipinski T. Starozytna Polska pod wzgledem historycznym, geograficznym i statystycznym. Warszawa, 1846. Т. 3. S. 219; Janowski Cz. Powiat Oszmianski. Pб., 1896. Cz. I. S. 14.

⁴ Здановіч Н. І., Трусаў А. А. Месціслаўскі посуд XV—XIX стст. // Помнікі культуры (новыя адкрыцці). Мн., 1985. С. 196 (мал. 1, група IX: А, Б).

⁵ Здановіч Н. И. О некоторых видах неполивной посуды окислительного облига Лидского замка // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 98 (рис. 25, тип III, вариант Г).

⁶ Кравцевич А. К. Археологический отчет о проведении раскопок на территории г. п. Мир в июле—августе 1983 г. // Архив НПО «Белреставрация» Мин-ва культуры БССР, объект 5/68, № 114, л. 222 (тип I, вариант А); Лысенко П. Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 328 (рис. 231, тип 28); Volkaite-Kulikauskiene R. Punios Piliakalnis, Vilnius, 1974. S. 38 (pav. 16:1).

⁷ Здановіч Н., Краўцэвіч А. Старажытны цэнтр Гродна // ПГКБ. 1985. № 1. С. 24—25; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Мн., 1975. С. 63 (рис. 22, тип. VII: 8—9); Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978. С. 79 (рис. 32 : 2). С. 95 (рис. 40, тип. I); Лысенко П. Ф. Берестье. С. 328 (рис. 231, тип. 23); Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Мн., 1974. С. 112—113 (рис. 31, тип 4, 4 а).

⁸ Лысенко П. Ф. Берестье. С. 332 (рис. 234: 21).

⁹ Volkaite-Kulikauskiene R. Punios Piliakalnis, Vilnius, 1974. S. 64—65. Pav. V.

¹⁰ Трусаў А. А. Кафля Мірскага замка // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Мн., 1984. С. 157—162; Собоаль В. Е., Угрыновіч У. В. Кафля Мінска // Помнікі старажытнабеларускай культуры. М., 1984. С. 162—168.

¹¹ Краўцэвіч А. К., Чарняўскі І. М. Гальшанская кафля // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Мн., 1985. Т. 2. С. 23.

¹² Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. Вып. ЕІ-36. М., 1966. С. 64, 163 (табл. 26: 10).

¹³ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 61 (рис. 30: 8).

¹⁴ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. Мн., 1984. С. 46 (рис. 28).

¹⁵ Spore E., Zagina A. Sena Selpils. Riga, 1980. 81 att.: 11.

¹⁶ Яніцкая М. М. Вытокі шкларобства Беларусі. Мн., 1980. С. 111—119; Собаль В. Я., Яніцкая М. М. Шкляны посуд Мінска // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Мн., 1984. С. 83—91; Яніцкая М. М., Сташкевіч А. Б. Мсціслаўскае шкло XVI—XIX стст. // Помнікі культуры (новыя адкрыцці). Мн., 1985. С. 83—93.

¹⁷ Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области // СА. 1986. № 4. С. 225—226.

¹⁸ Jankowski Cz. Powiat Oszmianski. Petersburg, 1896. Cz. 1. S. 15.

О ЗАСТРОЙКЕ МИНСКА В XIV—XVIII вв.

Археологические материалы по застройке Минска XIV—XVIII вв., полученные в последние годы с территории его посада, фрагментарны и отрывочны. Они свидетельствуют только о застроенности деревянными сооружениями тех или иных участков. Небольшие размеры раскопов и плохая сохранность дерева, особенно в наслоениях XVI—XVIII вв., не позволяют судить о размерах построек и их конструктивных особенностях. Письменные источники по периоду XIV—XV вв. почти отсутствуют. Скучные сведения о некоторых типах городских построек конца XV в. содержатся в архивных актах. Гораздо больше сведений о характере застройки Минска сохранилось в документальном материале XVI—XVIII вв.

Исследованиями В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорюльского достаточно хорошо изучена застройка детинца XI—XIV вв. Установлено, что основным типом как жилой, так и хозяйственной постройки Минска был наземный деревянный сруб, рубленный в обло с остатком. Большинство построек были однокамерными и квадратными в плане. Жилые постройки XIV в., вскрытые в 17—19-м горизонтах Минского замчища размером от $4,6 \times 4,8$ до $5 \times 5,1$ м, имели пол из тесин и глиняную печь¹. Хозяйственные срубы были меньших размеров — от $2,8 \times 3$ до $3 \times 4,6$ м. В 19-м горизонте вскрыта усадьба конца XIV в., состоящая из семи построек, две из которых были жилыми. Площадь усадьбы составляла около 230 м². Следует отметить, что характер застройки и планировки улиц и усадеб остается устойчивым на протяжении длительного периода времени².

Раскопки 1981—1982 гг. в центральной части Замчища показали, что направление ул. Замковой не менялось с 7-го по 13-й горизонт, т. е. в течение XI—XIII вв. Подтвердился также вывод о том, что основным типом постройки был однокамерный сруб, рубленный в обло. В центральной части детинца лишь в 4-м строительном горизонте, датируемом XV в., выявлены три постройки так называемой каркасной конструкции (рис. 22). Один из срубов был, вероятно, двухкамерной постройкой. Э. М. Загорюльский вскрыл постройки каркасной конструкции в 15—20-м горизонтах, которые относятся к концу XIII—XV вв.³ Аналогичные постройки выявлены в наслоениях XIII—XVI вв. Витебска⁴. Их особенностью являлось наличие в основании постройки венца из массивных деревянных брусев, которые по углам были связаны с помощью вырубов. В углах и центре венца вырубались отверстия прямоугольной либо квадратной формы. В эти отверстия забивались столбы, заходившие в землю на глубину до 1 м. Следует отметить, что во всех каркасных постройках сохраняется только один нижний венец и иногда пол. Печи отсутствуют. Один из брусев рамы, как правило, имел продольный прямоугольный паз.

В XVI — начале XVII в. на территории Великого княжества Литовского получили распространение дома на подклетах⁵. Известно, что подклет выполнял функцию погреба либо склада. В инвентаре 1590 г.

Принимая во внимание небольшую толщину культурного слоя XII—XIII вв. на указанной территории, можно утверждать, что заселенность ее была редкой, а застройка более свободной. Площадь усадьбы могла быть большей, чем на детинце.

Одним из важных вопросов в истории развития городского жилища является выяснение времени перехода к многокамерности домов. П. А. Раппопорт отмечает, что тип сложного трехчастного жилища появляется уже к XII—XIII вв.¹⁰ Однако время появления таких жилищ не совпадает со временем их широкого распространения. При рассмотрении этого вопроса важно учитывать ускорившийся в конце XV—XVI в. процесс имущественного расслоения феодального общества. В его основе лежало усиление феодальной эксплуатации городских низов и рост феодального землевладения. Письменные источники XVI—XVII вв. убедительно свидетельствуют о росте в Минске земельных владений феодалов, монастырей, богатых ремесленников и купцов. Единицей землевладения в средневековых белорусских городах являлись земельные участки — пляцы. Их площадь составляла около 250 м²¹¹. Следует отметить, что размеры средневекового пляца приблизительно равны площади усадьбы XII—XIV вв.¹² Например, площадь двора в Пскове XIV в. не превышала 260 м²¹³. Феодалы, скупая городские пляцы, увеличивали тем самым свои земельные владения.

В Минске и его округе в XVI в. большие земельные участки имели феодалы Крошинские, Друцкие-Горские, Довмонты, Толочинские, Служки¹⁴. Князь В. Соломорецкий владел в Минске в 1510 г. тремя домами с пляцами и огородами¹⁵. Большое количество участков в городе принадлежало монастырям. В 1619 г. Петропавловский монастырь получил в дар от княгини Друцкой-Горской участки с постройками на ул. Юрьевской. Участок земли с жилыми и хозяйственными постройками назывался двором. В 1667 г. в Минске насчитывалось 300 дворов¹⁶, а к 1775 г. — более 400¹⁷. Наряду с дворами в городе были фольварки — земельные владения феодалов и монастырей. В 1601 г. упоминается фольварок на ул. Сборовой, принадлежавший минской евангелической общине¹⁸.

Письменные источники XVI—XVIII вв. отражают различия в характере жилищ феодалов и городских низов. Усадьбы и дома богатых отличаются от усадеб и домов бедных горожан и по своим размерам, внешнему и внутреннему убранству, и по составу строений. Усадьба феодала состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек и имела, как правило, огород, садовый участок и пашенную землю, обычно за пределами города. На остальной части стояли усадьбы арендаторов и зависимых от феодала людей. Свободные горожане, ремесленники тоже имели участки с домом и огородом, но значительно меньших размеров. Зависимое население, кроме дома, иногда ничего не имело. В этом отношении показателен реестр сбора повинностей с недвижимого имущества горожан за 1595 г.¹⁹ Самый высокий налог (6 грошей в год) взимался с городского фольварка. Если в нем были крепостные, налог возрастал еще на 6 грошей. За каждый дом и огород взималась плата 2 гроша. А «кто ани огорода не мает», тот должен «з дыма» уплатить полгроша. Зависимые категории населения, которые «в чужом доме за одними вороты особо избою» живут, также платили полгроша.

На протяжении XI—XV вв., как показали археологические раскопки в Минске, основой городского дома являлась рубленая из бревен, прямоугольная клеть. Название «клеть» известно многим славянским городам²⁰. Чаще всего оно обозначало однокамерное строение. Клетки были как жилыми, так и хозяйственными постройками. В документе 1514 г.

упоминаются «10 клеток мешчанских», стоящих возле моста под замком²¹. С переходом в конце XV—XVI в. к двух- и трехкамерным постройкам изменяются названия жилищ. В документах XVI—XVIII вв., относящихся к Минску, встречаются названия «дом», «изба», «халупа», «клеть». Термин «дом» в XVI—XVIII вв. обозначал обычно многокамерное жилище. В документе 1579 г. упоминается «дом низкий великий, светлиц — 4, камор — 3 с печью, дом старый на подклетах, светлиц в нем 2, а третья сбоку»²². Развитие планировочной структуры жилища шло по линии связи отдельных помещений. Стоящие рядом клетки соединялись между собой сенями и образовывали трехкамерную постройку. Однако широкое распространение такой тип жилищ получил в Беларуси только в XVI — первой половине XVII в.²³

Дома феодалов и горожан были в основном деревянными. Согласно королевскому привилею 1552 г., «братъ дерево на будаванье домов... разрешается горожанам в борех и лесах за три мили около места»²⁴. Строительство домов в XVII в. осуществляли мастера минского цеха плотников и столяров²⁵.

Изба как тип жилища известна еще по летописям. В инвентаре 1579 г. упоминается «изба малая с сенями, против нее клеть, третья изба с сенцами старая» и «изба-пекарня старая с печью в ней»²⁶. В данном случае изба представляет собой двухкамерную жилую постройку, в то время как клеть, вероятно, имеет хозяйственное значение. Изба была отапливаемой постройкой.

Халупа также относилась к жилым постройкам. Документ 1655 г. упоминает на Верхнем городе пляц Сушинский, принадлежавший пану Шодре, на котором «5 халуп побудавано и на чиншу седят»²⁷. Вероятно, халупы принадлежали зависимым категориям населения. Относительно жилищ простых горожан письменные источники содержат мало сведений. Значительно больше сохранилось инвентарей дворов крупных феодалов и монастырей. Инвентарь 1654 г. содержит описание каменного дома минского купца Е. Гегера, стоявшего на углу ул. Койдановской и площади Верхнего рынка²⁸. Дом двухэтажный, крытый гонтом. В нем были жилые комнаты, кухня, кладовая и столовая.

Первые каменные дома в Минске были построены в 70-х годах XVI в.²⁹ К концу XVII в. в городе было много каменных домов и лавок. В XVIII в. на территории Верхнего города наряду с каменными и деревянными домами имелись фахверковые постройки³⁰. Основу их стен составлял деревянный каркас, заполнявшийся внутри кирпичной кладкой.

Одним из основных жилых помещений дома была светлица. По мнению И. Е. Забелина, она в отличие от других жилых помещений имела окна на трех или четырех стенах. Светлица упоминается в актах второй половины XVI в. как жилище, имеющее «печь полеваную»³¹.

Наряду с жилыми постройками городские инвентари упоминают и хозяйственные сооружения. В инвентаре 1579 г. минского Вознесенского монастыря названы «стайня конная», «пуня сенная» и «пуня для быдла», «гумно». В документе 1756 г. называется «свиронек» и «камора»³². Это помещение служило для хранения продовольственных припасов и ценных вещей и было обычно прочно срубленной постройкой. Камора являлась холодным, нежилым помещением, в «котором скарбы зложеры»³³. Представление о других постройках хозяйственно-производственного назначения дает план бернардинского мужского монастыря 1806 г.³⁴ На нем изображены пивоварня, кухня, холодный погреб, курятник, конюшня с навесом для повозок и колодец. Все сооружения деревянные. Они расположены по периметру, образуя внутри пустой двор-детинец. Террито-

рия монастыря обнесена оградой. Возле костела она каменная, ниже вдоль улицы переходит в деревянный паркан. Во время археологических раскопок 1979 г. удалось вскрыть остатки кирпичной стены, ограждавшей в XVII в. здание костела.

Наряду с каменной оградой и деревянным парканом в письменных источниках упоминается в 1514 г. «тын», которым был обнесен двор киевского митрополита Иосифа³⁵. Инвентарь двора Воловича в Минске за 1797 г. называет также «штаетек»³⁶.

Въезд на территорию городской усадьбы осуществлялся через ворота, называвшиеся брамами. Обычно они имели козырьки, крытые гонтом. Запирающуюся браму имел минский замок. Брамы строились и при въезде в город. В документе 1655 г. упомянута Койдановская брама³⁷, находившаяся на Койдановской улице возле городского вала. Играя важную роль в обороне городов, брамы являлись выдающимся образцом средневекового белорусского военного зодчества³⁸.

Усадьба рядового горожанина выглядела гораздо беднее двора или фольварка феодала. Она, вероятно, имела в XVI—XVIII вв. один двухкамерный или трехкамерный дом и несколько хозяйственных построек. В источниках второй половины XVII в. уже не упоминаются подклеты в жилых постройках. Действительно, остатки жилых срубов, вскрытые в 1974 и 1980 гг. на улицах Торговой и Островского, были обычными наземными домами. На ул. Торговой в слое XVII в. была вскрыта часть жилого дома, рубленного в технике «чистый угол без остатка». Под углы сруба были забиты сваи. Дом на ул. Островского был двухкамерной постройкой с печью, сложенной из изразцов второй половины XVIII в. Помещение с печью отделялось от сеней перегородкой. В сени можно было попасть, поднявшись по крылечной лестнице. Выявленная конструкция аналогична крылечной лестнице постройки II-98, вскрытой Э. М. Загорульским в слое XIV в.³⁹ Это несомненно свидетельствует об устойчивости строительных приемов и традиций.

Крыши в минских домах XVI—XVIII вв. чаще всего покрывались гонтом и дражкой. Инвентарь 1756 г. упоминает «будынек, крыты гонтами», и избу, крытую «драничами». Дома богатых горожан в конце XVIII в. были покрыты «бляхой жестяной»⁴⁰. С началом каменного строительства в Минске в XVII в. здания костелов, монастырей и дома богатых горожан стали покрываться черепицей, фрагменты которой найдены в культурном слое XVII—XVIII вв.

Застройка городских улиц со второй половины XVI в. велась таким образом, что большинство домов выдвигалось на красную линию улицы. Это хорошо просматривается на плане Минска 1801 г., выявленном автором в рукописном отделе Вильнюсского государственного университета (рис. 23). Жилища ремесленников были одновременно и мастерскими, а работа на заказ требовала свободного доступа в их дома. Поэтому постройки ремесленников, как и дома мелких торговцев, выдвигались непосредственно на улицу. Дома же феодалов, особенно в городских фольварках, обычно стояли в глубине двора. Однако двухсторонняя застройка улиц была не единственной. На том же плане четко видно, что Татарское предместье имело одностороннюю застройку. На свободной стороне улицы расположены огороды. Известно, что огородничество было одним из основных занятий татарского населения в Минске.

Городские территории заселялись неравномерно. Центр города был застроен плотнее и гуще, чем его окраины. Войт и бурмистры обязаны были заботиться о заселении пустых мест в городе. Городская беднота

селилась в низинной части города и на склонах Троицкой горы. Стремление селиться поближе к замку, имевшему в XV—XVI вв. мощные оборонительные укрепления, привело к хаотичной и плотной застройке территории, прилегающей к нему с юга. В королевской грамоте 1589 г. отмечается, что «подданные минской костельной плебани между домами мещан непорядно своими домами сидят». Этим же документом было принято решение «об упорядочении городской застройки и о перенесении на другое место рынка и некоторых улиц и порядного будования домов»⁴¹. С этого момента центр города переносится на площадь Высокого рынка, а застройка города приобретает более упорядоченный и планомерный характер.

Одновременно с гражданским строительством в начале XVII в. получает размах строительство каменных костелов, монастырей и церквей. Процесс формирования архитектурного ансамбля площади и каменной застройки территории Верхнего города подробно освещен в публикациях В. Н. Денисова⁴² и З. С. Позняка⁴³. Необходимо отметить, что археологические исследования 1978, 1979 и 1985 гг. бернардинских муж-

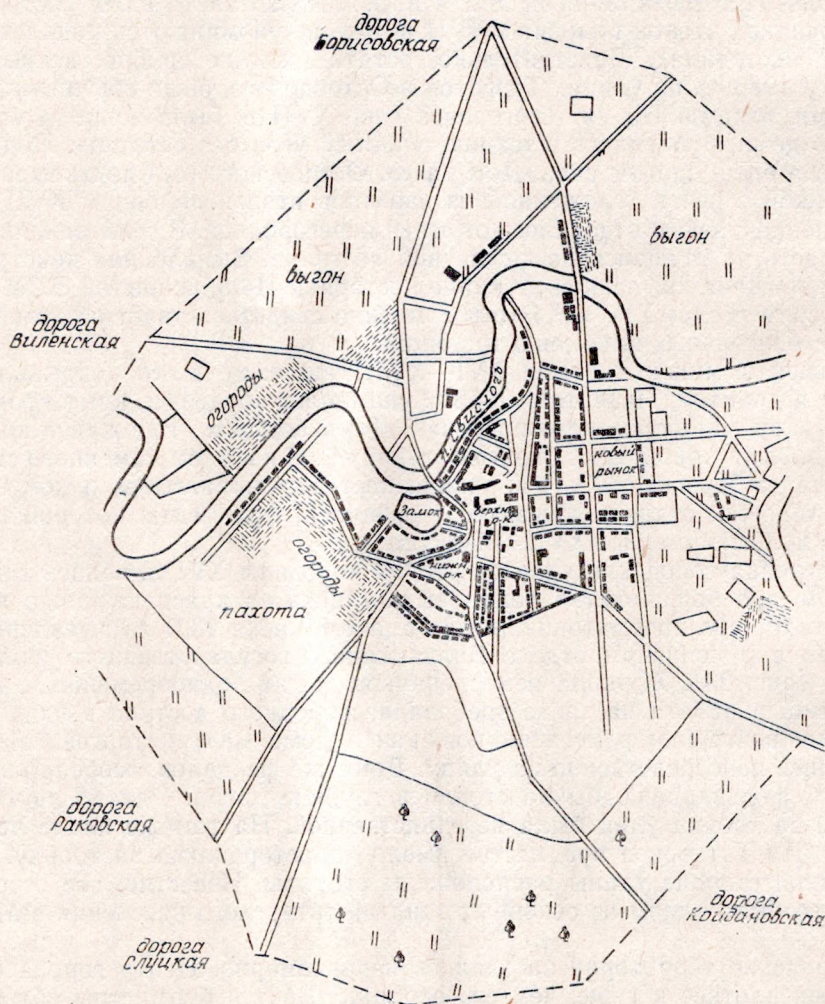

Рис. 23. План Минска 1801 г.

ского и женского костелов выявили общность строительных приемов. Фундаменты обоих костелов, стоящих на склоне холма, укреплены подземными ступенчатыми контрфорсами. Контрфорс костела бернардинцев сложен из кирпича-пальчатки размером $28 \times 13 - 14 \times 6 - 6,5$ см в технике ренессансной кладки. Высота его 2,3 м, ширина 1,8 м. Контрфорс возведен на подушке из камней, которая залегает на 0,9 м глубже фундамента костела. Кроме того, установлено, что при возведении фундаментов ратуши, костела бенедиктинок и бернардинских храмов использовалась техника смешанной кладки, состоящей из камней и кирпича.

Характеристика городской застройки будет неполной, если не упомянуть общественных городских сооружений. К ним относятся ратуша, корчмы, торговые сооружения, гостиный двор, баня, мельницы. Эти сооружения были характерны для городов, получивших право на самоуправление, и концентрировались на главной площади города или вблизи нее.

Первое упоминание о минской ратуше относится к 1499 г.⁴⁴, когда городу было предоставлено право на самоуправление. В XVI в. здание ратуши было деревянным. Известно, что оно сильно пострадало во время пожара 1640 г. В последующее время ратуша была заново отстроена уже из камня. Документ 1656 г. свидетельствует, что она «...добре велика, каменная»⁴⁵. Историю строительства минской ратуши и ее реконструкций подробно рассмотрел в упомянутой работе В. Н. Денисов. Во время археологических раскопок 1978 г. были вскрыты фундамент и остатки кирпичных стен ратуши. Фундамент был сложен из больших камней на известковом растворе и заглублен в материк на 0,2—0,3 м. В предматериковом культурном слое, прилегающем к нему, найдены корччатые изразцы и глиняная посуда XVII в. Следов пожара и остатков обгоревшего дерева здесь не обнаружено. Вероятно, деревянное здание ратуши находилось в другом месте. Над культурным слоем XVII в. выявлена булыжная мостовая, которая примыкала к фундаменту ратуши. На картине неизвестного художника конца XVIII — начала XIX в., помещенной в работе В. Н. Денисова, площадь перед ратушей вымощена булыжником. Найденная несколько выше мостовой монета 1753 г. позволяет судить, что площадь Высокого рынка была вымощена камнем в первой половине XVIII в. Вблизи ратуши находился рынок с лавками и крамами. В Верхнем городе в XVIII в. располагались торговые ряды, которые образовались в результате слияния отдельных лавок в комплекс. Первоначально они были деревянные. Кирпичные торговые ряды были построены в начале XIX в.

Обязательным элементом общественной застройки Минска были корчмы. В документе 1494 г. отмечается: «... в месте нашем Менском корчом много»⁴⁶. По своему назначению корчмы были незаезжие и с заездом. Первые предназначались для продажи напитков и еды, вторые — для постоя заезжих гостей с лошадьми. Для незаезжей корчмы была характерна двухкамерная планировка — сени и шинок⁴⁷. Именно такой вид корчмы и был распространен в Минске в конце XV—XVI в. Изображение заезжей корчмы XVIII в. при дороге в Минск помещено во Всемирной истории архитектуры.

Развитой формой городской корчмы, представлявшей собой комплекс построек для постоя и приема заезжих гостей, является гостиный двор. Привилей 1569 г. разрешает «... мещаном Менским... двор гостиный на месту слушном для стоянья купцов збудовати»⁴⁸. Двор был построен на площади Высокого рынка. Он имел С-образный план и состоял из

нескольких каменных зданий в два-три этажа, построенных в XVIII в.

В заключение можно сделать некоторые выводы и обобщения. Застройка Минска в XIV — первой половине XVI в. была исключительно деревянной. Основным типом жилой и хозяйственной постройки был однокамерный сруб. В конце XV—XVI в. начался постепенный переход к двух- и трехкамерным постройкам. В застройке XIV—XV вв. во многом сохранялись традиции и черты предшествующего времени. Направление улиц, площадь усадеб, размеры построек, строительные приемы на протяжении XI—XV вв. существенно не менялись. Однако в XIV в. появились каркасные постройки, не встречавшиеся ранее. В письменных источниках XVI в. упоминается о домах на подклетах. Застройка города велась стихийно и неупорядоченно.

После предоставления Минску в XV в. права на самоуправление город начал застраиваться по принципу городов с магдебургским правом. В это время формировался новый городской центр, строилась ратуша, рынок с торговыми рядами. Во второй половине XVI в. в городе появились первые каменные дома. Характер городской застройки начал отражать усилившееся имущественное расслоение феодального общества. Городские усадьбы и фольварки богатых горожан и монастырей по площади земельных участков, количеству построек, характеру застройки значительно отличались от дворов простых горожан.

¹ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 123—129.

² Митрофанов А. Г., Тарасенко В. Р. Типы жилищ на территории БССР эпохи раннего железа и раннего средневековья // Вопр. этнографии Белоруссии. Мн., 1964. С. 96.

³ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 125—130.

⁴ Колединский Л. В., Ткачев М. А. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983. С. 20.

⁵ Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. Мн., 1981. С. 20.

⁶ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. С. 356.

⁷ Приходько Н. П. Некоторые вопросы истории жилища на Украине // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 258.

⁸ Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 164.

⁹ Русаў П. А. Маставыя сярэднявковага Мінска // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1986. № 4. С. 30.

¹⁰ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. С. 150.

¹¹ Грицкевич А., Поссе В. Минск, средневековье // Неман. 1966. № 10. С. 172.

¹² Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 181.

¹³ Лабутина И. К. Двор в средневековом Пскове (некоторые аспекты археологического изучения) // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-восточной части СССР. С. 26.

¹⁴ Даўгяла Зм. Стары Менск (нарысы з гісторыі замку і эканамічнага жыцця места) // Наш край. 1928. № 1(28). С. 8.

¹⁵ История Минска. Мн., 1957. С. 39.

¹⁶ Гісторыя Мінска. Мн., 1967. С. 52.

¹⁷ История Минска. С. 57.

¹⁸ Гісторыя Мінска. С. 49.

¹⁹ Беларускі архіў. Мн., 1931. Т. 3. С. 73.

²⁰ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 21.

²¹ Беларускі архіў. Т. 3. С. 13.

²² Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 14. С. 194.

²³ Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. С. 24.

- ²⁴ Беларускі архіў. Т. 3. С. 18.
- ²⁵ Сергачоў С. А. Беларускае плотніцтва // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 3. С. 26.
- ²⁶ Собрание древних актов и грамот городов Минской губернии. Мн., 1848. С. 35.
- ²⁷ Беларускі архіў. Т. 3. С. 181.
- ²⁸ Там же. С. 178.
- ²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18840, л. 18.
- ³⁰ Денисов В. Н. Площадь Свободы в Минске. Мн., 1985. С. 14.
- ³¹ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 36. С. 67.
- ³² Собрание древних актов и грамот городов Минской губернии. С. 35.
- ³³ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 36. С. 67.
- ³⁴ Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского государственного университета, Г 23-94/1-5.
- ³⁵ Беларускі архіў. Т. 3. С. 13.
- ³⁶ ЦГИА БССР, ф. 686, оп. 1, д. 3, л. 41.
- ³⁷ Беларускі архіў. Т. 3. С. 181.
- ³⁸ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Мн., 1978. С. 103.
- ³⁹ Загорульскі Э. М. Возникновение Минска. С. 177.
- ⁴⁰ ЦГИА БССР, ф. 686, оп. 1, д. 3, л. 42.
- ⁴¹ Беларускі архіў. Т. 3. С. 37.
- ⁴² Денисов В. Н. Площадь Свободы в Минске.
- ⁴³ Пазняк З. С. Рэха даўняга часу. Мн., 1985.
- ⁴⁴ Беларускі архіў. Т. 3. С. 18.
- ⁴⁵ Там же. С. 204.
- ⁴⁶ Там же. С. 1.
- ⁴⁷ Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI—XIX вв. Мн., 1984.
- С. 36.
- ⁴⁸ Беларускі архіў. Т. 3. С. 31.

ДА ПЫТАННЯ ЧАСУ ПАБУДОВЫ КАСЦЁЛА ДАМІНІКАНЦАЎ У МІНСКУ

Касцёл дамініканцаў у Мінску здаўна прыцягваў увагу даследчыкаў архітэктуры горада. У сярэдзіне XIX ст. яго апісанне зрабіў Ул. Сыракомля. У 1920-х гадах на архітэктуры Дамініканскага храма даволі падрабязна спыняецца М. М. Шчакаціхін¹. Не абышоў увагай гэтую пабудову польскі гісторык Вальняк (Я. М. Гіжыцкі). У перыядычным друку пра Дамініканскі касцёл пісаў Ул. Дзянісаў². Цікавасць да помніка выклікана перш за ўсё адметнымі рысамі яго архітэктуры. Пабудаваны ў пачатку XVII ст. у стылі ранняга барока храм дамініканцаў меў пэўнае вобразнае ўздзеянне на развіццё манументальнага дойлідства барока ў Мінску. У прыватнасці, М. М. Шчакаціхін слушна адзначыў аддаленыя рэмінісцэнцыі Дамініканскага храма ў канструкцыі і дэталях мінскага касцёла бернардынцаў, пабудаванага ў першай трэці XVII ст. М. М. Шчакаціхін падрабязна спыняецца на часе пабудовы Дамініканскага касцёла і мяркуе, што будаўніцтва яго і розныя дабудовы працягваліся ад пачатку XVII ст. аж да 1640-х гадоў. У асноўным жа касцёл быў пабудаваны ў 1605—1615 гг.

Звесткі, прыведзеныя М. М. Шчакаціхіным, не даюць поўнага адказу, калі ж у цэлым пабудавалі храм і што значыла гэтае «зацяжное» будаўніцтва. Узнікаюць пытанні аб першапачатковым выглядзе касцёла, канструкцыях яго абарончых збудаванняў, размяшчэнні капліц, плане і функцыі падвальных памяшканняў. Урэшце, не было цвёрдага адказу, ці Дамініканскі храм быў пабудаваны адразу як ажыццяўленне праекта, ці адлюстраванне ў сваёй канструкцыі развіццё альбо варыяцыі пэўных архітэктурных ідэй.

Вывучэнне былога храма дамініканцаў ускладнілася пасля таго, як у 1950 г. у час «добраўпарадкавання» Цэнтральнай плошчы каробку* будынка ўзарвалі. Натурныя даследаванні зрабіць было немагчыма — помнік не існаваў.

У 1978, 1985 і 1986 гг. аўтарам у складзе Мінскага археалагічнага атрада Інстытута гісторыі АН БССР ажыццяўлены археалагічныя раскопкі архітэктурных рэшткаў Дамініканскага касцёла. Амаль поўнасцю раскапана тэрыторыя цэнтральнага і паўднёва-ўсходняга нефаў. Агульная плошча раскопак 1064 м². Раскрыты падмуркі, участкі сцен вышыняй да 2 м, асновы апорных слупоў, мушкетных і гарматных ніш падэшвеннага бою, дзесяць разбураных пахавальняў, вымураваных з цэглы-пальчаткі, у якіх знойдзены косці і шкілеты нябожчыкаў, рэчы першай паловы — сярэдзіны XVII ст.

Час пабудовы касцёла дамініканцаў аўтар спрабаваў вызначыць, аналізуючы будаўнічыя рэшткі падмуркаў і сцен, вывучаючы манеты (іх знойдзена больш за 40) і рэчавы матэрыял у сувязі яго са стратыграфіяй пластоў.

Пры гэтым была скрупулёзна даследавана будаўнічая цэгла і плітка ў завалах слоя і ў рэштках муроўкі. Пры абследаванні падмуркаў і сцен

* У 1944 г. гітлераўцы падпалілі помнік і разбурылі дах.

па перыметру храма не выяўлена будаўнічых стыкаў, штрабы, участкаў з рознай цэглай, сістэмай муроўкі, рошчынай. Гэта сведчыць аб тым, што будынак быў закладзены адразу як трохнефны храм. Асновы яго сцен вымураваны з чырвонай, добра абпаленай цэглы-пальчаткі з дамешкамі каменьчыкаў і жвіру ў цесце. Сістэма рэнесансава-барокавая (рад тычкоў — рад лажкоў). Памеры цаглін тыповыя для XVII ст.: 31; 30,5; 30; 29,5; 28×16; 15,5; 15; 14×7,5; 7; 6,5 см.

На фасадзе выяўлена рапарацыя паўднёвага вугла будынка — падкладка вялікімі камянямі з праслойкамі вапнавай рошчыны і тоўчанай цэглы. Мяркуючы па знаходках, адкапаных у гэтых стратыграфічных пластах (фрагменты глінянага посуду, асколкі аконнага шкла, бутэлек, шклянціц, печавай кафлі), рамонт вугла адбываўся ў сярэдзіне — другой палове XVII ст.

На фасадзе паўднёва-ўсходняга нефа адкрыта замуроўка вузкага праёма — уваходу ў падвал. Праём замураваны такой жа самай цэглай, як і ў сценах, г. зн. замуроўка зроблена ў XVII ст. неўзабаве пасля пабудовы храма.

Падмурак касцёла дамініканцаў выкладзены з камянёў рознай велічыні — ад 15—20 да 90—100 см у дыяметры. З такіх жа камянёў зроблена і забутоўка ўнутры сцен, замацаваная скамянелай вапнавай рошчынай. Таўшчыня сцен ад 340 см (па лініі сячэння падмурка — 390 см) на фасадзе да 465 см у зоне гарматных ніш падэшвеннага бою на паўднёва-ўсходнім баку касцёла. Шырыня і глыбіня падмурка ў розных месцах храма неаднолькавая, але кладка яго адбывалася адначасна. Розная шырыня і заглыбленне — вынік сваістых будаўнічых прыწყпаў, які ўжыты пры мураванні будынка. Падмурак пад фасаднай сцяной цэнтральнага нефа выступае на 15—20 см з-пад цаглянай сцяны і заглыблены ў мацярык на 90—100 см; глыбіня ўсёй каменнай муроўкі роўная тут 145—150 см. Тым часам на фасадзе паўднёва-заходняга нефа пасадка падмурка плытчэе да 40—50 см. Камяні яго пакладзены месцамі на гумусавы перадамацерыковы пласт. Перапад узроўню якраз на мяжы нефаў. Аднак з памяншэннем глыбіні ў бакавым нефе падмурак пашыраецца і выступае з-пад цаглянай сцяны фасада, нібы каменная «падушка», на 35—55 см. З-пад бакавой паўднёва-ўсходняй сцяны (на адлегласці 3 м ад вугла) «падушка» выходзіць звонку аж на 110—120 см пры заглыбленні на 50—60 см. Ад мяжы трох метраў падмурак бакавой сцяны нефа, таксама як на партале, зноў заглыбляецца ў грунт да 160 см, а выступ яго з-пад сцяны памяншаецца да 25—30 см.

Прасочваюцца рацыянальная будаўнічая логіка і разлік, абгрунтаваны імкненнем надаць моцную ўстойлівасць будынку і адначасна эканоміць працу, не капаць глыбокую траншэю пад вугал, а паставіць яго нібы на шырокую каменную «лапу». Касцёл стаяў падмуркамі ў грунце, нібы карабель на надводных крыллях. Такі канструкцыйны прыцып закладкі падмуркаў таксама сведчыць пра адзінства задумы і адначасна пра будаўніцтва касцёла як трохнефнага храма.

Цікавая карціна выяўлена ў партальным праёме цэнтральнага нефа (квадраты 60 а, б і часткова 80 а, б). Шырыня праёма 280 см. Глыбіня (390 см) адпавядае таўшчыні каменнага падмурка фасаднай сцяны, паколькі ніз разворвання знаходзіўся непасрэдна на падмурку. (Трэба адзначыць, што адразу пасля будаўніцтва храма каменны падмурак яго ўзвышаўся на 20—50 см над дзённай паверхняй.)

Стратыграфія напластаванняў на дне партальнай нішы наступная: непасрэдна над цагляна-каменнай вымасткай праходу быў шчыльны пласт шэра-чорнага грунту без будаўнічых рэшткаў таўшчынёй ад 5 да

15 см. Над ім роўны пласт вапнавай будаўнічай рошчыны таўшчынёй 5 см. Непасрэдна на рошчыну пакладзена плашмя цэгла-пальчатка, з якой зроблена вымастка (захаваліся толькі фрагменты), загладжаная падэшвамі. Памеры цаглін вымасткі: 31; 30,5; 27; 26×16; 15; 15,5; 14,5; 13,5×6; 5 см. Над вымасткай паўметровы слой будаўнічага развалу 1950 г.

Вывучэнне матэрыялу паказвае, што выбрукоўка партала над шэра-чорным пластом была зроблена, відаць, адначасна з замуроўкай вузкага ўваходу ў падвал на фасадзе і з іншымі перабудоўкамі і разбурэннямі XVII ст., выяўленымі ў цэнтральным нефе. З улікам гэтага ў час раскопак асабліва скрупулёзна была даследавана шэра-чорная праслойка пад вапнай і вымасткай у праёме партала. Акрамя абломкаў печавай зялёна-паліванай кафлі з высокай рамкай і арнамантам, характэрным для першай паловы — сярэдзіны XVII ст., і дробных фрагментаў кухоннай керамікі тут знойдзены чатыры манеты. Адну з іх, моцна сцёртую, вызначыць не ўдалося. Астатнія тры выраблены ў першай чвэрці XVII ст. Гэта сярэбраны рыжскі шэлег 1602 г., дваіны дынарыі 1621 г. (білон) і сярэбраны шэлег 1625 г. часоў Жыгімонта III Вазы.

Тое, што ў 20-х гадах XVII ст. касцёл ужо стаяў і дзейнічаў, пацвярджаюць вынікі даследаванняў рэшткаў дзесяці вымураваных з цэгля пахавальняў, выяўленых у падвале цэнтральнага нефа. Усе манеты, знойдзеныя ў гэтай зоне раскопу (больш за 20), акрамя двух расійскіх медных капеек 1914 г., што трапілі сюды выпадкова з верхняга пласта, выраблены ў перыяд з першай чвэрці XVII ст. па 1666 г. У двухмеснай пахавальні № 8, напрыклад, на глыбіні 160 см ад дзённай паверхні знойдзены білонны шэлег 1625 г. і медны 1666 г. часоў Яна Казіміра. Першая манета дае магчымасць меркаваць, што пахавальня вымуравана ў 1620-х гадах, другая — што ў 1660-х гадах яна была ўжо разбурана.

Вывучэнне пахавальняў паказала, што ўзніклі яны ў першай палове XVII ст. Потым у час вайны з Масковіяй, верагодней за ўсё, у 1654 г., калі маскоўскае войска захапіла Мінск, былі разбураны і абрабаваны, пасля чаго пэўны час падвал не аднаўляўся. Калі ж пачалася адбудова пашкоджанага храма (відаць, у 1660-х гадах), падвал пад цэнтральным нефам, які, верагодней за ўсё, меў драўляныя перакрыцці, быў ліквідаваны і засыпаны будаўнічым друзам.

Важкім аргументам на карысць таго, што пабудова касцёла дамініканцаў распачалася ў самым пачатку XVII ст., з'явілася адкрыццё пад будаўнічымі пластамі храма чорнага слоя XVI ст., надзвычай насычанага знаходкамі.

Пласт XVI ст. таўшчынёй 10—35 см выяўлены пад слоём нівеліровачнага пяску толькі ў зоне цэнтральнага нефа ў розных месцах раскопу на працягласці 50 м. Адкрыццё і вывучэнне матэрыялаў гэтага пласта каштоўнае больш у археалагічным сэнсе, бо дазваляе выразна абазначыць час бытавання пэўных знаходак і масавых вырабаў.

Тут знойдзены абломкі паліванай і тэракотавай печавай кафлі з высокай двайной рамкай з рэнесансавымі матывамі арнаманту (вазы, птушкі, грыфоны, маніграмы), асколкі шклянных кварт, так званага рэйнскага каменнага тавару з шэрай і сіняй глазурай, мноства фрагментаў сталовай і кухоннай керамікі, багата арнамантаванай, непаліванай і пакрытай зялёнай, салатавай, бірузовай, лімоннай, жоўтай, чырвонай, чырвона-карычневай палівай з рознымі адценнямі. Многія тыпы керамікі і ўсе фрагменты печавай кафлі характэрныя толькі для другой паловы XVI — пачатку XVII ст.

Тая акалічнасць, што пад паўднёва-ўсходнім нефам, размешчаным

далей ад сучаснай вул. Інтэрнацыянальнай, не выяўлена напластаван-
няў XVI ст., а пад цэнтральным нефам яны знойдзены, ускосна сведчыць
пра тое, што ў XVI ст. тут ужо існавала вул. Валоккая, уздоўж якой,
трэба меркаваць, размяшчаліся драўляныя пабудовы. У пласце пад кас-
цёлам усюды было шмат вуголля — вынік пажараў.

Пабудова Дамініканскага касцёла ў Мінску адбывалася адначасна
з насыпаннем абарончых валоў вакол горада. Паўднёва-ўсходні учас-
так вала быў насыпаны непадалёк ад храма (якраз праз сярэдзіну
сучаснай Цэнтральнай плошчы). Відаць, прымаючы пад увагу гэтую ака-
лічнасць, касцёл будавалі адначасна як абарончы фарпост — мураван-
ную крэпасць на адкрытай з усходу ўскраіне Мінска. Паэтапнае будаў-
ніцтва тут было непрымальным. Мураванне касцёла-крэпасці ў гэтым
месцы адлюстроўвала інтарэсы ўсяго горада, а не толькі рэлігійныя за-
дачы дамініканцаў. У час раскопак паўднёва-ўсходняга нефа, зверну-
тага бакавой сцяной да абарончага вала, у ім выяўлены рэшткі дзвюх
магутных гарматных ніш падэшвеннага бою і дзве ўступчатыя нішы-
вокны, верагодна, для мушкетнага агню.

Такім чынам, вынікі археалагічных раскопак здымаюць сумненні,
якія маглі ўзнікнуць з-за недахопу звестак, пра першапачатковы выгляд
і час пабудовы касцёла дамініканцаў у Мінску. Ён адразу будаваўся
як трохнефны храм з абарончымі функцыямі і ваеннымі канструкцый-
нымі элементамі. Будаўніцтва яго ў цэлым скончана ў другім дзесяці-
годдзі XVII ст.

¹ Шчакаціхін М. Помнікі старадаўняе архітэктуры XVII—XVIII стст. у Мен-
ску // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы камісіі гісторыі мастацтва. Мн., 1928.
Т. 1. Сш. 1.

² Дзянісаў Ул. Мінскі кляштар дамініканцаў // Літ. і мастацтва. 1982. 22 кастр.

И. В. Ганецкая

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАЙОЛИКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛАРУСИ В XII—XVIII вв.

Возникновение майоликового производства в Киевской Руси — одно из проявлений византийского влияния. Оно связано с распространившейся традицией украшать полы каменных храмов и некоторых гражданских построек керамическими плитками, покрытыми цветными эмалями. На территории Беларуси первые майоликовые плитки известны в Софийском соборе в Полоцке (середина XI в.)¹. В строительстве храма принимали участие византийские и киевские мастера².

В XII в. в социально-экономическом развитии древнерусских земель произошли значительные изменения. Укрепление экономической и политической самостоятельности удельных княжеств и их основных городов стимулировало возникновение новых ремесленных центров, выделение местных архитектурных школ. Именно с XII в. можно утверждать о развитии майоликового производстве, когда узорчатые наборы из плиток различных форм и размеров украшали интерьеры и фасады сооружений Полоцка³, Витебска, Минска, Логойска, Друцка⁴, Турова⁵, Пинска⁶, Гродно, Новогрудка⁷.

Пришлые мастера, которые составляли строительные артели, несомненно, пользовались помощью местных ремесленников, хорошо знавших сырьевую базу своей округи и обладавших определенными производственными навыками. Они успешно освоили новую керамическую технологию. Массовое производство, небывалое разнообразие форм (в Пинске найдены плитки 34 фасонов, в Борисоглебской церкви в Гродно — 17), широкое применение майолики для декорирования наружных стен (гродненская архитектурная школа), особенности изобразительного языка в орнаментике свидетельствуют о творческом усвоении восточнославянскими мастерами привнесенного технологического опыта.

Вывод Т. И. Макаровой о первичности производства архитектурной поливной керамики в Древнерусском государстве в целом является справедливым и для западной ее части⁸. Гончары, производившие декоративные плитки, успешно пытаются переносить поливы с плоскости на объемные предметы (характер формовочной массы и полив архитектурной керамики и посуды одинаков)⁹. Это явление хорошо прослеживается на материалах Гродно.

Следует отметить, что производство майолики на территории Беларуси в XII—XIII вв. основывалось на единой для всех древнерусских земель рецептуре полив*. В декоративной системе белорусские мастера смогли найти свои подходы и изобразительные средства.

В XIV—XV вв. традиция майолики временно прерывается. По-видимому, причины следует искать не в каких-либо внешних событиях или нарушении традиционных торговых связей, а прежде всего в крупных переменах в экономической и политической жизни бывших запад-

* Количественный спектральный анализ полив произведен В. А. Галибиным в лаборатории спектрального анализа ЛОИА АН СССР.

ных земель Древней Руси, ставших ядром нового государства — Великого княжества Литовского. В архитектуре утверждается новый художественный стиль — готика. Узорчатость полов не согласуется с его декоративной системой. Необходимость в производстве майоликовых плиток отпадает.

В XVI—XVIII вв. в связи с усложнением хозяйственной деятельности, укреплением торговых и культурных связей с другими народами расширяется сфера бытования керамических изделий. По ассортименту, форме, декору они стали более разнообразными. Широкое распространение поливной посуды, освоение техники меццо-майолики, росписи ангобами под поливу и подкрашенными свинцовыми глазурами, знакомство с лучшими образцами западноевропейского керамического искусства послужили важными предпосылками возрождения и совершенствования производства майолики.

Преобладающее значение в белорусской майолике XVI—XVII вв. имела также архитектурно-декоративная керамика. Письменные источники свидетельствуют о широком распространении в средневековых бе-

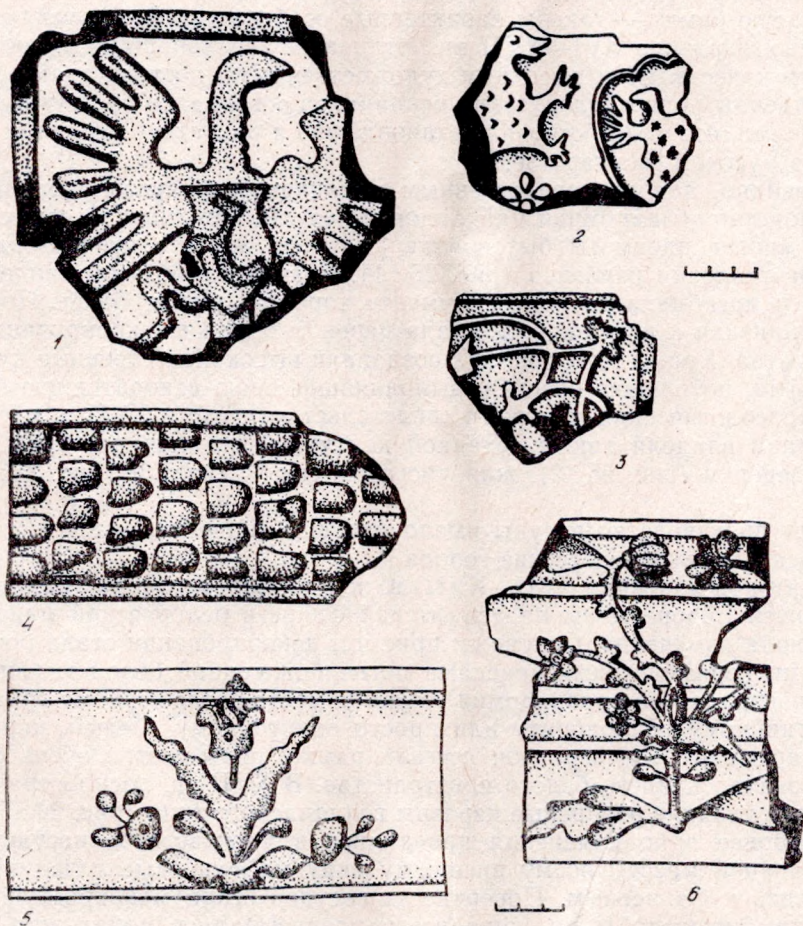

Рис. 24. Фрагменты майоликовых изразцов XVII—XVIII вв.: 1 — Мирский замок; 2 — Мстиславль (раскопки О. А. Трусова); 3 — Витебск (раскопки Т. С. Бубенько); 4 — Могилев (раскопки И. И. Синчука); 5 — Гродно (раскопки О. А. Трусова); 6 — Витебск (раскопки О. Н. Левко)

лорусских городах и местечках полихромных печей¹⁰, что подтверждается археологическими данными. Многоцветные изразцы, покрытые глущими поливами, выявлены практически во всех городах, местечках, замках, где проводились археологические исследования (рис. 24 : 1—4). Остатки производственных мастерских, следы совместного обжига терракотовых, муравленых и майоликовых изразцов, их изготовление в одних матрицах подтверждают наличие производства архитектурной майолики во многих, даже небольших, городах и частновладельческих замках. При этом отмечается относительно небольшое количество ценных изделий в общей массе находок XVI—XVII вв. Дело в том, что майоликовые изразцы кафляры делали на узкий рынок, главным образом на заказ, как и в XII—XIII вв., когда в роли заказчика выступал князь или церковь. Сложная технология, высокий художественный уровень изделий, значительный процент вещей с гербами заказчиков среди полихромных изразцов — все это отличительные признаки изделий, производимых на заказ¹¹.

Гармоничные сочетания белого, синего, желтого, бирюзового цветов, выразительный рельефный орнамент, заключенный в простую или двухступчатую рамку, — таковы характерные особенности белорусских майоликовых изразцов XVI—XVII вв., отличавшихся хорошими технологическими качествами и высокими художественными достоинствами. Производственный опыт белорусских ценников осваивался русскими ремесленниками, что способствовало становлению и развитию искусства майолики в Русском государстве.

Очевидно, под непосредственным влиянием кафлярства появляется производство полихромной майоликовой посуды. Приемы нанесения эмали на многие предметы бытовой керамики те же, что использовались при изготовлении изразцов (рис. 25 : 1). Возможно, об этом свидетельствует и преобладание в ассортименте тарелок, мисок, блюдов. Поверхность, близкая к плоской, облегчала перенос техники декорирования из кафлярства. Кроме того, мастера создавали высококачественные кувшины, куфли, небольшие вазочки, выполнявшие свою декоративную функцию. Археологический материал свидетельствует, что в XVII в. местные ценники владели также техникой контурной росписи непосредственно по черепку (рис. 25 : 2), живописью по сырой эмали¹² (рис. 25 : 3, 4; 26 : 1).

Хотя производство посуды имело меньшее значение, она все же вывозилась в некоторые русские города¹³.

Во второй половине XVII—XVIII в. под влиянием распространившейся по всей Европе моды на дельфтский фаянс в белорусской майолике произошли изменения. Основным приемом декорирования стала роспись жидкими керамическими красками по необожженной белой эмали. Яркая, жизнерадостная полихромия уступила место разреженному орнаменту, спокойному по колориту или просто однотонному (белый, коричневый, бирюзовый). У изразцов исчезла рамка, рельеф стал очень высоким, появилось много белого пространства. В XVIII в. распространение получили гладкие расписные изразцы голландского типа (рис. 24 : 5—6).

Наиболее ярко изменения проявились в производстве посуды. По формовочной массе, своему внешнему виду майоликовые изделия приблизились к фаянсовым. Поверхность сосудов стала монохромной (белой или бирюзовой), но чаще всего расписывалась кобальтом (рис. 26 : 2, 3).

Итак, в развитии белорусского майоликового производства выделяются три основных этапа: 1) XII—XIII вв., когда развивавшаяся на ос-

Рис. 25. Фрагменты майоликовых сосудов XVII в.

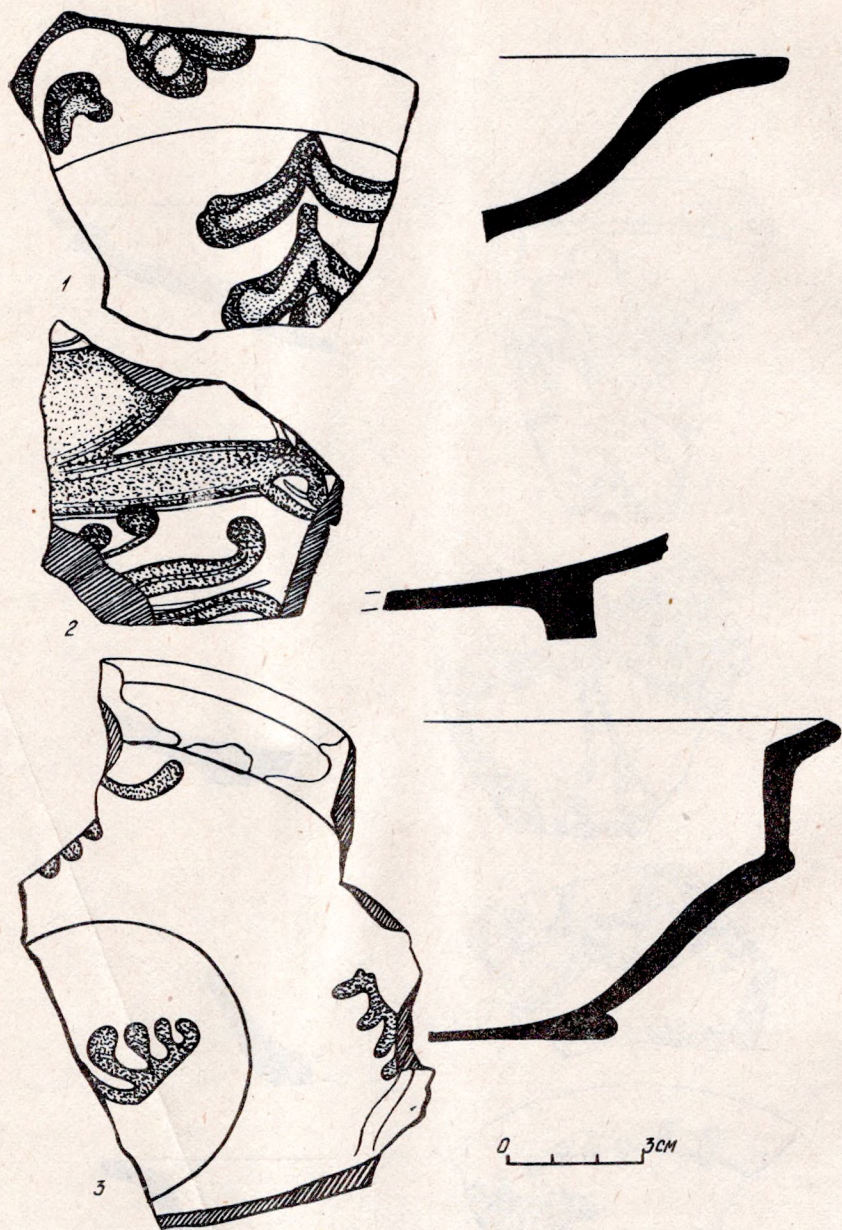

Рис. 26. Фрагменты майоликовых сосудов XVII—XVIII вв.

нове единой древнерусской рецептуры полив декоративная и бытовая майолика западных земель приобретает в то же время специфические черты; 2) XVI — первая половина XVII в.— период расцвета полихромной майолики, отмеченный разнообразием технологических приемов декорирования изделий; в XVII в. белорусская полихромная майолика, достигшая высокого технологического и художественного уровня, оказала большое влияние на становление ценного дела на Руси; 3) вторая половина XVII—XVIII в.— период подражания фаянсу.

¹ Булкин В. А. Работы в Верхнем замке в Полоцке // АО 1979 года. М., 1980. С. 358—359.

² Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 30.

³ Каргер М. К. Раскопки руин древнего храма в Верхнем замке Полоцка // АО 1967 года. М., 1968. С. 258.

⁴ Алексеев Л. В. Раскопки в Друцке // АО 1965 года. М., 1966. С. 169.

⁵ Каргер М. К. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. Вып. 100. М., 1966. С. 135.

⁶ Равдина Т. В. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. Вып. 96. М., 1963.

⁷ Каргер М. К. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке // АО 1965 года. С. 167.

⁸ Макарова Т. И. О происхождении поливной посуды на Руси // Сов. археология. 1963. № 2. С. 250.

⁹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. № 41. М., 1954. С. 61.

¹⁰ Беларускі архіў. Т. 3. Вып. 1. Мн., 1930. С. 179; Историко-юридические материалы. Вып. 13. Витебск, 1901. С. 79; Кацер М. С. Народно-прикладное искусство Белоруссии. Мн., 1972. С. 72.

¹¹ Макарова Т. И. Археологи в поисках исторических закономерностей // Сов. археология. 1986. № 1. С. 294.

¹² Ганецкая І., Здановіч Н., Трусаў А. Вытокі беларускага фаянсу // Мастацтва Беларусі. 1988. № 6. С. 60.

¹³ Салтыков Б. А. Майолика Гжели. М., 1956. С. 13.

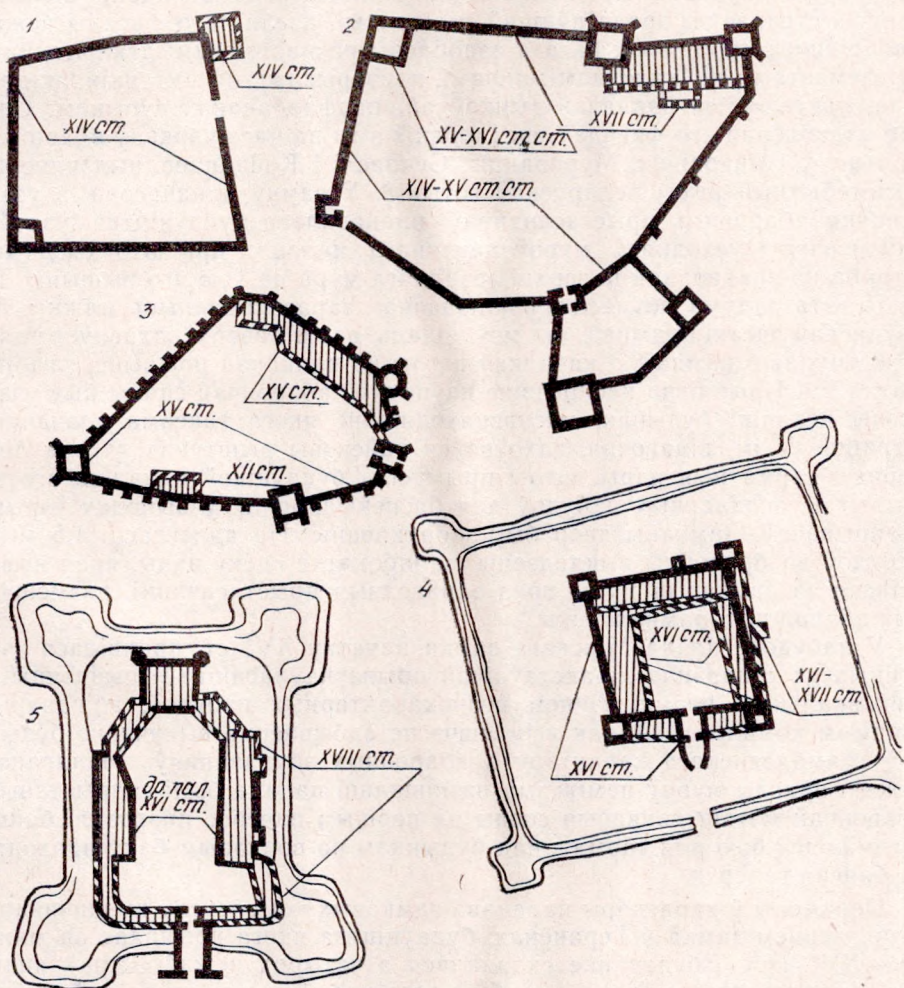
РАЗВІЦЦЕ ПАЛАЦАВА-ЗАМКАВЫХ КОМПЛЕКСАУ БЕЛАРУСІ
У КАНЦЫ XV—XVII ст.

У выніку архітэктурна-археалагічных даследаванняў, аб'ём якіх істотна павялічыўся за апошнія дзесяцігоддзе, назапашаны значны матэрыял па развіцці палацава-замкавых комплексаў перыяду позняга сярэднявечча. За час іх існавання з-за разбурэнняў або перабудоў страціліся многія элементы інтэр'ераў, экстэр'ераў, змяніўся першапачатковы выгляд будынкаў. Шматлікія археалагічныя знаходкі дазваляюць не толькі аднавіць у той або іншай ступені вонкавае і ўнутранае ўбранства іх, але і правесці аб'ёмна-планавую рэканструкцыю помнікаў на розныя перыяды існавання (мал. 27). Развіццё палацава-замкавых комплексаў пачынаецца з Крэўскага замка, у мураванай княжацкай вежы якога знаходзіліся жылыя памяшканні. Значныя зрухі ў станаўленні помнікаў гэтага тыпу адбываюцца з узвядзеннем гродзенскіх Верхняга (Старога) і Ніжняга замкаў у канцы XIV—пачатку XV ст., у якіх апроч магутных абарончых сценаў і вежаў былі жылыя і гаспадарчыя пабудовы¹.

Блізкім да гродзенскіх замкаў па характары планіроўкі і будаўнічай тэхнікі з'яўляецца Мядзельскі замак, узведзены на востраве сярод воз. Мясцра ў XV ст. Тэрыторыя яго была абнесена абарончымі мурамі і вежамі. Ва ўсходняй частцы побач з цыліндрычнай вежай у XVI ст. быў пабудаваны палац. Падмуркі палаца і вежы закладзены з палявых валуноў і цэглы-пальчаткі ў тэхніцы змешанай муроўкі². У той жа час падмуркі абарончых муроў узведзены з камянёў, што, відавочна, выклікана рознымі канструкцыйнымі асаблівасцямі. Перакрыцці падвала вежы рабіліся на бэльках. Падвалы палаца перакрываліся скляпеннямі. Уваход у падвал пад вежу быў вымураваны з цэглы-пальчаткі ў гатычнай тэхніцы яе перавязкі. Можна меркаваць, што найбольш складаныя элементы пабудовы — баявыя галерэі, аконныя і дзвярныя праёмы, скляпенні — вымуроўваліся таксама з цэглы. Замкі ў Гродне і Мядзелі вызначаюцца развітой сістэмай абарончых збудаванняў і разам з тым істотным павышэннем ролі будынкаў грамадзянскага характару, што дазваляе вызначыць іх як помнікі тыпу «канвенцкі дом» («канвентхаўз»), да якога можна аднесці і ранейшыя замкі ў Крэве, Лідзе і Медніках³. Пэўныя агаворкі пры аднясенні апошніх да пабудовы тыпу «канвентхаўз» могуць быць зроблены ў сувязі з адсутнасцю ў іх развітых жылых будынкаў, аб'яднаных з абарончымі збудаваннямі ў адзіны комплекс.

Дзяржаўныя замкі ў Гродне і Мядзелі, як і прыватнаўласніцкія ў Іказні, вызначаюцца характарам пабудовы планаў, падпарадкаваных рэльефу мясцовасці. Іказненскі замак складаўся з двухпавярховага палаца, абарончых муроў і вежаў, узведзеных у аналагічнай будаўнічай тэхніцы са Старым у Гродне і Мядзельскім замкамі. Некаторыя яго часткі былі выкананы з дрэва⁴. На пачатак XVI ст. прыпадае аднаўленне мураванага замка ў Наваградку, які вызначаўся падабенствам аб'ёмна-прасторавай кампазіцыі з раней ахарактарызаванымі збудаваннямі. Літаральна да канца XVI ст. жыллёвыя пабудовы былі драўлянымі, і толькі ў канцы XVI або пачатку XVII ст. паміж Касцельнай вежай і Шчытоўкай быў узведзены мураваны палац⁵. Яго будаўніцтва, відаць, варта звязваць з працэсам інтэнсіўнага развіцця мураванага дойлідства на Бе-

ларусі на працягу XVI ст. Наваградскі замак выконваў найперш функцыі абарончага збудавання і ў ім (у адрозненне ад замкаў у Гродне, якія з'яўляліся рэзідэнцыяй вялікага князя, або замка ў Мядзелі, што належаў каралеве Боне) пабудовам грамадзянскага характару надавалася меншая ўвага. У будаўніцтве яго выдзяляюцца тры этапы, апошні з якіх прыпадае на канец XV—пачатак XVI ст.⁶ Менавіта ў гэты час складаецца магутнае абарончае збудаванне, пабудовы якога — вежы і абарончыя мury — узводзіліся ў характэрнай для гэтага перыяду будаўнічай тэхніцы. Падмуркі закладваліся з валуноў на вапнавай рошчыне. У пачатку XVI ст. іх пачалі ўзводзіць з дабаўленнем бітай цэгля і пазней выконвалі ў тэхніцы змешанай муроўкі⁷. Наземныя мury ўзводзілі-

 Месцазнаходжанне жылых і гаспадарчых мураваных будынкаў у Крушчым (1), Наваградскім (2), Гродзенскім старым (3), Мірскім (4) і Нясвіжскім (5) замках

Мал. 27. Жылыя і гаспадарчыя мураваныя будынкi ў беларускіх замках XIV—XVIII стст.

ся ў лускавай тэхніцы муроўкі, калі шчокі вымуроўваліся з цэглы-пальчаткі з прымяненнем гатычнага тыпу яе перавязкі, а сярэдзіна забутоўвалася камянямі на вапнавай рошчыне.

Адметнае месца ў гісторыі палацава-замкавага дойлідства займае Мірскі замак, у абліччы якога ўвасобіліся рысы трох важнейшых перыядаў ў архітэктуры Беларусі: готыкі, рэнесансу і барока. Замак быў узведзены ў пачатку XVI ст. з цэглы-пальчаткі ў гатычнай тэхніцы муроўкі. Падмуркі і ніжнія часткі сцен складзены з камянёў, якія перамяжоўваюцца з гарызантальнымі і вертыкальнымі радамі цэглы. Забутоўка сцен выконвалася з радоў камянёў і бітай цэглы, залітых пластамі вапнавай рошчыны таўшчынёй да 20 см. Мірскі замак з'яўляўся першакласным абарончым збудаваннем свайго часу. Аднак дойліды надалі вялікую ўвагу і стварэнню прадстаўнічай рэзідэнцыі, дзеля чаго фасады вежаў і абарончых муроў былі багата аздоблены разнастайнымі дэкаратыўнымі элементамі: паўкалонкамі, нішамі, парэбрыкамі, пасамі, якія, як правіла, пакрываліся вапнавай тынкоўкай, падфарбаванай сурыкам. Спосаб аздаблення яго фасадаў, як і блізкіх з ім па часе цэркваў абарончага тыпу ў Сынковічах, Мураванцы, Супраслі і Койданаве, выдзяляецца ў самабытных рысах беларускай готыкі⁸. У замку адначасова з узвядзеннем абарончых прыстасаванняў планавалася будаўніцтва ўздоўж паўднёвага і ўсходняга муроў цаглянага палаца, пра што сведчыць штраба на знадворнай паверхні заходняга мура на ўсю яго вышыню. Ці была гэта задума поўнасю рэалізавана, зараз вызначыць цяжка. Ад паўднёвай часткі будынка, які меў, відаць, адзін паверх, захаваўся толькі падмурак з камянёў і кавалкаў цэглы на вапнавай рошчыне, глыбіня якога 2 м. Прыблізна пасярэдзіне паўночнай абарончай сцяны быў узведзены невялікі будынак, месцазнаходжанне якога таксама адзначана штрафой. У ім, відавочна, захоўваўся вайсковы рыштуак, у тым ліку порох і гарматныя ядры, што і прымусіла будаўнікоў аддаліць яго ад жылых і гаспадарчых пабудоў для бяспекі апошніх у выпадку ўзрыву боепрыпасаў. Замкавы двор быў забрукаваны. На адлегласці 1,5 м ад пабудоў на брукоўцы выкладзены жалабок для сцёку вады, якая выводзілася за замкавыя мury праз адпаведныя прыстасаванні, размешчаныя абарончымі надбрамнай вежы.

У пабудове плана Мірскага замка пачатку XVI ст. праявілася тэндэнцыя да стварэння прадстаўнічай прыватнаўласніцкай рэзідэнцыі з рацыянальным размяшчэннем рознахарактарных пабудоў, аб'яднаных у адным комплексе. Аднак у ім яшчэ не адбываецца вылучэнне будынкаў грамадзянскага характару з абарончых збудаванняў. Наадварот, вежы і праслы муроў паміж імі, памяшканні палаца былі скарыстаны з абарончай мэтай: вонкавыя сцены на першым паверсе прарэзалі байніцы ніжняга бою для гармат, над будынкам па вонкавым баку праходзіла баявая галерэя.

Перамены ў характары палацава-замкавых комплексаў вызначаюцца з увядзеннем замка ў Геранёнах, будаўніцтва якога прыпадае на мяжу XV—XVI стст. Збудаванне складалася з чатырох вежаў і драўлянага першапачатковага палаца, які быў прыбудаваны да паўднёвай сцяны замка, а ў канцы XVI ст. заменены на мураваную пабудову⁹. Такая пабудова плана збліжае яго з замкам у Міры. Цыліндрычныя вежы і праслы муроў збудавання ў Геранёнах узводзілі з камянёў метадам лускавай муроўкі, звонку іх аблямоўвалі цэглай-пальчаткай, якая мела гатычны тып перавязкі. Падмуркі пабудоў закладзены на глыбіню 1 м з вялікіх камянёў на вапне. Прамежкі паміж імі закладзены кавалкамі цэглы і зацёрты вапнавай рошчынай. Крокам уперад пры стварэнні Ге-

ранёнскага замка было ўзвядзенне на адлегласці 80 м ад мураваных пабудоў земляных умацаванняў, якія знутры падтрымліваліся сценкай, збудаванай у тэхніцы паласатай муроўкі з абчасаных камянёў і цэгляпальчаткі. Па кутах умацавання сценка пераходзіла ў вежы-рандэлі. Стварэнне замка ў Геранёнах характарызуе бачны пачатак працэсу адзялення мураваных будынкаў, якія набываюць выключна грамадзянскі характар, ад абарончых прыстасаванняў, што пачынаюць узводзіцца з пяску, жвіру з дамешкамі гліны або суглінку, паступова выводзячы з іх мураваныя элементы. Замак у Геранёнах стаў пераходным на шляху замены замкаў з мураванымі абарончымі прыстасаваннямі на новы іх тып — з землянымі бастыёнамі і курцінамі.

У сярэдзіне XVI ст. у Заслаўі быў збудаваны першы на Беларусі бастыённы замак¹⁰. Важным крокам на шляху развіцця бастыённых замкаў стала будаўніцтва ў 1583 г. замка ў Нясвіжы¹¹. З яго пачалася вялікая праца па стварэнні новага горада з рэнесанснай планіроўкай, якая закончылася да пачатку XVII ст.¹² Замак уяўляў сабой развітую магнацкую рэзідэнцыю, у якой функцыянальна былі падзелены пабудовы грамадзянскага і абарончага характару. У забудове Нясвіжскага замка прасочваецца імкненне да стварэння сіметрычнай забудовы ў межах бастыённых умацаванняў. Важнай крыніцай для характарыстыкі першапачатковага выгляду збудавання з'яўляецца гравюра Т. Макоўскага, з якой відаць, што па цэнтры двара каля тыльнай курціны размешчаны галоўны будынак палаца. Насупраць яго пасярод усходняй курціны знаходзілася двух'ярусная брама з вежай. Апошняя была нехарактэрным элементам для класічных бастыённых замкаў у Заходняй Еўропе. Наяўнасць яе можа быць вытлумачана працягам традыцыйнага вырашэння замкавых брамаў у выглядзе вежы з праездам у першым паверсе (замкі ў Гродне, Наваградку, Міры). Па абодвух баках двара ў Нясвіжскім замку сіметрычна размясціліся карпусы палаца. Вырашаны такім чынам дзядзінец быў акружаны насыпнымі курцінамі з чатырма бастыёнамі па кутах. Фартыфікацыя Нясвіжскага замка ў многім апырэдзіла адна тыпныя абарончыя прыстасаванні Еўропы таго часу, што істотна вылучае яго сярод такіх збудаванняў¹³.

У аб'ёмна-планавай кампазіцыі Нясвіжскага замка на першы погляд утрымліваюцца некаторыя недахопы з пункту гледжання яго абароны. Значным «пралікам» дойлідства можна было б лічыць узвядзенне высокіх мураваных будынкаў, якія выступаюць над курцінамі. Аднак стваральнікі замка, відаць, у немалой ступені разлічвалі на моц бастыённай абарончай сістэмы, якая на той час была новай для беларускіх зямель. Апроч таго, пры пабудове комплексу ўлічвалася і яго размяшчэнне на востраве, акружаным вадой. Да таго ж сам замак на гэтым штучным востраве быў выдзелены з дапамогай абводнага рова. З гэтай прычыны дойліды і мелі магчымасць надаць асаблівую ўвагу стварэнню прадстаўнічай мураванай рэзідэнцыі. Асобныя элементы яе, бачныя на згаданай гравюры (невялікія вежы па чатырох кутах галоўнага будынка палаца, шмат'ярусная назіральная вежа каля паўднёвага яго корпуса і надбрамная вежа), збліжаюць палацава-замкавы комплекс у Нясвіжы з ранейшымі мураванымі замкамі.

У гэты час адбываецца і перабудова Мірскага замка¹⁴. Асноўная ўвага пры рэканструкцыі надавалася ўзвядзенню шматпавярховага палаца, які размясціўся каля ўсходняга і паўночнага абарончых муроў. З мэтай павышэння абараназдольнасці замка ў новых умовах вядзення ваяўнічых дзеянняў былі насыпаны бастыёны і курціны галандскага тыпу¹⁵. Праезд надбрамнай вежы ўмацавалі дадатковым абарончым прыстаса-

ваннем — прадбрам'ем¹⁶. Спазналі перабудову гатычныя вежы і абарончыя мury замка. У сценах былі прабітыя вялікія аконныя праёмы, якія, як і праёмы дзвярэй, аздобілі разнымі каменнымі абрамленнямі. З гэтага ж матэрыялу выточваліся балясіны для лесвічных маршаў, частка якіх была знойдзена пры раскопках, вырабляліся кансольныя бэлькі балкона. Гатычны дэкор быў амаль цалкам замураваны, а сцены пакрыты тынкоўкай. Некранутымі засталіся толькі надбрамная і паўднёва-заходняя вежы, якія, відаць, вызначаліся найбольшым характам аздабы. Пры будаўніцтве палаца Мірскага замка захаваны ранейшы гатычны тып муроўкі, хаця памеры цэгля ў гэты час у параўнанні з пачаткам XVI ст. значна паменшыліся. У той жа час пры будаўніцтве Нясвіжскага замка ўжыты рэнесансны тып муроўкі. У некаторай колькасці разам са звычайнай выкарыстоўваецца і клінкерная цэгла, хаця з яе ў адрозненне ад перыяду готыкі не выкладваліся дэкаратыўныя элементы. У адрозненне ад гатычных будынкаў ў другой палове XVI ст. у Міры і Нясвіжы ўзводзяцца на падмурках, у якіх у значна большай ступені выкарыстана цэгла, а камяні — у невялікай колькасці, пераважна каля іх падэшвы. Неабходна зазначыць, што рэнесансная муроўка вытрымлівалася не заўсёды, бо ў гэты перыяд пачынаюць тынкаваць фасады і цагляная муроўка страчвае свае дэкаратыўныя функцыі.

На апошнюю чвэрць XVI—пачатак XVII ст. прыпадае будаўніцтва Гальшанскага замка. Па асноўных прыёмах пабудовы плана, які склалі замкнёныя ў чатырохвугольнік карпусы палаца з чатырма нарожнымі і пятай надбрамнай вежамі, ён нагадвае Мірскі замак пачатку XVI ст. Аднак характар будаўнічай тэхнікі і прыёмы аздаблення фасадаў, дэкор у інтэр'еры з'яўляюцца яркім сведчаннем новых традыцый у будаўніцтве палацава-замкавых комплексаў гэтага часу. Да 70—80-х гадоў XVI ст. адносіцца ўзвядзенне мураванага замка ў Любчы. Збудаванне ўзводзілася на наднёманскім пагорку, які быў павышаны больш чым на 3 м за кошт падсыпкі выбранага з рова вакол яго пяску. Гэта дало магчымасць аформіць пляцоўку замчышча ў выглядзе чатырохвугольніка, на якой і быў збудаваны мураваны замак з правільным чатырохвугольным планам. Па кутах яго былі ўзведзены шмат'ярусныя вежы, хаця да гэтага часу застаецца нявырашаным пытанне аб існаванні заходняй вежы. З паўночна- і паўднёва-заходніх бакоў замак абараняўся мураванымі прасламі сценаў. З паўднёва- і паўночна-ўсходніх напрамкаў яго прыкрывалі драўляныя «парканы». Да паўночна-заходняга абарончага мура паміж вежамі ў канцы XVI—пачатку XVII ст. быў прыбудаваны мураваны палац, у паўночнай частцы якога меліся падвалы са скляпеннямі. З пункту гледжання абарончых вартасцей Любчанскі замак можна аднесці да пабудовы такога тыпу, узведзеных у XV ст. у Гродне і Мядзелі, а таксама ў пачатку XVI ст. у Міры, у якіх будынкі абарончага і грамадзянскага характару былі аб'яднаны ў адным комплексе пры дамінаванні значэння першых функцый. Спалучэнне мураваных і драўляных элементаў збліжае яго з замкам у Іказні. Аднак у адрозненне ад апошняга, які і ад гродзенскіх і Мядзельскага замкаў, замак у Любчы вызначаецца пабудовай плана, які не залежаў ад абрысаў узвышша, на якім быў узведзены. Да канца XVI ст. адносіцца і перабудова Старога замка ў Гродне ў традыцыях рэнесанснай архітэктуры, у выніку чаго ён страціў асноўную колькасць абарончых вежаў. У ім быў перабудаваны палац з багатым аздабленнем фасадаў. На падворку ўздоўж сценаў з'явіліся мураваныя будынкі, у якіх размяшчаліся розныя службы, што забяспечвалі паўнакроўнае жыццё на гэты раз ужо каралеўскай рэзідэнцыі¹⁷.

У XVII ст. адбываецца далейшае развіццё палацава-замкавых комплексаў. У Мірскім замку на двары каля паўднёвага мура будуюцца кухня, у якасці падмуркаў для якой часткова была выкарыстана аснова гатычнага палаца, а сцены яе змураваны з цэглы з увядзеннем у іх аконных і дзвярных каменных абрамленняў, што былі знятыя са сцен пры перабудове палаца ў барочным стылі. Звонку ад замкавых муроў прыбудоўвалі стайню, піваварню і іншыя пабудовы гаспадарчага прызначэння. Новабудоўлі вызначаюцца іншым падборам будаўнічага матэрыялу: як сцены, так і падмуркі будынкаў у гэты час узводзяцца амаль без прымянення камянёў. Падмуркі ж аднапавярховых гаспадарчых будоў у Мірскім замку складаліся з двух-трох радоў камянёў на вапнавай рошчыне.

Пры пэўнай розніцы аб'ёмна-планавай кампазіцыі замкаў, якія будуюцца ў канцы XVI—пачатку XVII ст. або перабудоўваюцца ў гэты перыяд з ранейшых, па матэрыялах археалагічных раскопак прасочваецца значнае падабенства ў аздабленні іх інтэр'ераў. Літаральна з 80-х гадоў XVI ст., мяркуючы па знаходках з Мірскага замка, істотнае значэнне ў памяшканні мае кафляная печка¹⁸. Пры даследаванні замка выяўлена багатая калекцыя, якая складаецца з тэракотавай, зялёнай і паліхромнай кафлі канца XVI—першай паловы XVII ст., аздабленай геаметрычным, раслінным, геральдычным і сюжэтным арнаментамі¹⁹. Многія з вырабаў хаця і розняцца колерным пакрыццём вонкавай пласціны, але зроблены ў адной форме. Іх выкарыстоўвалі ў розных па вартасці памяшканнях палаца на першым, другім або трэцім паверхах, што добра прасочваецца па адкладанні іх фрагментаў у культурным пласце пад вокнамі будынка.

Выкарыстанне печы як важнага элемента аздаблення інтэр'ера на роўні з творамі жывапісу, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва было характэрным літаральна для ўсіх палацава-замкавых комплексаў гэтага часу. У Нясвіжскім замку знойдзены фрагменты кафлі, якая не толькі падобная па характары дэкару да мірскай, але і поўнасю ёй аналагічная, што сведчыць пра адзін вытворчы цэнтр для Нясвіжа і Міра. Характар аздаблення кафлі не саступае па сваёй вартасці і ў другіх, менш вартых замках, напрыклад у Любчанскім. З'яўленне кафлянай печы ў мураваных пабудовах стала важным фактарам на шляху прыстасавання іх пад жыллё²⁰. Аднак у XIV—XV стст. роля іх амаль не выходзіла за межы функцыянальнага прызначэння ацяпляльных прыстасаванняў. І толькі ў перыяд Рэнесансу, характэрны для беларускай архітэктуры з XVI ст., кафляная печка становіцца важным дэкаратыўным элементам у памяшканні. Аздаба печы дасягнула асабліва высокай выяўленчай значнасці ў канцы XVI ст., калі пачала прымяняцца паліхромная глазура, а рэльеф вонкавай пласціны ўзбагаціўся многімі новымі элементамі.

З канца XVI ст. для вымасткі падлогі ў памяшканнях выкарыстоўваюцца керамічныя пліткі розных формаў. Гэта была значная перамена ў афармленні інтэр'ераў у параўнанні з перыядам готыкі, калі падлога, як правіла, выкладалася з цэглы або спецыяльных цэглападобных плітак, чаго патрабаваў характар памяшканняў жылых і гаспадарчых будынкаў. У Любчанскім замку ўжываліся квадратныя пліткі, пакрытыя зялёнай і карычневай глазурай, з якіх выкладаўся ўзор у шахматным парадку. Глазураваныя пліткі, якія ўжываліся ў меншай колькасці ў параўнанні з тэракотавамі, вядомыя на тэрыторыі Беларусі таксама па раскопках Гальшанскага замка. Падлога Мірскага замка насцілалася з розных набораў квадратных тэракотавых плітак²¹. У гаспадарчых па-

мяшканнях таго ж замка рабілася таксама і цагляная падлога, што, відаць, абумоўлена іх функцыянальным прызначэннем.

Пры раскопках у Мірскім замку знойдзены фрагменты аконных алавіяных пераплётаў з двухтаўровым сячэннем, у якія ўстаўляліся прамавугольныя і дыскавыя шыбы з валікападобнымі або загнутымі краямі. Пераплёты ў аконных рамах утрымліваліся тонкімі шырынёй у 5 мм жалезнымі ветраўніцамі, рамы замыкаліся з дапамогай жалезных закрутак. У XVII ст. куты аконных рам, зробленых з дрэва, мацаваліся фігурнымі вугалкамі барочных абрысаў. Такія ж формы мелі і аконныя завесы, толькі большага памеру, выразаныя з ліставага жалеза. Яны знойдзены, як і вугалкі, у Гальшанскім замку. У канцы XVI—XVII ст. адбываюцца змены ў характары дахоўкі. З аднаго боку, у канцы XVI—пачатку XVII ст. захоўваецца дахоўка жалабковай формы з рогападобным дэкаратыўным шыпам на вонкавай паверхні. Некаторыя з даховак, як, напрыклад, у Любчанскім замку, пакрываліся зялёнай глазурай. Паранейшаму бытвала і пляскатая дахоўка з прамавугольнай пяткай і акруглым наском. У Любчанскім замку знойдзены фрагменты даховак тыпу «бабровы хвост», якія вядомы з XV ст. У параўнанні з перыядам готыкі ў рэнесансных пабудовах прымяняецца дахоўка меншай таўшчыні, якая зменшылася ў XVII ст. да 1 см. Адбываюцца перамены і ў характары мацавальнага выступу на пятцы. З канца XVI ст. прымяняюцца трапецападобныя дахоўкі для пакрыцця стыкаваных пад нахілам плашчызнаў дахаў²².

У другой палове XVI—пачатку XVII ст. было завершана фарміраванне палацава-замкавых комплексаў, што выявілася ў поўным адасабленні мураваных пабудоў грамадзянскага характару ад абарончых умацаванняў. Працэс іх развіцця характарызуецца пераемнасцю паміж пазнейшымі і папярэднімі збудаваннямі. Захаванне складанага плана колішніх дзядзінцаў, на які вялікае ўздзеянне мелі прыродныя ўмовы, прасочваецца ў гатычных дзяржаўных замках (Стары замак у Гродне, Мядзельскі і Наваградскі замкі), а таксама ў некаторых прыватнаўласніцкіх замках (Іказнь). У перыяд позняй готыкі і Рэнесансу адбываецца пераход да рэгулярнага плана замкавых комплексаў, што звязана з выкарыстаннем абарончых умацаванняў штучнага характару ў адрозненне ад ранейшых прыродных (замкі ў Міры, Заслаўі, Нясвіжы, Любчы і інш.). Асноўны акцэнт дойлідаў паступова пераносіцца на стварэнне прадстаўнічай рэзідэнцыі з развітой сістэмай гаспадарчых пабудоў, функцыянальным прызначэннем якіх было забеспячэнне разнастайных жыццёвых патрэб насельнікаў такіх комплексаў. Для выкарыстання будаўнічых матэрыялаў характэрны адыход ад рацыянальнай эканоміі, калі значная ўвага надавалася прымяненню палявога каменю розных памераў. Паступова цэгла выцясяе камень, замяніўшы яго не толькі пры вымуроўцы найбольш складаных архітэктурных дэталей і ў інтэр'еры пабудоў, але і пры ўзвядзенні ўсяго іх аб'ёму. Ва ўжытак уводзіцца апрацаваны камень. Разам з тым паранейшаму бытуюць традыцыйныя будаўнічыя прыёмы: выкарыстанне змешанай цагляна-каменнай муроўкі, закладка каменных падмуркаў, што адбываецца па прычыне абмежаваных эканамічных магчымасцей фундатараў будаўніцтва або ў сувязі з адпаведнай вартасцю будынка (замкі ў Любчы і Міры).

Істотная ўвага пры стварэнні палацава-замкавых комплексаў надаецца інтэр'еру. Часам такім чынам кампенсуецца не вельмі рэспектабельны вонкавы выгляд. У асобных выпадках імкненне стварыць прадстаўнічы палац пераважала над неабходнасцю надзейна захаваць яго ад пагрозы варожага разбурэння (замак у Нясвіжы), хаця ў такіх вы-

падках дойліды імкнуліся як мага больш поўна скарыстаць прыродныя ўмовы і прыстасаваць іх да патрэб абароны. У працэсе развіцця палацава-замкавых комплексаў на Беларусі яскрава прасочваецца імкненне іх стваральнікаў скарыстаць перадавыя дасягненні абарончай і грамадзянскай архітэктуры еўрапейскіх краін. Разам з тым гэта не было сляпым капіраваннем замежных узораў. Пры стварэнні новых комплексаў прымяняліся лепшыя традыцыйныя будаўнічыя і архітэктурныя прыёмы, аб'ёмна-канструктыўныя элементы народнай архітэктуры. Менавіта спалучэнне традыцыйнага і новага дазволіла беларускім дойлідам позняга сярэднявечча стварыць адметныя творы нацыянальнай архітэктуры.

¹ Чарняўскі І. М. Грамадзянскае мураванае дойлідства Беларусі XII—XV стст. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя артыкулы. Мн., 1989.

² Ткачэў М. А. Работы экспедыцыі Гродненскага ўніверсітэта // АО 1981 г. М., 1983. С. 360; Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Мн., 1978. С. 96.

³ Абрамаускас С. К. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве // *Statyba ir architektura: Lieuvos TRS aukstuju mokyklu mokslo darbai*. Vilnius, 1963. Nr. VI. S. 103.

⁴ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 73.

⁵ Gurtlier R. Roboty konserwatorska na gorze Zamkowej w Nowogrodku (sprawozdania ogulne) // *Ochrona zabytkow. 1930—1931. Z. 1—4. S. 182.*

⁶ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 48, 49.

⁷ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 49.

⁸ Янкавічэне А. С. Самабытныя рысы беларускай готыкі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 1. С. 21.

⁹ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 75—76.

¹⁰ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 81.

¹¹ ЦДГА РБ, ф. 694, воп. 1, адз. 53, ар. 55.

¹² Gruszewski A. Fortyfikacja zamku w Nieswiezu // *Kwartalnik architektury i urbanistyki*. 1965. T. 10. Z. 2. S. 141.

¹³ Gruszewski A. Fortyfikacja zamku w Nieswiezu. S. 144.

¹⁴ Иодковский И. И. Замок в Мире // *Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при императорском Московском археологическом обществе*. М., 1915. Т. 6. С. 59.

¹⁵ Ткачоў М. А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. С. 70.

¹⁶ Трусаў А. А. Археалагічнае вывучэнне помнікаў беларускай манументальнай архітэктуры XIII—XVIII стст. // *Весті Акадэміі навук БССР. Сер. грамад. навук*. 1980. № 6. С. 88.

¹⁷ Wojciechowski Z. Stary zamek w Grodnie // *Odbitka z Biuletyn historii sztuki i kultury*. 1938. R. VI. S. 217.

¹⁸ Трусаў А. А., Угрыновіч У. Паліхромная кафля Мірскага замка // *Мастацтва Беларусі*. 1983. № 3. С. 38; Трусаў А. А., Угрыновіч У. В. Беларуская паліхромная кафля // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1983. № 4. С. 22.

¹⁹ Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир Гродненской области // *Сов. археология*. 1986. № 4. С. 232.

²⁰ Раппопорт П. А., Шолохова Е. В. Дворец в Полоцке // *Кратк. сообщ. Ин-та археол. АН СССР*. 1981. № 164. С. 95; Ткачоў М. А. Лідскі замак // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1971. № 2. С. 17.

²¹ Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К. Архитектурно-археологические исследования Мирского замка и городского поселка Мир в Гродненской области // *Сов. археология*. 1986. № 4. С. 230.

²² Трусов О. А. Белорусская черепица XIV—XVIII вв. // *Сов. археология*. 1986. № 3. С. 190.

В. В. Щеглова

РОЛЬ ОХОТЫ В СНАБЖЕНИИ МЯСОМ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В X—XIV вв.

Анализ материалов 25 средневековых археологических памятников показал, что только на двух из них абсолютное (и относительное) число охотничьих животных превосходило число домашних, на пяти — значительно уступало им, на остальных — особей охотничьих животных насчитывалось в три—четыре раза меньше, чем домашних (табл. 1).

Судя по костным остаткам, в X—XIV вв. жители исследованных поселений охотились на шесть видов копытных (зубр, тур, лось, олень благородный, косуля, кабан дикий), семь видов хищных (медведь, волк, лисица, барсук, куница, выдра, рысь), два вида грызунов (бобр, заяц). В хозяйствах имелись крупный и мелкий рогатый скот, лошади, собаки, кошки.

Таблица 1. Соотношение между остатками домашних и диких животных на средневековых памятниках Беларуси

№ п/п	Памятники	Число костей	Число особей	% особей домашних животных	% особей диких животных
1	Полоцк (1959, 1960) *, **	1572	257	78,6	21,4
2	Витебск I (1964, 1976)	723	179	80,4	19,6
3	Витебск II (1972, 1976)	298	91	82,1	17,9
4	Лукомль I (1966, 1968, 1973, 1974)	1273	303	63,0	37,0
5	Лукомль II (1973)	114	30	80,8	19,7
6	Копысь (1962)	102	25	80,4	19,6
7	Минск I (1958, 1959)	3460	303	87,2	12,8
8	Минск II (1974)	641	98	97,9	2,1
9	Городище (на Менке, 1975)	1774	415	83,3	16,7
10	Свислочь (1969, пласты 1—3)	714	100	56,0	44,0
11	Кричев (1973, 1974)	842	234	79,7	20,3
12	Славгород (1974)	496	107	80,3	19,7
13	Чечерск (1974)	542	167	73,0	27,9
14	Гомель (1975)	485	96	60,4	39,6
15	Турейск (1970)	271	44	34,1	69,9
16	Волковыск I (1954—1958, 1966)	5697	901	45,3	54,7
17	Волковыск II (1951—1958, 1965, 1967)	3619	552	70,5	29,5
18	Волковыск III (1965—1968)	889	92	64,1	35,9
19	Слоним (1968)	1885	257	56,4	43,6
20	Клецк (1967)	133	46	54,5	45,7
21	Каменец (1970)	42	17	58,8	41,2
22	Брест (1969—1973)	2290	815	73,2	26,8
23	Пинск (1963, 1964)	731	230	74,3	25,6
24	Давид-Городок (1967)	413	143	58,7	41,3
25	Туров (1962, 1963, 1968)	1000	256	76,2	23,8
Итого		30205	5348		

* Годы, в которые произведены раскопки.

** Руководители раскопок: 1, 4, 5 — Г. В. Штыхов; 2, 3 — Г. В. Штыхов, О. Н. Левко; 6 — Л. А. Михайловский; 7, 10 — Э. М. Загорульский, 8 — Э. М. Загорульский, Г. В. Штыхов; 9 — Г. В. Штыхов, В. Е. Соболев; 11—14 — М. А. Ткачев; 15—19 — Я. Г. Зверуго; 20—25 — П. Ф. Лысенко.

Таблица 2. Число особей домашних и диких животных на археологических памятниках

Вид	Памятники										
	Витебск I	Лукомль II	Минск II	Менка	Свислочь	Кричев	Слагодород	Чечерск	Гомель	Брест	Турейск
Крупный рогатый скот	38	8	69	130	22	84	46	41	15	268	2
Мелкий рогатый скот	10	6	11	43	7	34	12	28	11	94	4
Свинья домашняя	14	7	15	105	21	46	20	40	20	124	7
Лошадь	10	3	—	58	4	19	7	12	9	93	2
Собака	1	1	1	10	2	8	1	1	3	18	—
Зубр	—	1	—	13	3	2	—	2	3	40	2
Тур	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Лось	10	1	—	17	8	11	6	21	10	41	2
Олень благородный	—	1	—	8	4	2	—	—	—	50	4
Косуля	1	—	—	2	4	2	2	1	5	33	4
Кабан дикий	2	1	—	17	12	8	4	6	8	35	3
Медведь	1	—	—	2	1	5	—	—	1	2	1
Волк	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—
Лисица	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	2
Барсук	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Куница	—	—	1	—	—	1	1	1	—	—	—
Выдра	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Бобр	3	1	1	8	12	6	5	10	8	14	10
Заяц	—	—	—	1	—	8	3	3	2	—	—
Всего	91	30	98	415	100	239	107	167	96	815	44
% мясных домашних от общего числа мясных копытных	82,1	87,5	100,0	82,1	61,7	87,1	86,6	90,0	63,8	71,9	45,2

В одной из работ автора¹ приведен видовой состав животных, костные остатки которых установлены в раскопках Полоцка, Витебска, Лукомля, Минска (детинцы), Клецка, Пинска, Давид-Городка, Турова, а также абсолютное число особей вида, процент их от общего числа видов. Те же данные, полученные за все годы раскопок Волковыска I (Шведская года), II (Замчище), III (Муравельник), содержатся в статье, написанной в соавторстве с Я. Г. Зверуго². Для остальных памятников число особей видов дано в табл. 2.

Костные остатки, являющиеся преимущественно «кухонными», представлены почти всеми элементами скелета. В раскопках ряда памятников имелись не только обломки, но и целые кости конечностей, позволившие, применив соответствующие коэффициенты, предложенные В. И. Цалкиным³, А. А. Браунером⁴ и другими исследователями, установить рост животных, половой состав поголовья крупного рогатого скота, принадлежность лошадей к соответствующим классификационным группам.

В коллекциях насчитывается 9868 костных остатков крупного рогатого скота от 1453 особей.

В табл. 3 приведен рост самок (коров), определенный по длине пястных костей. Самое низкое значение предела изменчивости (89,70 см) характерно для Минска, самое высокое (116,61 см) — для Волковыска. Средняя высота в холке коров всей территории Беларуси исчисляется 104,20 см.

Рост быков, вычисленный по 13 пястным костям из раскопов Бреста

(6 экз.), Волковыска (3 экз.), Слонима (2 экз.), Турова и Кричева (по 1 экз.), изменялся от 95,45, 97,97 см (Туров, Слоним, Кричев) до 126,05 см (Волковыск). Пястных костей волов в коллекциях имелось две: из раскопов Волковыска (рост вола 129,92 см) и Бреста (рост вола 133,64 см). Следовательно, рост крупного рогатого скота (без учета пола) колебался от 89,70 до 133,64 см, среднее арифметическое равно 107,8 см. Эти числа уступают средним значениям высоты в холке современного местного неуплучшенного (беспородного) крупного рогатого скота, приведенным в литературе⁵: для бывшей Гомельской губернии среднее равно 109,5 см (от 105 до 115 см), живой вес 14—18 пудов (248—267 кг), Витебской — 114,4 см (от 99 до 130 см), Минской — 113,3 см (от 93 до 134 см). Живой вес быков трех лет и старше достигает 269 кг (от 192 до 330 кг). Экспедицией А. Ф. Миддендорфа⁶ в 70-х годах XIX в. установлено, что в лесной полосе Восточной Европы крупный рогатый скот имел убойный вес 3—8 пудов (48—128 кг). Рост наиболее мелких экземпляров достигал 87 см. Это объясняется нехваткой и низким качеством корма зимой (даже в конце XIX в. основной зимний корм — солома), ранними случками, отсутствием подбора. Те же условия характерны и для средневековых хозяйств.

Современный племенной крупный рогатый скот значительно крупнее беспородного и по росту и по весу: рост взрослых коров 119—142 см, средний — 129 см, вес — 396—655 кг, рост быков — 137—152 см, средний — 144 см, вес — 800—1000 кг⁷.

Сроки прорезывания постоянных коренных зубов нижней челюсти крупного рогатого скота следующие: если первый постоянный коренной (M_1) еще не прорезался — в возрасте до шести месяцев, M_2 — в возрасте от шести до 18 месяцев, M_3 — от 18 до 28 месяцев, при наличии M_3 — старше 28 месяцев⁸. При раскопках (табл. 2) собрано около 1200 нижних челюстей, более 60% из них имели развитый последний коренной зуб (M_3). Пястные и плюсовые кости с непроросшими нижними эпифизами свидетельствуют о том, что животные не достигли возраста 2—2,5 года, полное срастание верхних и нижних эпифизов костей конечностей наступает в 3,5—4 года⁹. В изученных коллекциях конечностей с непроросшими эпифизами было сравнительно немного.

В раскопках собрано значительное количество костных остатков мелкого рогатого скота (1909 костей от 659 особей). Преобладают кости овец. Из 157 нижних челюстей и обломков 72 экземпляра сохранили полный зубной ряд: 45 экземпляров с прорезавшимся M_3 , 20 лишены его, у семи экземпляров нет M_2 . Следовательно, согласно приведенным В. И. Цалкиным¹⁰ срокам прорезывания зубов, более 60% особей было старше 24 месяцев, около 30% — от 12 до 24, 10% — от 3 до 12 месяцев. Рост овец, вычисленный по длине пястной кости с использованием коэффициента, предложенного В. И. Цалкиным¹¹, варьировал от 52,88 до 63,18 см, средний — 58,53 см. Подавляющее большинство остатков свиньи в коллекциях (всего определено 2338 костей от 873 особей) принадлежит молодым особям. Животных старше 22 месяцев (есть M_3) не более 30%. Рост средневековых свиней, определенный по таранной кости (коэффициент 17,90, установлен Тайхертом)¹², равнялся в среднем 66,44 см (от 60,86 до 68,48 см). Живой вес взрослой современной свиньи черно-пестрой породной группы с высотой в холке 68,6 см равен 143,6 кг. Живой вес шестимесячных поросят этой же породной группы при высоте в холке 50,6—59,3 см равен 57,4—72 кг¹³.

В раскопках памятников собрано около 1 тыс. костей зубра (от 179 особей). Не обнаружены они только в сборах из Витебска II (посада),

Копыси, Волковыска III (Муравельника), Славгорода. Зубр — самый крупный зверь европейской фауны. Высота в холке 158—195 см, живой вес от 430 до 1000 кг (в исключительных случаях)¹⁴. В прошлом вес зубров в одну тонну и более не был редкостью¹⁵. Длина 12 промеренных зубров изменялась от 203 до 226 мм, средняя — 216,2 мм. Для современных зубров, по данным В. И. Бибиковой¹⁶, средняя длина для самцов равна 209,2 мм, для самок — 206,8 мм. Эти данные подтверждают факт измельчания зубров начиная от средних веков и до нашего времени.

Самым крупным представителем семейства оленей является лось. Высота в холке достигает 170—235 см, вес — 570 кг¹⁷. Костные остатки лося имелись в раскопах всех средневековых памятников Беларуси, поименованных в табл. 1. Определено 1266 костей от 320 особей. Особенно много остатков лося найдено при раскопках в Лукомле I (276 костей от 62 особей), Бресте (88 костей от 41 особи), Волковыске I (247 костей от 56 особей).

Второй по величине представитель семейства оленей — олень благородный. Олени Беловежской пуши достигают 143 см высоты в холке, живой вес изменяется от 143,5 до 207,5 кг¹⁸. В изученных коллекциях определены 490 костей от 136 особей. Наибольшее число особей установлено по археологическим материалам в Бресте (50 особей) и Волковыске I (45 особей). В Лукомле обнаружены кости только двух животных этого вида. Средневековые олени Беларуси были крупнее их современных потомков — обитателей Беловежской пуши: длина пястной кости (9 экз.) средневековых оленей 257—284 см, средняя — 273,4 см, длина плюсневой (12 экз.) — 300—329 см, средняя — 318 см. Длина пястной кости самок из Беловежской пуши¹⁹ 229—259 см, средняя — 243,85 см, самцов соответственно — 253,5—274,0, средняя — 261,34 см (установлено по 60 скелетам).

Косуля — небольшой олень с высотой в холке 70—85 см. Живой вес от 20 до 37 кг²⁰. В раскопах собрано более 300 костей от 188 особей. Наибольшее число особей (60) приходится на Волковыск I, почти вдвое меньше (33 и 29) соответственно на Брест и Волковыск II. В раскопах остальных памятников остатки косули единичны.

Современные кабаны — крупные и средней величины животные. У кабанов Кавказа рост колеблется у самцов от 93 до 120 см (среднее — 103 см), у самок — от 61 до 96 см (среднее — 75 см). Живой вес самцов 64—178 кг, самок — 48—109 кг. Вес отдельных экземпляров достигает 300 кг²¹. Кабаны западных районов страны имеют меньшие размеры. Вес их колеблется от 100 до 150 кг²².

Костей дикого кабана собрано в раскопах изученных памятников почти 800 от 397 особей. Особенно многочисленны остатки (120 особей) в Волковыске I. В Лукомле I, Волковыске II, Слониме, Бресте обнаружены кости десятков особей, в Минске, Турове, Давид-Городке — около десятка особей на каждом памятнике, в раскопах остальных памятников — немногих особей. Высота в холке дикого кабана в средневековой Беларуси была рассчитана автором с помощью коэффициентов, предложенных М. Тайхертом (для таранной кости 17,90 см, пяточной — 9,34, лучевой — 5,26, пястной — 10,72 см). С учетом всех полученных значений средняя высота в холке оказалась равной 103,74 см (19 экз., предел 90,29—113,8 см), что несколько превышает ее среднее значение у современных кабанов.

Все изложенное дает представление о различии в размерах и живом весе тех домашних и диких животных, которые являлись основным источником мяса для жителей изученных археологических памятников.

О количестве мяса охотничьих копытных в мясном рационе средневекового населения. Известно, что выход мяса от одной туши составляет 60% живого веса животного. Следовательно, от одного зубра население получало мяса в четыре-пять раз, от одного лося или благородного оленя — в два-три раза больше, чем от одной коровы. При подсчете общего количества мяса за условную единицу принят вес (100 кг) одного экземпляра беспородного крупного рогатого скота.

Среди археологических памятников северной группы (Полоцк, Витебск I (город), Витебск II (посад), Лукомль I, II) наиболее детальная стратиграфия известна для Полоцка²³. В раскопе II в слое X в. имеются остатки зубра, лося, кабана. По числу особей охотничьи звери представлены 22,7% от числа мясных домашних и диких копытных. Далее в тексте процент особей охотничьих копытных вычислен по отношению к сумме домашних и диких мясных копытных. Суммарный же выход мяса составил почти половину (47,5%) от общего его количества (с учетом мяса домашних мясных копытных). В слоях XI в. остатков зубра нет, но есть кости косули, оленя благородного, лося, кабана. Все они, составляя 26,3% от числа обеих групп мясных животных, давали населению половину потребляемого им мяса. В XII в. в числе охотничьей добычи известен зубр, но отсутствует кабан. От четырех видов диких копытных получали половину мяса, используемого в пищу. В нижних слоях первой половины XIII в. имеются остатки трех видов (зубр, олень, лось), но нет косули и кабана, а в верхних установлены кости только косули и лося или косули и зубра. По числу особей они составили 16,6—18,8%, в мясном же рационе жителей мясо охотничьих копытных вначале преобладало над количеством его от домашних животных (60—50%), а затем, когда среди охотничьих трофеев зубра не стало, резко уменьшилось (40—25%). В нижнем слое второй половины XIII в. обнаружены только костные остатки кабана, в вышележащих — только лося. Охотничьи копытные по числу особей составляли 12—10% от числа обеих групп мясных животных. Количество мяса, полученного от них, колебалось от 15 до 50%. Примерно те же соотношения сохраняются и в XIV в. В среднем число использованных в пищу населением древнего Полоцка диких копытных составило 18,2%, суммарный выход мяса от них — 51,6%.

В Витебске I (город) относительное количество (в особях) мясных диких копытных среди «кухонных остатков» невелико — 19,6%. Из пяти видов охотничьих трофеев по материалам раскопок 1964 и 1976 гг. на долю лося приходится 50%, зубра — 19,9, кабана — 16,6, оленя благородного — 10,0, косули — 3,3%. Мяса от этих видов получено 51,6%.

Также невелико число (18,2%) мясных охотничьих животных в Витебске II (посад), давших, как и в Витебске I, более половины (52,6%) мяса для жителей. Лось по числу особей составил 71,5%, кабан — 14,3, зубр — 7,2, косуля — 7,2%.

Раскопки Лукомля (города) дали большое количество костных остатков домашних (215 особей) и диких (114 особей) мясных копытных. Из них 54,4% принадлежало лосю, 27,2% — кабану, 14% — зубру, 2,6% — косуле и 1,1% оленю благородному. Указанные костные остатки диких копытных составили 34,4% общего числа остатков мясных животных, но мяса от них было получено 3/4 (74,1%) общего его объема (с учетом мяса домашних животных).

Очень небольшой материал из раскопа Лукомля II (посад) дал следующую картину. Из общего числа употребленных в пищу мясных копытных дикие (зубр, лось, кабан) составляли 21,4%, общий выход мяса — 62,5%.

Таким образом, для всех описанных археологических памятников севера Беларуси характерен небольшой удельный вес охоты на мясных копытных (18,2—34,4%), дававший, однако, мяса населению от 51,6 до 74,1%. Любопытно, что в посадах Витебска и Лукомля относительные цифры съеденных экземпляров диких копытных и количества мяса, полученного от них, идентичны или близки к значениям, установленным для городов (Витебск I, Лукомль I).

Общий объем охоты в Минске (XI—XIII вв.) не превышал 14,8%. Но пять видов охотничьих животных — зубр (23,1%), лось (20,5%), косуля (7,7%), кабан (15,3%), олень (2,6%) — давали почти половину (44—46%) потребляемого жителями мяса.

В поселении у с. Городище (на р. Менке) Минского района самыми многочисленными охотничьими трофеями являлись лоси (24,3%) и кабаны (24,3%), несколько меньше было зубров (18,7%), вдвое меньше оленей благородных (11,6%). Общее число добытых мясных зверей было невелико — 17%, тем не менее мясо диких копытных составляло примерно половину (45—47%) мясного рациона обитателей поселения. 17,4% диких мясных копытных (лось, косуля, кабан) давали жителям Копыси 33,1% мяса. В Свислочи 69,1% мяса было получено ее обитателями от 38,3% диких копытных.

Таким образом, из четырех (Минск, Городище, Копысь, Свислочь) средневековых поселений центральной части территории Беларуси только в Свислочи объем охоты на диких копытных был значителен, как и количество мяса, полученного от него населением.

Для характеристики роли охоты в снабжении мясом средневекового населения западной части территории Беларуси можно использовать изученный материал из раскопов Волковыска I, II, III, Слонима, Турейска, Новогрудка, Гродно.

В рационе жителей крепости на Шведской горе (Волковыск I) мяса охотничьих копытных при небольшом их преобладании (54,7%) над использованными в пищу домашними копытными было в 4—5 раз больше, чем мяса свиней, крупного и мелкого рогатого скота. Объясняется это тем, что охотничьей добычей дружинников крепости служили крупные копытные: зубр, лось, олень, кабан. При этом количество употребленных в пищу экземпляров зубров, лосей (самых «тяжелых» зверей) почти вдвое превышало число экземпляров крупного рогатого скота²⁴.

Таблица 3. Рост самок (коров), вычисленный по длине пястных костей

Памятники	Кол-во экз.	Пределы изменчивости (см)	Среднее
Полоцк	7	98,07—108,23	102,85
Витебск	7	96,28—108,23	99,81
Лукомль	4	101,66—113,62	105,74
Минск	23	89,7—108,83	102,36
Копысь	2	102,26—108,23	105,25
Свислочь	4	99,87—111,23	106,14
Чечерск	3	104,65—105,25	104,85
Кричев	11	102,26—110,03	105,83
Волковыск	10	96,28—116,61	103,83
Слоним	8	95,10—107,67	101,48
Брест	83	92,09—110,18	103,22
Туров	2	93,89—106,42	100,15
Пинск	8	93,28—108,83	105,78

На Замчище (Волковыск II) и Муравельнике (Волковыск III)²⁵ охотничьи животные составляли всего 29,3 и 35,8% от общего числа использованных в пищу копытных. Однако от зубров, кабанов, лосей, оленей, косуль мяса было получено жителями больше (соответственно 58 и более 60%), чем от домашних мясных копытных.

Значительной была роль охотничьих животных в питании жителей древнего Слонима²⁶. В течение XI—XIV вв. обитатели города интенсивно охотились на пять видов добытых копытных: зубра (24,2%), лося (24,2%), кабана (27,3%), оленя (16,2%), косулю (8,1%). В «кухонных остатках» кости (в пересчете на особи) составляли 44,2% от числа мясных животных обеих групп, но в мясном рационе населения города 80% приходилось на мясо диких копытных.

По данным В. И. Цалкина²⁷, жители окольного Новогрудка охотились на оленя благородного, лося, зубра, кабана. Удельный вес охоты, по расчетам автора, был равен 32,9%, но мяса она давала 60%.

В жизни населения древнего Гродно (XI—XIV вв.)²⁸ охота играла значительную роль (55% употребленных в пищу животных — охотничьи). Первое место по числу добытых мясных животных занимал олень благородный (292 особи, 35%), второе делили кабан (180 особей, 21,6%) и косуля (175 особей, 21,0%), далее зубр (107 особей, 12,8%), лось (79 особей, 9,5%). По подсчетам автора, суммарное относительное количество мяса, полученного от охотничьих копытных (833 особи), — 80%, от домашних копытных (711 особей) — 20%.

Небольшой костный материал из раскопа древнего Турейска (раскопки произведены Я. Г. Зверуго в 1970 г.) от 13 экземпляров домашних и 15 диких мясных копытных позволяет говорить о том, что в пищу было употреблено мясо 54% диких и 46% домашних копытных. При этом от диких копытных (зубра, лося, оленя, косули, кабана) жители получили мяса в четыре с половиной раза (88,1%) больше, чем от домашних.

Общими для охотничьей деятельности населения западной части Беларуси являются следующие особенности:

1. Для обитателей Волковыска I, Слонима, Турейска, Гродно охота была основной хозяйственной отраслью (43,6—55%), удовлетворявшей потребность жителей в мясе на 80—90%.

2. В Волковыске II, III, Новогрудке (окольный город) охота играла подчиненную роль (29,3, 35,8, 32,9%), обеспечивая мясом обитателей на 50—60% от потребности в нем.

3. В Волковыске I, III, Слониме первое место по числу добытых экземпляров занимал кабан, в Волковыске II, Гродно, Новогрудке, Турейске — олень благородный.

О состоянии охоты на мясных копытных в X—XIV вв. в южной части территории современной Беларуси дают представление костные материалы из раскопов древних Бреста, Турова, Пинска, Давид-Городка, Каменца, Клецка. Раскопки на этих памятниках в разные годы произведены П. Ф. Лысенко.

В Бресте, если использовать средние данные за пять столетий (X—XIV), охота составляла 1/4 (26,20%) деятельности населения, направленной на обеспечение его мясной пищей, но мясо охотничьих копытных составляло более половины (60%) потребляемого жителями города. За период с 1969 по 1973 г. в раскопах древнего Бреста собрано (в особях): зубра — 40, лося — 41, оленя — 50, косули — 33, кабана — 35, крупного рогатого скота — 268, мелкого рогатого скота — 94, свиньи — 124.

В Пинске удельный вес охоты (26,5%) был таким же, как в Бресте,

и мясо охотничьих копытных не превышало 60% в пищевом рационе его обитателей. Первое место по числу использованных в пищу диких копытных занимал лось (46,7%), затем следовали кабан (25,1%), зубр (17,0%), значительно реже жертвой охотников оказывался олень благородный (8,5%), еще реже — косуля (1,9%).

В раскопе Давид-Городка собраны остатки 84 особей домашних (из них 69 — мясных) животных и 59 (из них 35 — копытных) диких животных. Из пяти видов диких копытных под выстрел чаще всего попадали лось (37,1%) и кабан (22,9%), реже олень благородный (17,1%), зубр (11,4%) и косуля (11,4%). Суммарное количество особей этих видов составляло 33,6% от общего числа мясных копытных обеих групп. Мяса от них получено 73,3%.

Удельный вес охоты (% добытых животных от общего числа обеих групп) на мясных копытных в Турове был невелик — 22,1%. Объем добычи каждого из пяти видов распределялся следующим образом: зубр, олень, лось — по 14,3%, косуля и кабан — по 28,6%. Мяса от этих животных было получено около половины (45,9%) его количества, которое дали обе группы мясных копытных.

Изучение очень небольшого костного материала из Каменца (42 кости, 17 особей) дало следующие цифры: пять видов диких копытных (зубр, лось, олень, косуля, кабан) составляли 40% от общего числа мясных копытных, мяса от них получено 70%. В древнем Клецке соотношение приблизительно такое же: удельный вес охоты на мясных копытных — 44%, относительное количество мяса — 75%. Следовательно, самой небольшой по объему была охота на копытных в Турове, несколько интенсивнее она велась в Бресте и Пинске. В Каменце и Клецке 3/4 количества потребляемого жителями мяса приходилось на диких копытных.

Об охоте в восточной и юго-восточной части Беларуси в средние века можно судить по костным материалам из раскопов древних Гомеля, Чечерска, Славгорода, Кричева. Раскопки произведены М. А. Ткачевым. Результаты изучения костного материала публикуются впервые.

Количество охотничьих копытных, использованных жителями Гомеля, составило 33,9%, их мясо в рационе — в среднем 60% (58—62%). Среди охотничьей добычи первое место занимал лось (36,3%), второе — кабан (21%), значительно меньше добывалось косуль (13,2%) и зубров (7,9%). Оленя в числе охотничьей добычи нет.

Обитателями Чечерска (X—XIII вв.) охотничьих копытных потреблялось относительно меньше (21,4%), чем жителями Гомеля. Наибольшее число из добытых животных приходилось на лося (70%), 20% — на кабана дикого, 6,6% — на зубра, 3,3% — на косылу. Благородного оленя среди охотничьих трофеев нет. Около 60% мяса в рационе населения города составляло мясо диких копытных.

Обитатели древнего Славгорода охотились на таких мясных копытных, как лось (50%), кабан (33,3%), косуля (16,7%), составивших 13,4% от числа домашних и диких копытных и давших жителям города 30% потребленного ими мяса.

Относительное количество использованных в пищу диких мясных копытных в древнем Кричеве (замок) было очень невелико (13,3%). Однако мясо их в мясном рационе жителей составляло одну треть (35,3%). Основными жертвами охотников становились лоси (44,0%), кабаны (32,0%). Более редкой добычей были зубры (8,0%), олени благородные (8,0%), косули (8,0%).

Следовательно, в восточной части Беларуси роль охоты в снабжении мясом средневекового населения на разной территории была неодинаково-

ва: в Гомеле и Чечерске охота давала 60% мяса, в Славгороде и Кричеве — 30—35%.

Таким образом, от 30 до 90% мяса, потреблявшегося обитателями городов и поселений, давали охотничьи копытные. Это позволяет сделать вывод о том, что охота на всей территории Беларуси в X—XIV вв. представляла важную отрасль хозяйства в снабжении населения мясом млекопитающих.

¹ Щеглова В. В. К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии (Доклады к конференции по археологии Белоруссии), Мн., 1969. С. 410, 411 (табл. 3).

² Щеглова В. В., Зверуго Я. Г. Соотношение между домашними и дикими животными в древнем Волковыске // Тез. докл. к конфер. по археол. Белоруссии. Мн., 1969. С. 212—214.

³ Цалкин В. И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // БМОИП. Отд. биол. Т. 55(1). 1960. С. 119; Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966. С. 32.

⁴ Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России // Зап. о-ва с.-х. Ю. России. Т. 86. Кн. 1. Одесса, 1916. С. 49.

⁵ Калантар А. А., Озеров А. В. Белорусский скот // Новая деревня. М., 1928. С. 19 (табл. 7); Кломенчич Е. О. Полесский скот по данным Новозыбковской сельскохозяйственной опытной станции. Новозыбков, 1927. С. 6; Пелехаў М. М., Свіршчэўскі В. М. Матэрыялы экспедыцыі па вывучэнню буйной рагатай жывёлы сялянскіх гаспадарак Менскай і Віцебскай акруг БССР у 1928 годзе // Працы Бел. н.-дасл. ін-та сельск. і лясн. гаспадаркі. Т. 28. Вып. 2. Мн., 1929 (табл. 13).

⁶ Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси // Матер. и иссл. по арх. СССР. 1956. № 51. С. 48.

⁷ Гавриленко О. Е. Характеристика животных, записанных в 7-й том Госплемкниги // Госплемкнига. Т. 7. 1970. С. 14, 15.

⁸ Ellenberger-Baum. Handbuch der Vergleichende Anatomie der Haustiere. Berlin, 1943. S. 336.

⁹ Цалкин В. И. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА СССР. М., 1962. № 107. С. 10.

¹⁰ Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. С. 28.

¹¹ Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. С. 32.

¹² Тимченко Н. Г. История охоты и животноводства Киевской Руси. Киев, 1972. С. 108.

¹³ Зубкова Д. П. Совершенствование черно-пестрых свиней в Минской области // Науч. труды Бел. ин-та животнов. Мн., 1958. Т. 1. С. 146 (табл. 1).

¹⁴ Соколов И. И. Копытные звери // Фауна СССР. Млекопитающие. Вып. 9. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 569.

¹⁵ Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно // МИА СССР. 1954. № 41. С. 228.

¹⁶ Бибикова В. И. О некоторых биологических особенностях первобытного зубра // БМОИП. Отд. биол. Т. 55. Вып. 5. 1950 (табл. 5).

¹⁷ Соколов И. И. Копытные звери. С. 236.

¹⁸ Сержанин И. Н. Млекопитающие Белоруссии. Мн., 1961. С. 217.

¹⁹ Godinski S. Okreslanie wyso-cosci jeleni na podstawie cosci srodrecza i Srstostia. Roc. Wys. Poln. w Pozn., 1965, 25.

²⁰ Сержанин И. Н. Млекопитающие Белоруссии. С. 233.

²¹ Соколов И. И. Копытные звери. С. 74.

²² Сержанин И. Н. Млекопитающие Белоруссии. С. 240.

²³ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 53.

²⁴ Щеглова В. В., Зверуго Я. Г. Соотношение между домашними и дикими животными в древнем Волковыске // Тез. докл. к конф. по археол. Белоруссии. Мн., 1969 (табл. 1).

²⁵ Там же (табл. 1).

²⁶ Щеглова В. В. Некоторые данные о фауне древнего Слонома // Тез. докл. к конф. по археол. Белоруссии. Мн., 1969 (табл. 2).

²⁷ Гуревич Ф. Д. Сельское хозяйство и промыслы Новогрудка // КСИА. 1965. № 104. С. 80.

²⁸ Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно. С. 225—230.

Матэрыяльная
культура
помнікаў
IX-XVIII стст.

КЛАДЫ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ IX—XIII вв.
(топография и общая характеристика)

Клады — своеобразный и интересный вид вещественных источников. Особое значение имеют сокровища, обнаруженные при археологических раскопках, когда они могут быть рассмотрены в комплексе с синхронными археологическими материалами. Клады дают возможность изучить самые разнообразные стороны истории, экономики, культуры населения, проживавшего в средние века на территории Беларуси, во время формирования белорусского народа.

Одним из крупных раннесредневековых княжеств-государств на территории Беларуси была Полоцкая земля. Она занимала территорию северной части современной Республики Беларусь. Западная Двина, на которой находятся города Полоцк и Витебск, служила ответвлением крупнейшей водной коммуникации Киевской Руси — «пути из варяг в греки». Полоцкая земля имела густую сеть рек и, кроме того, занимала географический район (Белорусское Поозерье), насыщенный системами озер, удобных для использования в качестве водных торговых путей.

Верховья Западной Двины находятся недалеко от верховьев Волги и Оки. Волжский путь — важное торговое направление, по которому на территорию Руси поступало восточное серебро. В исторической литературе утвердилась мысль о значении Итиля в устье Волги, служившего крупным транзитным центром торгового пути, по которому арабские монеты — дирхемы поступали в Восточную Европу¹. В. Л. Янин ошибочно подверг этот вывод сомнению². В начале IX в. Балтийско-Каспийский путь проходил по Неве—Волхову—Волге. Во второй трети IX в. использовался путь по Западной Двине — Волге, что подтверждают нумизматические данные³.

В общих работах, где систематизируются клады Древней Руси, обычно отводится местокладам Полоцкой земли. В публикации А. К. Маркова имеются сведения окладах восточных монет, выявленных до 1910 г.⁴ Количество кладов, обнаруженных за последние 60—70 лет, увеличилось на территории Полоцкой земли в три раза. Г. Ф. Корзухина кладам Полоцкой земли посвятила особый раздел, в котором рассмотрено пять находок XI в., включая вещевой клад из д. Шалахова (бывший Невельский уезд). Она уделяла особое внимание вещевой части кладов, материалы о которых опубликованы, что делает информацию более полной. По ее наблюдениям, клады, зарытые в Полоцкой и Новгородской землях во второй половине XI в., составляют половину кладов всех земель Руси того времени. Исследователь объясняет это явление военной деятельностью полоцкого князя Всеслава против Новгорода и борьбой с ним Владимира Мономаха⁵, с чем можно согласиться.

Л. В. Алексеев упоминает об 11кладах⁶. Согласно предложенной им реконструкции границ княжеств, место расположения клада возле д. Шалахова находится за территорией Полоцкого княжества, на пограничье с Новгородской землей севернее Еменца⁷.

Большую работу по составлению топографии западноевропейских

монет в Восточной Европе провел В. М. Потин. В ней имеются отдельные упущения, как следует из опубликованных замечаний Т. В. Равдиной⁸. В. М. Потиным находки распределены по землям-княжествам и одновременно по бассейнам рек, что делает топографию более надежной. Однако из-за имеющихся трудностей и расхождений исследователей в определении границ княжеств картографирование находок по княжествам не лишено погрешностей и спорных моментов. В. М. Потин обозначил клады из деревень Поречье (находка № 303) и Прусиничи (№ 303-1) Толочинского района на территории Смоленской земли⁹. По мнению автора, их следует относить к Полоцкой земле.

Многое сделал В. Н. Рябцевич, чтобы собрать воедино нумизматический материал из Беларуси и тем самым положить начало систематизированному своду всех кладов и отдельных монет¹⁰. В первом издании своей книги он опубликовал карты кладов и единичных монет IX—XI вв.¹¹, которые значительно обесценены из-за отсутствия названий населенных пунктов, где обнаружены находки. Во втором издании книги

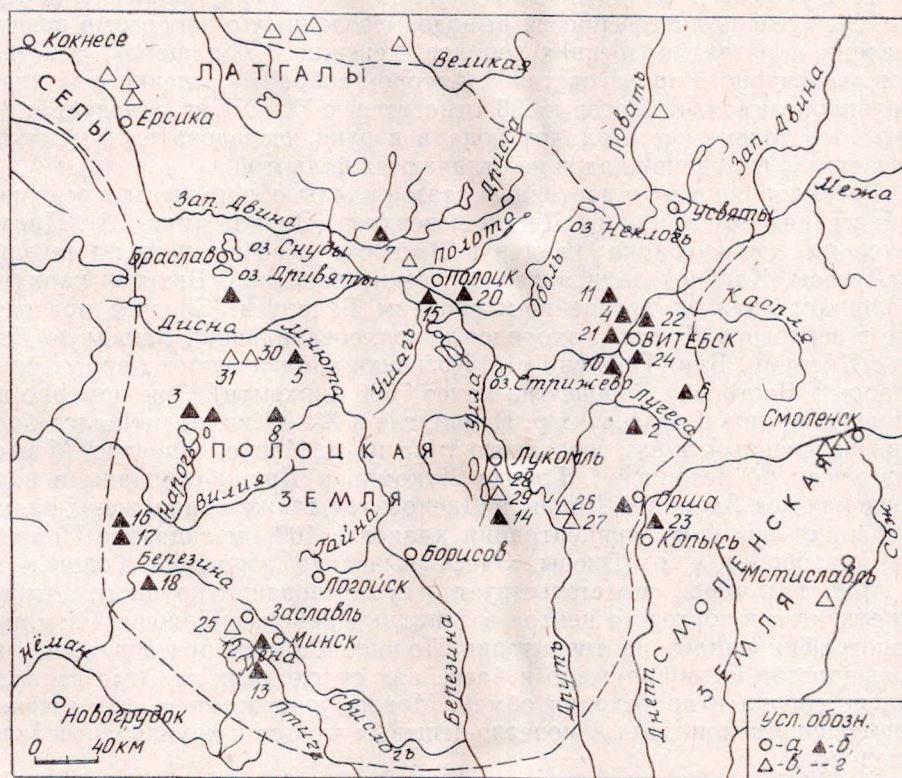

Рис. 28. Карта кладов на территории Полоцкой земли: а — древние города; б — клады дирхемов; в — клады с западноевропейскими монетами. Местонахождение кладов дирхемов: 1 — Орша; 2 — Богушевск; 3 — Антонизберг; 4 — Витебск (1); 5 — Плиса; 6 — Добрино; 7 — Ахремцы; 8 — Поречье; 9 — Симаны; 10 — Лучеса; 11 — Богомолец; 12 — Гуттен-Чапский (Станьково?); 13 — Ленковщина; 14 — Красновинка; 15 — Козьянки; 16 — Раковцы (1); 17 — Раковцы (2); 18 — Погорельщина; 19 — Красное; 20 — Струк; 21 — Витебск (2); 22 — Витебск (3); 23 — Застенок; 24 — Суходрово. Клады с западноевропейскими монетами: 25 — Новый Двор; 26 — Прусиничи; 27 — Поречье; 28 — Стражевичи (1); 29 — Стражевичи (2); 30 — Горовляне (1); 31 — Горовляне (2); 32 — Полоцк

помещена одна сводная карта всех кладов Беларуси, также «немая», пользование которой практически невозможно¹².

Существенное значение имеют сведения о кладах, найденных в Восточной Прибалтике, особенно на территории Латвии по нижнему течению Западной Двины (Даугавы). Эти данные обстоятельно изложены в монографиях З. С. Мугуревича¹³, В. А. Уртана¹⁴, Т. М. Берга¹⁵.

Т. В. Равдина составила каталог монет, найденных в погребениях X—XI вв., где помещены сведения о находках из курганных могильников Полоцкой земли (Багриново, Богдановское озеро, Ведец, Заславль, Игуменский уезд, Новоселки, Поречье, Путилковичи, Слободка, Черневичи, Шо)¹⁶. Эти монеты использовались в качестве женских украшений. Требуется составление каталога монетных находок из городищ и селищ IX—XIII вв. всей территории Беларуси. Такие сведения могут иметь значение для изучения истории денежного обращения.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы уточнить сведения о количестве кладов Полоцкой земли, их топографии и дать общую характеристику. Имеются в виду все виды кладов — как монетные, так и монетно-вещевые. От точности и полноты исходных данных о кладах зависит степень достоверности выводов, связанных с вопросами возникновения и развития древних городов, денежного обращения, торговли и мелкотоварного производства¹⁷. Автором собраны сведения о 41 кладе Полоцкой земли, из которых 38 относятся к IX—XI вв. Следует отметить, что только часть кладов попала в руки исследователей целиком. Сведения о половине кладов не отличаются полнотой.

Рассматриваемые в настоящей статье клады обнаружены в основном в бассейнах рек Западной Двины и верхнего Днепра (рис. 28). Примечательна концентрация кладов в Витебске и возле него по течению р. Лучесы. Как показали археологические раскопки, Витебск наряду с Полоцком являлся древнейшим городом Беларуси. Следует полагать, что в верховьях Лучесы находился волок, соединяющий Западную Двину с Днепром. Близ Полоцка у д. Козьянки найден один из крупнейших кладов в Восточной Европе (не менее 7600 дирхемов). Закономерно появление кладов в верховьях р. Птичи, где в X—XI вв. размещался большой населенный пункт городского типа на р. Менке, вероятно, Меньск, известный по летописи¹⁸. Города Лукомль и Друцк основаны в водоразделах рек Западной Двины и Днепра, где также обнаружены клады. Обращает внимание концентрация кладов в 100 км западнее Полоцка на правом берегу р. Дисны. Здесь выявлено городище Городец на р. Мнюта, которое свидетельствует о существовании крупного административного и торгового центра в западных районах Полоцкой земли¹⁹. Топография кладов на территории Полоцкой земли подтверждает, что большинство их обнаружено в бассейнах судоходных рек, где располагались города и происходил обмен. Можно утверждать о связи между размещением монетных и монетно-вещевых кладов и крупных поселений и городов.

Полностью отрицать наличие дальней транзитной торговли в IX—X вв. по крупным речным магистралям Восточной Европы нельзя. Однако ошибочно оценивать роль Руси только как территорию, через которую осуществлялся транзит серебра из мусульманского Востока в Прибалтику, Скандинавию, и интерпретировать все клады как ценности, случайно зарытые воинами или купцами, провозившими чеканное серебро через ее территорию²⁰. На Руси существовала своя потребность в куфических монетах. Клады, по-видимому, отражают особенности местного денежного обращения.

В 27 кладках (четыре из них — в Добрине, Поречье, Погорельщине, Суходрове — монетно-вещевые) из Полоцкой земли монеты представлены только дирхемами (табл. 1). Эти кладки имеют обычный состав, характерный для монетного обращения Восточной Европы IX—X вв.

Детальное исследование позволило Р. Р. Фасмеру констатировать четыре периода обращения дирхемов в Восточной Европе, что явилось крупным достижением нумизматики²¹. С некоторыми уточнениями для территории Беларуси, сделанными В. Н. Рябцевичем, эта периодизация выглядит следующим образом: 1) кладки куфических монет с начала IX в. до 833 г.; 2) с 833 по 900 г.; 3) с 900 по 938 г.; 4) с 936 г. до второй половины 980-х годов²².

Основными работами, в которых содержатся сведения о кладках дирхемов на территории Полоцкой земли, являются публикации А. К. Маркова²³, П. Г. Любомирова²⁴, В. Н. Рябцевича²⁵. Новые данные, имеющие значительную важность, опубликованы В. Н. Рябцевичем и А. А. Стукановым²⁶.

В кладках первого периода большую часть составляют монеты Омейядов и Аббасидов, чеканенные в североафриканских городах Халифата. Характерна небольшая группа серебряных драхм иранских царей из династии Сасанидов V—VII вв. В кладке из Орши, наиболее ранней на территории Полоцкой земли, кроме указанных были монеты испанских Омейядов и Идрисидов. Этот клад обозначен в работе А. К. Маркова как находка из Могилевской губернии под двумя номерами. Клады второго периода содержат дирхеми Омейядов и Аббасидов, но большинство их чеканено в Азии. Продолжают встречаться монеты Идрисидов (клад Симоны). Иногда находят дирхеми Тахиридов (Ахремцы).

Клады третьего периода отличаются резким сокращением монет Омейядов и Аббасидов, преобладают монеты среднеазиатских эмиров Саманидов, чеканенные в Самарканде, Шаше, Бухаре. В обращении продолжают встречаться монеты Тахиридов и появляются монеты Саффаридов (Лецковщина). Наконец, кладки четвертого периода сохраняют преобладание саманидских монет с примесью дирхемов Саффаридов, Бувейхидов, Зияридов, Хамданидов и Салларидов (Красное).

Чеканка серебряной монеты в странах арабского Востока прекратилась в начале XI в. Мелкотоварное производство требовало нового серебра, и в Киевской Руси отмечается его импорт из Западной Европы. Согласно наблюдениям В. М. Потина, в XI в. наибольшее количество западноевропейских денариев поступало в Новгородскую землю, где обнаружены 45 кладок и 83 отдельные находки, затем следует Полоцкая земля — семь кладок и пять отдельных находок. К ним В. М. Потин добавляет находки с территории княжеств Кукенойс и Герсике, находившихся в вассальной зависимости от Полоцка, — шесть кладок и три отдельные находки²⁷.

Значительное количество находок денариев в Новгородской и Полоцкой землях объясняется тем, что эти земли находились на путях передвижения серебра от мест его добычи в Западной Европе к местам потребления в Древней Руси. Клады с денариями составляли вторую группу находок из Полоцкой земли (табл. 2). На территории Полоцкой земли их зарегистрировано десять (1047 денариев). Сведения о кладках этой группы имеются в обобщающих работах и публикациях А. К. Маркова, Е. Р. Романова, Г. Ф. Корзухиной, В. М. Потина, В. Н. Рябцевича, М. П. Белямука (Полацак. 1992. № 8—10).

В девяти таких кладках были восточные монеты и лишь в одном, обнаруженном в Сенненском районе на Витебщине в 1957 г., возможно,

Таблица 1. Клады дирхемов на территории Полоцкой земли

Место клада	№ на карте	Год обнаружения	Количество монет	«Младшая» монета (год)	Основная литература
Орша	1	1822	1330	815	Марков А. К., 1910
Богушевск	2	1958	5	822/31	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Антонизберг	3	1967	9	823/24	»
Витебск (I)	4	1964	2	823/24	»
Плиса	5	1962	2	834	»
Добрино	6	1962	527	841/42	Рябцевич В. Н., 1965
Ахремцы	7	1888	24	852/53	Марков А. К., 1910
Поречье	8	1960	45	853/54	Рябцевич В. Н., 1965
Симаны	9	1961	125	853/54	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Лучеса	10	до 1917	2	862	Марков А. К., 1910
Богомолец	11	1821	19	862/66	»
Гуттен-Чапский	12	1894	2	904	Марков А. К., 1910; Любомиров П. Г., 1923
Витебский у.		1880	10	906	Марков А. К., 1910
Ленковщина	13	1894	502	911	Любомиров П. Г., 1923
Миорский р-н		1965	1	до 943	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Дриссенский р-н		1867	135	943/44	Марков А. К., 1910
Красновинка	14	1961	2	946/47	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Козьянки	15	1973	7588	940-е	»
Раковцы (I)	16	1971	827	952/53	»
Раковцы (II)	17	1987			
Погорельщина	18	1955	1901	960-е	Рябцевич В. Н., 1977
Красное	19	1896	300	986/87	Марков А. К., 1910
Струк	20	до 1917		IX—X вв.	»
Витебск (II)	21	1822	15		»
Витебск (III)	22	1950			Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Витебский р-н		1956	2		»
Застенок	23	1901	1200		Россия. Т. 9. 1905
Суходрово	24	1870-е			Корзухина Г. Ф., 1954
Всего			14155		

не было дирхемов, но об этом трудно судить, поскольку из клада сохранилось только пять западноевропейских денариев.

Среди восточных монет этих кладов преобладают дирхемы Саманидов, Бувейхидов и Зияридов. В кладах начала XI в. большую часть составляют дирхемы (Прусиничи, Горовляне II), но уже к середине XI в. западноевропейские монеты в количественном отношении значительно превосходят дирхемы (Поречье, Стражевичи I, II). Полоцкий клад, найденный в 1910 г., относящийся к 70-м годам XI в., содержал лишь несколько обломков куфических монет.

Из западноевропейских монет количественно преобладают германские, обнаруженные почти во всех кладах (за исключением Горовляне II), — более 658. За ними следуют английские монеты — свыше 153. Известно примерно 25 датских монет. Восемь французских монет было в кладах, обнаруженных у д. Новый Двор в верховьях р. Птичи. Единичные экземпляры чешских монет содержались в кладах из Горовлян I, II, Нового Двора и Полоцка. Вендки (3 экз.) выявлены в кладах деревень Новый Двор и Стражевичи I, две венгерские монеты — в Полоцком кладах. Византийские монеты (3 экз.) зафиксированы в кладах, обнару-

Т а б л и ц а 2. Клады с западноевропейскими монетами

Место клада	№ на карте	Год обнаружения	Количество монет		Время зарытия	Основная литература
			дирхемы	денарии		
Новый Двор	25	1871	276	92	1000 г.	Марков А., 1910
Прусиничи	26	1961	161	9	1005 г.	Потин В. М., 1967
Витебский р-н		1969	1	1	1016 г.	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Поречье	27	1886	145	167	1035 г.	Потин В. М., 1967
Стражевичи (I)	28	1898	48	159	1040 г.	Корзухина Г. Ф., 1954
Стражевичи (II)	29	1903	46	273	1045 г.	»
Горовляне (I)	30	1965	220	185	XI в.	Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А., 1973
Горовляне (II)	31	1965	134	1	XI в.	»
Полоцк	32	1910		155	1070 г.	Корзухина Г. Ф., 1954; Штыхов Г. В., 1975
Сенненский р-н		1957		5	XI в.	Потин В. М., 1967
Всего			1061	1047		

женных в деревнях Новый Двор и Поречье. Из последнего клада известен обломок сребреника Владимира Святославича.

Необходимо отметить, что шесть из десяти кладов были монетно-вещевыми (Горовляне I, II, Поречье, Стражевичи I, II, Полоцк), при этом в четырех из них находились серебряные слитки. В Полоцком кладе восемь трапецевидных пластин оказались оловянными²⁸.

В 1984 г. в Полоцке на Нижнем замке случайно найден клад, в котором содержалось шесть изделий, сделанных из чистого золота, среди которых есть кованые браслеты и обломок шейной гривны²⁹. Общий вес изделий 334 г. При всех возможных предположениях обстоятельств и времени зарытия клада в Полоцке его датировка не может выходить за пределы X — первой половины XI в. Некоторой аналогией ему является клад второй половины X в., найденный в Киеве в 1913 г.³⁰

Во второй половине XI—XIII в. в безмонетный период в обращении на территории Беларуси в качестве средства крупных платежей употреблялись денежные слитки³¹. Крупный клад, вероятно, XIII в., содержащий 24 целых и 7 обломанных платежных слитков, обнаружен в 1902 г. близ д. Слободка между Минском и Логойском. В кладе были «белорусские» (вес 100—105 г) и «новгородские» (200 г) слитки³². На одном слитке надпись «петрова».

На территории Восточной Европы Г. Ф. Федоров картографировал 56 кладов, содержащих, по его мнению, «литовские слитки», к которым он относит и слитки Полоцкого клада 1910 г.³³ М. П. Сотникова справедливо оспаривает отнесение к «литовским» всех разнородных слитков в указанных кладах³⁴. Название «слитки западнорусского или литовского типа» предложено Н. П. Бауэром для серебряных палочек весом около 100 г, длиной 10—17 см. В. М. Неклюдов приводил доводы в пользу наименования их «изроями». Изрой постоянно упоминаются в грамоте рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу в конце XIII в.³⁵ и свидетельствуют об особенностях денежного обращения в Полоцкой земле. Слитками-изроями платили за товар, который закупался в большом количестве. В крупным города Полоцкой земли наблюдаются основные принципы городской оптовой торговли³⁶.

Некоторые исследователи настойчиво утверждают, что роль разменной монеты выполняли шкурки пушного зверя, к которым прикреплялись свинцовые пломбы³⁷. Пломбы найдены в городах Полоцкой земли: в Витебске — пять, Полоцке — одна, Минске — одна, в Друцке — одна³⁸.

В Беларуси найдено более двух десятков гирек в восьми пунктах и несколько фрагментов весов (коромысло и чашечки) в четырех пунктах. Гирьки и весы обнаружены как при раскопках городов (Полоцк, Друцк) и городищ, так и в погребениях. Представляет интерес обнаружение в кургане X—XI вв. возле д. Дроздово (Толочинский район) набора из шести весовых гирек и чашечки от весов³⁹. Сопоставление веса гирек с весом дирхемов и денариев позволяет предполагать, что на территории северо-восточной Беларуси существовали свои денежные единицы, «переходные» от новгородской системы к так называемой «литовской»⁴⁰. Возможно, в XIII—XIV вв. здесь формировалась своя денежно-весовая система. Таков неожиданный и многообещающий итог исследования гирек — одной из категорий археологических находок из Беларуси.

Клады Полоцкой земли, насчитывающие многие тысячи монет, представляют собой значительный потенциал для науки, который еще предстоит реализовать. Существенным элементом изучения кладов должно явиться повторное обследование мест находок и проведение там археологических раскопок с целью установления наличия или отсутствия признаков поселений.

¹ Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930. С. 233; Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111.

² Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 79, 87; и др.

³ Свердлов М. Б. Транзитные пути в Восточной Европе IX—XI вв. // Известия Всесоюзного географического общества. 1969. Вып. 6. С. 101.

⁴ Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 1—3, 23—26, 136—139.

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 38 (клады № 45—49).

⁶ Алексеев Л. В. Полоцкая земля. Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966. С. 102, 104.

⁷ Алексеев Л. В. Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель в IX—XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 23—29 (рис. 1).

⁸ Равдина Т. В. Археологические замечания к нумизматическим работам // СА. 1975. № 1. С. 316—329.

⁹ Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. 1967. Вып. 9.

¹⁰ Рябцевич В. Н. Топография монетных кладов на территории Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965.

¹¹ Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1968. С. 18, 24.

¹² Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1977. С. 42.

¹³ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 22.

¹⁴ Urtans V. Senākie depoziti Latvija. Riga, 1977.

¹⁵ Бергс Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX—XII вв. Рига, 1988. С. 28—39.

¹⁶ Равдина Т. В. Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.

¹⁷ Белорусская археология. Мн., 1987. С. 80—110; Археология Белоруссии: Библиогр. указатель (1932—1975). Мн., 1988.

¹⁸ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978. С. 63—72.

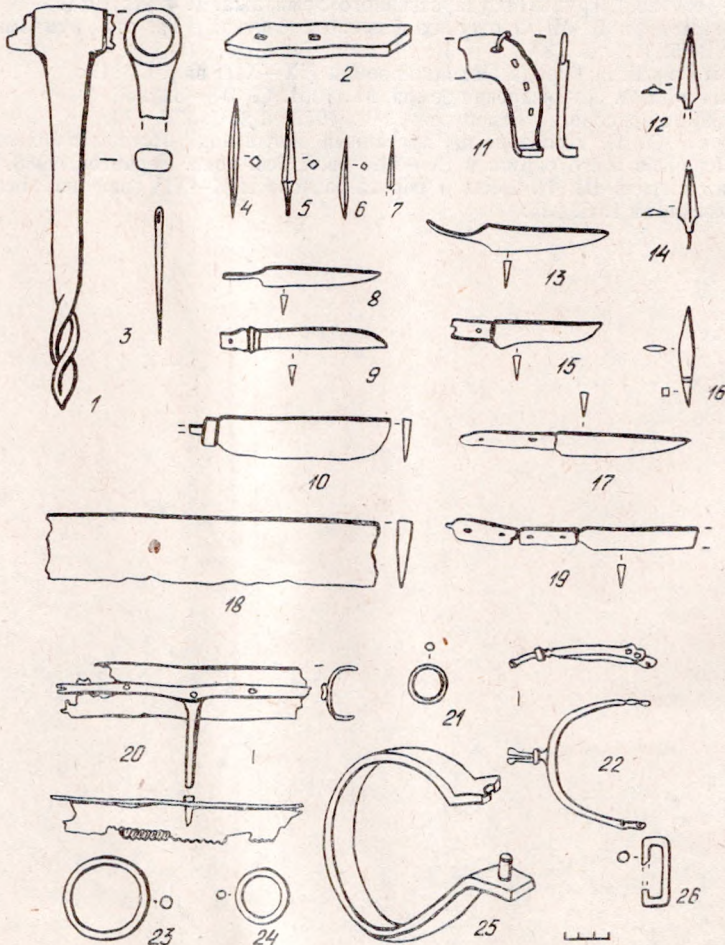
¹⁹ Штыхаў Г. В. Гарадзішча Гарадзец на рацэ Мнюта // Помнікі культуры: Новаы адкрыцці. Мн., 1985. С. 170, 172.

- ²⁰ Фомин А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX—X вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 14. Л., 1983. С. 81.
- ²¹ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // *Известия АН СССР. Сер. обществ. наук*. 1933. № 6—7. С. 473—484.
- ²² Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. Мн., 1977. С. 56—57.
- ²³ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). // *Любомиров П. Г. Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII—IX вв.*
- ²⁴ Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской обл. // *Нумизматика и эпиграфика*. 1965. Т. 5. С. 121—127.
- ²⁶ Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты Арабскага Халіфата на тэрыторыі Беларусі // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1973. № 4. С. 33—39.
- ²⁷ Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв.: Историко-нумизматич. очерк. Л., 1968. С. 47.
- ²⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 109 (рис. 56, 24—26).
- ²⁹ Штыхаў Г. З часоў Рагнеды // *Беларусь*. 1985. № 2.
- ³⁰ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. С. 83, клад № 13.
- ³¹ Рябцевич В. Н. Нумизматика // *Историческое краеведение Белоруссии*. Мн., 1980. С. 182.
- ³² Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 15.
- ³³ Федоров Г. Е. Топография кладов с литовскими слитками и монетами // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры*. 1949. Т. 39. С. 64.
- ³⁴ Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платежных слитков Великого Новгорода XII—XV вв. // *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 4. Л., 1961.
- ³⁵ Неклюдов В. М. О русских денежных слитках // *Тр. отд. нумизматики Гос. Эрмитажа*. 1945. Т. 1. С. 139.
- ³⁶ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). С. 117.
- ³⁷ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 318—323.
- ³⁸ Очерки по археологии Белоруссии. Мн., 1972, ч. 2. С. 172, 173.
- ³⁹ Левко О. Н. Дроздовский курганный могильник // *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»: Тез. докл. Чернигов, 1988*. С. 79.
- ⁴⁰ Бектинеев Ш. И. Весы и гирьки-разновесы X—XIV вв. из Белоруссии // *Сов. археология*. № 1. С. 235.

Г. М. Сагановіч

КАВАЛЬСКА-СЛЯСАРСКІЯ ВЫРАБЫ
З РАСКОПАК КРЭЎСКАГА ЗАМКА

Летам 1985 г. сумесная экспедыцыя аддзела археалогіі «Белрэстаўрацыя», Гродзенскага універсітэта і Інстытута гісторыі АН Беларусі пад кіраўніцтвам М. А. Ткачова і А. А. Трусава правяла даследаванне Крэўскага замка (Смаргонскі раён Гродзенскай вобласці). Ускрыта каля 250 м² плошчы культурнага слоя ў двары замка. Пад час раскопак сабраны багатыя калекцыі керамічных, шкляных і металічных вырабаў XIV—XVIII стст. Апошняя налічвае 106 рэчаў у асноўным з жалеза (без уліку цвікоў і манет). Гэта інструменты рамеснікаў, вырабы гаспадарча-бытавога прызначэння, скабянка, прыналежнасці касцюма, рыштунку вершніка і верхавога каня, а таксама ўзбраення¹.

Мал. 29. Інструменты, нажы, зброя, рыштунак вершніка і каня

Знойдзеныя інструменты прадстаўлены спіральным свердлам (мал. 29 : 1), вялікай іголкай (мал. 29 : 3) і чатырма шыламі (мал. 29 : 4—7). Агульная даўжыня свердла 29 см, яго рабочай часткі — 8,5 см пры дыяметры 2,3 см. Унутраны дыяметр утулкі блізкі да 2,8 см. У ёй захаваліся рэшткі драўлянай ручкі. Свердзел знойдзены разам з керамікай XVII ст., што дае падставу датаваць яго гэтым часам. Іголка, мяркуючы па яе памерах (даўжыня 9,7 см, найбольшая таўшчыня 0,35 см) і шырокаму вушку, магла належаць рымару. Яна зроблена з нейкага сталістага сплаву. Усе шылы чатырохгранныя ў сячэнні. Даўжыня іх вагаецца ад 6,5 да 10 см. Толькі ў аднаго чаранок выразна аддзяляецца ад рабочай часткі (мал. 29 : 5), у астатніх жа пераходам з'яўляецца максімальнае патаўшчэнне стрыжня. Падобныя шылы вядомы з раскопак у Гродне² і Пскове³. Не выключана, аднак, што шыла з чаранком у сапраўднасці магло быць наканечнікам стралы.

Прамавугольная жалезная пласціна даўжынёй 12, шырынёй 2,6 і таўшчынёй 0,8—0,9 см з дзвюма адтулінамі прамавугольнай формы (мал. 29 : 2), магчыма, з'яўляецца цвікарняй. У месцах адтулін яна прыкметна сплюснута, хутчэй за ўсё раскляпана молатам.

Калекцыя нажоў налічвае восем цэлых, восем лёзаў без ручак і чатыры адламаныя ручкі. Керамічныя матэрыялы, знаходкі манет і стратыграфія дазваляюць храналагічна лакалізаваць большасць сабраных нажоў. Стратыграфічна вылучаюцца гарызонты XIV—XV і XVI—XVII стст. Да першага можна аднесці толькі адзін чаранковы нож з клінападобным у сячэнні лязом і прамой спінкай, вастрыё якога закругляецца знізу (мал. 29 : 8). Астатнія знаходкі гэтай катэгорыі былі сканцэнтраваны ў верхнім гарызонце. Сярод іх чатыры чаранковыя нажы і сем з накладнымі ручкамі (захаваліся дзве касцяныя і адна драўляная рукаця, прымацаваныя дзвюма-чатырма заклёпкамі). Лёзы гэтых нажоў маюць прамыя спінкі, вастрыі іх завяршаюцца сіметрычна ці авальна закругляюцца знізу (мал. 29 : 10, 13, 15, 17), толькі ў аднаго — зверху ўніз (мал. 29 : 9). Шырыня лёзаў не перавышае 1,5—2 см, даўжыня — 8—12 см. Па памерах і асаблівасцях канструкцыі гэтых нажоў бачна, што ўсе яны мелі ўніверсальна-бытавое прызначэнне. Падобныя знаходкі шырока прадстаўлены ў матэрыялах раскопак гарадоў Беларусі⁴ і сумежных тэрыторый⁵.

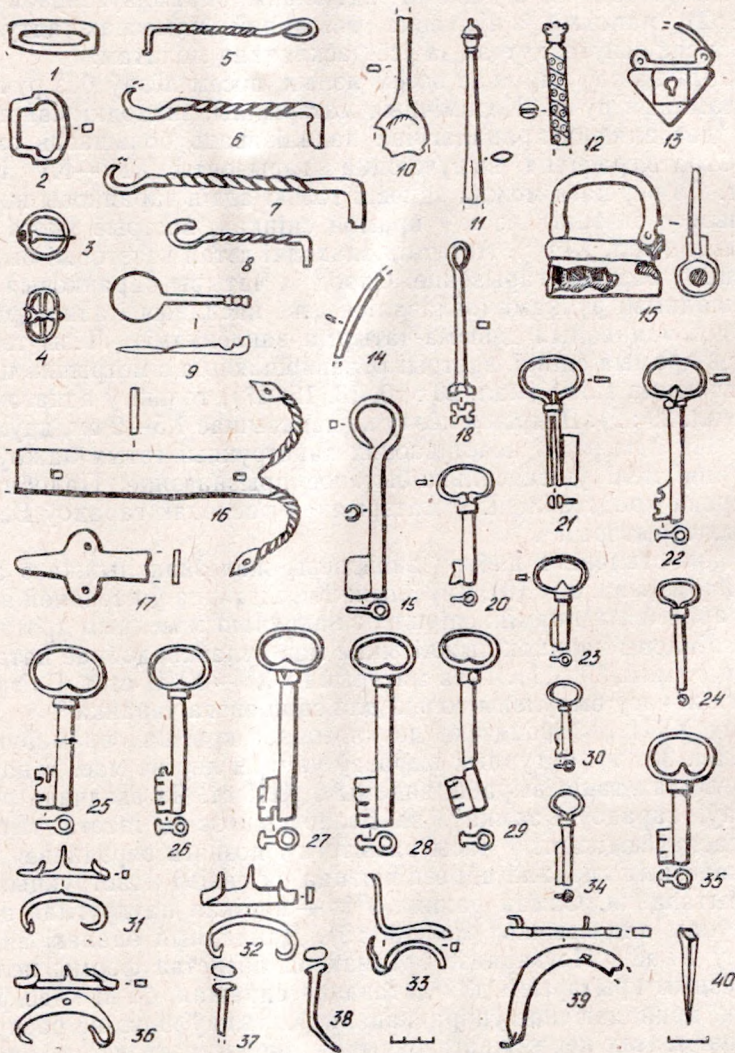
З кухонна-сталовага набору знойдзены жалезная ложка з абламаным чаранком (мал. 30 : 10), цаўё лыжкі ці відэльца ў касцяной аправе з вочкавым арнамантам паміж спіральна накручаным медным дротам (мал. 30 : 12) і свінцовы чаранок лыжкі, якая мае булавападобнае патаўшчэнне на канцы (мал. 30 : 11). Гэта матэрыялы XV—XVII стст. Блізкія аналагі такога ж часу выяўлены толькі для свінцовага чаранка⁶.

У сляях XVII ст. знойдзена двухлязовае крэсіва прамавугольнай формы (мал. 30 : 1). Фігурных выразаў унутры яно не мае. У наўгародскіх матэрыялах такія вырабы вядомы з XIII ст. Як сведчаць раскопкі магільнікаў, гарадоў і замкаў, на Беларусі крэсівы гэтага тыпу былі шырока распаўсюджаны ў часы развітога і позняга сярэднявечча.

Тры жалезныя спражкі адрозніваюцца як сваімі канструкцыямі, так і часам бытавання. Самая ранняя з іх — вялікая паўкруглая з фігурным выступам для язычка (мал. 30 : 2). Дакладныя аналагі вядомы з раскопак у Рызе і Ноўгарадзе⁷. Аднак падабенства формы нельга лічыць сур'ёзным крытэрыем для датавання спражак, бо ні класіфікацыя апошніх, ні храналагічнае ўпарадкаванне іх тыпаў яшчэ не распрацаваны. Па фрагментах керамічнага начыння, знойдзенага побач, час бытавання гэтай спражкі можна вызначыць XIV—XV стст. Да XVI ст. адно-

сіцца спражка круглай формы з прамым доўгім язычком (мал. 30 : 3), да XVII—XVIII стст.— паўкруглая спражка складанай канструкцыі з раздвоеным язычком, падзеленай рамачкай на дзве часткі (мал. 30 : 4) (датаванне па стратыграфіі).

Абутковыя падкоўкі складаюць самую шматлікую катэгорыю металічных вырабаў, сабраных пад час даследавання замка (40 экзэмпляраў). Па асаблівасцях мацавання да абцаса можна выдзеліць тры групы падковок: трохшыпавыя (знойдзена 28), двухшыпавыя (4) і бясшыпавыя, якія мацаваліся цвікамі (8). Па форме папярочнага сячэння асновы таксама вылучаюцца тры групы падковок: з высокай асновай (пласцінка, выгнутая ў форме дугі), з квадратнай і з плоскай, раскляпанай гарызантальна. У верхніх сляях сабрана абсалютная большасць падковок, якія датуюцца керамікай XVI—XVII стст. Яны трохшыпныя, з квадратнай (мал. 30 : 31) ці пляскатай (мал. 30 : 36) асновай, памерамі 3,0—5,5×5,0—8,0 см (адпаведна шырыня і даўжыня). Да гарызонту

Мал. 30. Замочна-скабяння вырабы і бытавыя рэчы

XVII ст. адносіцца больш паловы такіх знаходак. Падобныя да іх па сваёй форме і канструкцыі яшчэ чатыры падкоўкі, якія вылучаюцца незвычайна вялікімі памерамі: шырыня вагаецца ад 9,0 да 12,0 см, даўжыня — каля 8,0 см (мал. 30 : 39). Яны былі выяўлены як сярод матэрыялаў XVIII ст., так і ў слоі XVII ст. З раскопак іншых гарадоў і замкаў Беларусі такія вялікія падкоўкі пакуль невядомы. У гарызонце канца XV—XVI ст. было выяўлена толькі пяць знаходак гэтай катэгорыі (пры зачыстцы мацерыка — ніводнай⁸). Сярод іх тры трохшыпавыя з выгнутай у форме дугі асновай-пласцінкай вышынёй ад 1,2 да 2,0 см і таўшчынёй 0,3—0,6 см (мал. 30 : 32) (падкоўкі такога ж тыпу з раскопак Мінска таксама аднесены да канца XV—XVI ст.⁹) і дзве двухшыпавыя з квадратнай у сячэнні асновай, памеры якіх 1,5×2,6 і 2,4×3,0 см (мал. 30 : 33). Апошнія падбіваліся пад абцасы жаночага абутку. Бяшчыпавыя падкоўкі трапляліся толькі ў позніх сляях (не раней XVIII ст.). Яны ўяўляюць сабой плаўна выгнутую, квадратную ў папярочным сячэнні дугу з адтулінамі для цвікоў.

Такім чынам, на падставе матэрыялаў з раскопак Крэўскага замка можна пераканацца, што ў канцы XV ст. абутковыя падкоўкі ўжо ўжываліся насельніцтвам мястэчак і прадстаўнікамі ваеннаслужылага са слоўя. Першым іх тыпам былі падкоўкі з высокай асновай-пласцінкай і трыма шыпамі па краях і сярэдзіне дугі. У XVII ст. пераважалі трохшыпавыя падкоўкі з пляскатай асновай, а ў наступным стагоддзі шыпы сталі замяняцца цвікамі. У цэлым гэта ж пацвярджаецца матэрыяламі з раскопак Лідскага і Мірскага замкаў, Мазыра, Мсціслава, Мінска, іншых гарадоў.

Другой па колькасці з'яўляецца калекцыя ключоў і замкоў. Сярод матэрыялаў XV ст. знойдзены ключ да цыліндрычнага навяснога замка тыпу Г (па класіфікацыі Б. А. Колчына¹⁰) — мал. 30 : 18, аналагічныя якому трапляліся пры раскопках Лідскага замка, Віцебска¹¹ і інш. Трубкавы ключ да нерухомага камбінаванага замка з драўлянай засаўкай адносіцца да XVII ст. (мал. 30 : 19). Ён зроблены з цэльнага кавалка жалезнай бляхі таўшчынёй 0,1—0,2 см. Бародка яго суцэльная, прамавугольная, стрыжань трубкавы, галоўка ўяўляе сабой замкнутае кальцо. Каля паўночна-заходняй сцяны замка, у гарызонце XVII ст., сярод праслоек попелу і вуголля знойдзена 13 ключоў адной звязкі (мал. 30 : 20—30, 34, 35). Сярод іх ключы як для навясных замкоў (малыя, даўжынёй да 7 см), так і для ўразных нерухомых (вялікія, даўжынёй 18—20 см). Стрыжні ўсіх ключоў звязкі пустацелья, бародкі іх прамавугольныя, маюць форму перавернутага літары Т у папярочным сячэнні. Аднолькавая канструкцыя і стыль выканання (адмысловая мастацкасець форм) даюць падставу меркаваць, што ўсе яны зроблены адным замкавым ці местачковым майстрам. У XVII ст. такія ключы былі распаўсюджаны на ўсёй тэрыторыі Беларусі. Аб гэтым сведчаць як частыя знаходкі ключоў з такой жа бародкай, так і накладкі для замкоў з ключавой адтулінай у выглядзе перавернутага літары Т, якія трапляліся пад час раскопак у Мсціславе, іншых гарадах.

Знойдзены два навясныя замкі: трохкутны, аналагічныя якому ў канцы XVI—XVII ст. ужываліся паўсюдна на тэрыторыі Беларусі, Прыбалтыкі і Польшчы¹² (мал. 30 : 13), і так званы вінтавы¹³ замок XVIII ст. (мал. 30 : 15). Замкі такой формы і канструкцыі на Беларусі захаваліся ўлобыце да апошняга стагоддзя.

Скабяныя вырабы прадстаўлены чатырма завесамі, чатырма дзвярнымі зашчэпкамі, трыма накладкамі і язычком дзвярнай клямкі. Сярод завес два фрагменты звычайных стужкавых, адна з якіх мела крыжа-

падобны канец з акруглымі абрысамі формы (мал. 30 : 17), а ў другой некалькі разоў перакручаныя вакол сваёй восі завіткі плаўна адагнуты ў процілеглыя бакі (мал. 30 : 16). Гэта завеса так званага «S»-падобнага тыпу. У знешняй форме апошняй прасочваюцца некаторыя асаблівасці гатычнага стылю. Гэтая акалічнасць, а таксама стратыграфічныя даныя дазваляюць датаваць завесу XIV—XV стст. Такія ж перакручаныя (вітыя) усе дзвярныя зашчэпкі (мал. 30 : 5—8). Матэрыялы з раскопак Лідскага і Мірскага замкаў, Мсціслава і Пінска, а таксама сярэднявечных помнікаў Літвы¹⁴ паказваюць, што зашчэпкі гэтай формы не выходзілі з ужытку на працягу стагоддзяў: ад старажытнарускіх часоў да позняга сярэднявечча ўключна. Традыцыі з'яўляюцца некаторыя скабяныя вырабы і дужкі вёдраў дайшлі і да нашага часу, што можна прасачыць па этнаграфічных даных.

Цікавай знаходкай з'яўляецца медная аконная абоймачка (мал. 30 : 6). Яна дазваляе вызначыць дыяметр круглай аконнай шыбы, які мог быць роўны 30—35 см.

Са зброі знойдзены толькі абломак клінка корда і тры чаранковыя наканечнікі стрэлаў. Клінок корда быў аднабаковавострым (мал. 29 : 18). Даўжыня яго фрагмента 25 см, шырыня 5 см, таўшчыня спінкі 0,8 см. Паверхня ляза гладкаплоская, без канаўкі-дола. Стратыграфічна знаходку можна датаваць XIV—XV стст. Усе тры наканечнікі стрэл пляскатыя, з блізкімі да ромбападобных па форме пёрамі. Самы ранні з іх (са слаёў XIV—XV стст.) мае даўжыню п'ера 3,5 см, максімальную шырыню 1,2 см і даўжыню круглага ў сячэнні чаранка 3,0 см (мал. 29 : 12). У другога даўжыня і шырыня адпаведна роўныя 5,0 і 1,5 см (чаранок абламаны) — мал. 29 : 14. Па стратыграфічных даных і аналагічных знаходках у Мсціславе (з раскопак Дзявочай Гары¹⁵ і пасада горада¹⁶) яго належыць аднесці да XVII ст. Гэтым жа часам датуецца і трэці наканечнік, параметры якога адпаведна 5,0—1, 5—3,0 см (мал. 29 : 16).

Рыштунак верхніка і каня прадстаўлены цэлай шпорай (мал. 29 : 22), скрабніцай для чысткі каня (мал. 29 : 20) і фрагментам падковы (мал. 29 : 11). Дужка шпоры «V»-падобная, зробленая з жалезнага стрыжня, які мае форму паўкруга ў сячэнні. Яе плечукі прамыя, сплюснутыя, канцы маюць акруглыя петлі з круглымі адтулінамі. Ад дужкі адыходзіць прамая шыйка, якая завяршаецца патаўшчэннем у форме колца і пераходзіць у вілку, адагнутую ўніз пад вуглом 20°. У вілцы маецца разрэз для зубчатага колца-рапейкі дыяметрам ад 1,0 да 1,5 см. Агульная даўжыня шпоры 9,5 см, даўжыня шыйкі 1 см, вілкі 2 см, шырыня дужкі 10 см. Большасць вядомых шпор аналагічнай формы і канструкцыі аднесена да XVI ст. Па кераміцы, сабранай разам з гэтай шпорай, яе можна датаваць першай паловай стагоддзя.

Скрабніца ўяўляе сабой латэчак даўжынёй 18,7 см і шырынёй 4 см, выкаваны з цэльнага кавалка бляхі трохміліметровай таўшчыні. З абодвух краёў латэчка зроблены зубчыкі, а пасярэдзіне зверху да яго прымацаваны чаранок для драўлянай ручкі. Ужо ў раннім сярэднявеччы значна распаўсюджанымі былі не толькі скрабніцы, падобныя да грабёнкі, з зубчыкамі, як у пілы, але і латэчковыя. Згодна з археалагічнымі матэрыяламі, з XIV—XV стст. апошні тып стаў ужывацца шырэй. Такія скрабніцы вядомы з раскопак Я. Г. Звяругі ў Ваўкавыску¹⁷, М. А. Ткачова ў Крычаве, П. Ф. Лысенкі ў Бярэці і інш.

Асаблівасці канструкцыі і формы фрагмента падковы дазваляюць аднесці яго не раней як да канца XV—XVI ст., бо менавіта ў межах названага часу падковы не мелі адгорткі, цвіковай дарожкі, якой злу-

чаліся адтуліны для цвікоў, мацаваліся шасцю-васьмю цвікамі (па трычатыры з кожнага боку) і звычайна былі абсталяваны толькі пяткавымі (пастаяннымі) шыпамі.

Конскія пугы (мал. 29 : 25) выкаваны з жалезных палосак таўшчынею 0,5—0,6 см. Яны падобныя да вялізных кайданаў (на малюнку паказана толькі адна іх палавіна). Звёны іх злучаліся пры дапамозе балтоў, а паміж сабой — ланцугом і спецыяльным пугным замком.

Сабраны дробныя прыналежнасці аброці каня, сярод іх тры кальцы дыяметрамі 3,2, 3,5 і 6,5 см (мал. 29 : 21, 23, 24) і прамавугольная спражка з дроту (мал. 29 : 24). Гэта матэрыялы XVI—XVIII стст.

Трэба адзначыць, што на тэрыторыі замка пад час раскопак сабрана звыш 100 каваных цвікоў XV—XVIII стст. і 20 кавалкаў жалезнага шлаку. Шлак быў сканцэнтраваны ў адным месцы дыяметрам каля 3 м на глыбіні ад 50 да 150 см ад дзённай паверхні. Тут траплялася шмат кавалкаў перапаленай гліны. Гэта дае падставу меркаваць, што непасрэдна ў замку мела месца кавальская апрацоўка металу ці металургія сырадутага жалеза ў печы-домніцы, бо шлакі маглі стаць рэшткамі металургічнай вытворчасці або быць занесенымі ў замак разам з неабціснутай крыцай. Канчаткова высветліць гэтае пытанне дазволіць даследаванне большай тэрыторыі замкавага двара.

Большасць цвікоў мае квадратны ў папярочным сячэнні стрыжань і сплюснутую з двух бакоў прадаўгаватую шляпку (мал. 30 : 37, 38). Іх памеры вагаюцца ад 8 да 18 см. Гэта мацавальныя цвікі, якія, відаць, выкарыстоўваліся пры будаўніцтве баявых галерэй (большая іх частка сабрана непасрэдна ў вуголлі і попеле пад сцяной замка, куды і зваліліся, згарэўшы, галерэй). Знойдзена некалькі дэкаратыўных цвікоў з круглымі шырокімі (да 3 см у дыяметры) шляпкамі, што ўжываліся для акоўкі драўляных дзвярэй, і тры падкавякі — спецыяльныя цвічкі, якімі прыбіваліся да конскіх капытоў падковы. Іх прамавугольныя ў сячэнні стрыжні плаўна пераходзяць у пірамідальныя шляпкі (мал. 30 : 40).

Разгляд калекцыі металічных вырабаў, сабраных пад час раскопак Крэўскага замка, значна дапаўняе ўяўленні аб матэрыяльнай культуры сярэдневяковых замкаў на Беларусі. Як і ў Лідскім і Мірскім замках, металічныя вырабы складаюць тут значную ўдзельную вагу сярод іншых археалагічных матэрыялаў. У Крэўскім замку мноства знаходак датуецца XVII ст. і дае падставу меркаваць, што на той час у ім яшчэ вялося адносна інтэнсіўнае гаспадарчае жыццё. Аднак ваеннага значэння замак ужо практычна не меў, што пацвярджаецца амаль поўнай адсутнасцю зброі сярод сабраных матэрыялаў. У замку, відаць, існавала ўласная кузня або выплаўлялася сырадутае жалеза.

¹ Трусов О. А. Археологический отчет о проведении раскопок в Кревском замке и д. Крево в июле 1985 г. // Архив СНРПО «Белреставрация». Кн. 1. С. 125—129.

² Воронин Н. Н. Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.) // МИА. Вып. 41. М., 1954. С. 43 (рис. 16), с. 70 (рис. 33).

³ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Л., 1962. С. 60—61 (рис. 46—47).

⁴ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. (Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств). Мн., 1984. С. 44—45 (рис. 26, 27); Трусов О. А. Археологический отчет о полевых исследованиях, проведенных в июле—августе 1987 г. // Архив СНРПО «Белреставрация», объект № 197/81, инв. № 13, кн. III, т. 9, 14, 39.

⁵ Graudonis J. Altene // Arheologija un etnografija. XIV. Riga, 1983 (18 att.: 13).

- ⁶ Сауне А. Arheologicke petijumi Riga lajkano 1969. lidz 1980. dadam // Arheologija un etnografija. XIV. Riga, 1983 (6 att.: 9—11).
- ⁷ Сауне А. Arheologicke petijumi Riga lajkano 1969, Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 147 (рис. 57:16).
- ⁸ Трусов О. А. Археологический отчет о проведении раскопок в Кревском замке и в д. Крево в июле 1985 г. Кн. 1. С. 127.
- ⁹ Собаль В., Тарасаў С. Абутак сярэднявковага Мінска // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1985. № 4. С. 35.
- ¹⁰ Трусов О. А. Археологический отчет о проведении раскопок в Кревском замке и в д. Крево в июле 1985 г. С. 128.
- ¹¹ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII стст. С. 47 (рис. 29).
- ¹² Там жа. С. 47 (мал. 29); Haisig M. Rzemiesla kowalско-slusarskie na Slansku do polowy XVIII wieku. Wroclaw, 1962 (tabl. 26, 2).
- ¹³ Лабзин Н. Исследование промышленности ножевой, замочной и других металлических изделий. СПб., 1877.
- ¹⁴ Volkaite-Kulikauskiene R. Punios piliakalnis. Vilnius, 1974. P. 44, pav. 22.
- ¹⁵ Алексеев Л. В. Городище Девичья Гора в Мстиславле // КСИА. Вып. 94. 1963. С. 75 (рис. 21: 3).
- ¹⁶ Трусов О. А. Археологический отчет о проведении раскопок в Мстиславле в июне—июле 1983 г. // Архив ПО «Белреставрация». Кн. 2 (табл. 96: 4).
- ¹⁷ Звяруга Я. Г. Сельскагаспадарчыя прылады X—XIV стст. з раскопак гарадоў Верхняга Панямоння // Этнаграфічны зборнік (Даклады аддзялення этнаграфіі Геаграфічнага таварыства Беларускай ССР). Мн., 1975.

БУЛАВЫ И КИСТЕНИ XI—XIV вв.
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

При археологических раскопках древних городов и поселений (городища, селища), курганов исследователи нередко обнаруживают предметы вооружения. Предметы вооружения обычно подразделяют на оружие ближнего и дальнего боя. К оружию ближнего боя относят мечи, сабли, кинжалы, боевые ножи, копья, топоры боевые (иногда хозяйственные), булавы и кистени. В данной статье исследуются два последних вида оружия.

Классификацию и периодизацию булав и кистеней разработал А. Н. Кирпичников¹. В основу его выводов были положены исследования А. Ф. Медведева по оружию древнего Новгорода². А. Н. Кирпичников выделяет шесть типов булав и шесть типов кистеней. В его работе с территории Беларуси упомянуты только две находки из Гродно — навершие булавы и кистень. С накоплением нового материала появилась необходимость сделать свод этих видов вооружения, дать их типологию, определить примерные места их производства, выявить пути поступления в определенные регионы Беларуси. В настоящей работе рассматриваются 12 наверший булав типов I—V и 8 кистеней типов I, II и III с территории Беларуси. Датировка их в основном охватывает период от XI до середины XIII в. При этом две вещи несколько выходят за эти рамки: заславское навершие булавы (X — начало XI в.) и продненский кистень (XIII—XIV вв.). Описание характерных особенностей булав и кистеней, места их находок, датировка, источники информации даны в приложении.

Навершия булав представлены 12 экземплярами пяти типов.

К типу I* относятся древнейшие навершия в форме куба с четырьмя пирамидальными шипами на сторонах. Район бытования включает Восточное Средиземноморье, Византию, Хазарский каганат и кочевой Юго-Восток. Время бытования — IX—XI вв. А. Н. Кирпичников полагает, что они попадали на Русь с юга³.

В Беларуси навершие булавы этого типа (рис. 31 : 1) было найдено в кургане около Заславля и датируется X—XI вв.⁴

Тип II образует навершия булав более простой формы, чем предыдущие. Они представляют собой куб со срезанными углами. Роль шипов выполняют пирамидальные выступы, образованные пересечением боковых плоскостей. Все эти навершия железные и датируются XII—XIII вв. Большая часть находок этого типа приходится на южнорусские земли, особенно на территорию Киевской земли. Находят такие булавы также в Новгороде, Пскове, Москве, костромских курганах, Волжской Болгарии и Латвии⁵.

В Беларуси такие навершия найдены в Масковичах (2 экз.)⁶ и Полоцке (1 экз.)⁷ (рис. 31 : 2—4). Металлографические исследования М. Ф. Гуриным масковичских булав показали, что они сделаны путем

* При описании типов наверший булав и кистеней автор использовал классификацию А. Н. Кирпичникова.

ковки, а не отливки. Легкость их изготовления позволяет предполагать, что их могли делать и местные кузнецы по киевским образцам⁸ и что булавы типа II были также оружием ополченцев из бедных слоев населения, а не только дружинников.

Навершия типа III и IV являются самыми изящными и сложными по изготовлению. Это, вероятно, и позволяет утверждать, что они были оружием только дружинников и богатых ополченцев.

Тип III представлен навершиями булав с четырьмя пирамидальными

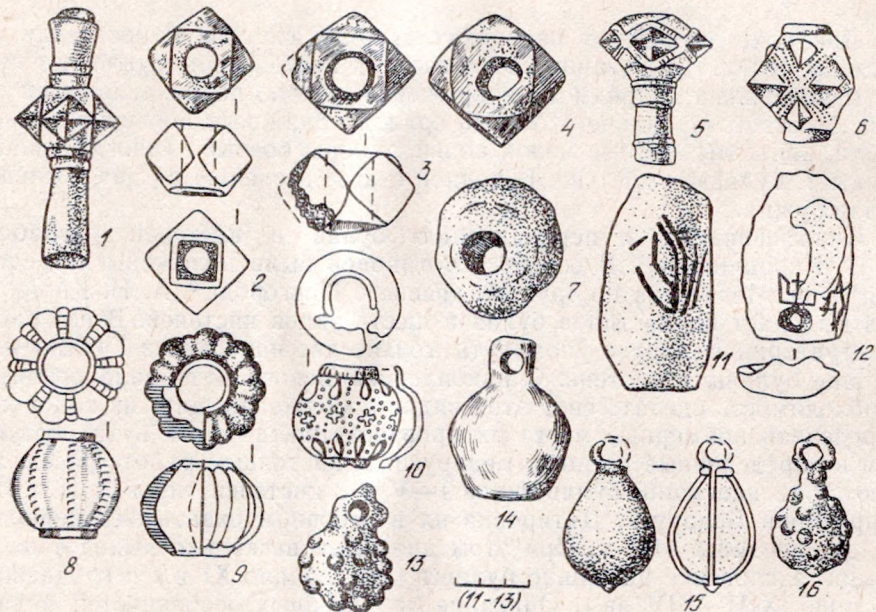

Рис. 31. Навершия булав (1—10) и кистени (11—16)

боковыми шипами, окруженными восемью (иногда больше) небольшими округлыми шипами. Пространство между шипами заполнено двух- или трехрядным веревочным или провололочным плетением и фоном с мелкими выпуклостями. А. Н. Кирпичников эти булавы считает общерусским типом и датирует XIII в. Однако по каталогу, где он отметил восемь наверший, большая их часть (5 экз.) найдена в южнорусских землях. На территории северной и западной земель Руси выявлено три подобных предмета, в том числе и в Гродно⁹ (рис. 31 : 5). Это свидетельствует о вероятности их южного происхождения.

К типу IV отнесены навершия булав с четырьмя большими центральными и восемью малыми шипами, обведенными двумя-тремя рядами горошковидных выпуклостей. Иногда встречаются булавы без декоративных обводок. А. Н. Кирпичников считает, что они производились в южнорусских городах, так как все 26 экземпляров, отмеченных им в каталоге, найдены на юге Руси, и датирует их XII — первой половиной XIII в. В. Н. Зоценко отмечает четыре подобных находки в Вильнюсе, с. Вильне (Калининградская обл.), Риге и на Асотском городище и датирует их второй половиной XII — началом XIII в.¹⁰

В Беларуси булавы типа IV были найдены в 1972 г. в Копыси¹¹ (рис. 31 : 6), Гродно и Слуцке (1986 г.)¹².

Тип V объединяет навершия булав шаровидной формы. Часто они

бывают ребристые или с выпуклостями. Делали их из железа, бронзы, иногда из капа. При изготовлении из капа на навершия набивали гвозди с пирамидальными или выпуклыми шляпками. Датируются такие булавы XII—XIII вв. Самые ранние навершия не имели граней. А. Н. Кирпичников отмечает, что навершия часто делались не цельнолитые, а их бронзовые или медные корпуса заполнялись свинцом¹³. В Бресте найдена свинцовая булава шаровидной формы¹⁴. Вероятно, находка представляет собой только оставшуюся свинцовую заливку, кожух же булавы по неизвестной причине разрушился.

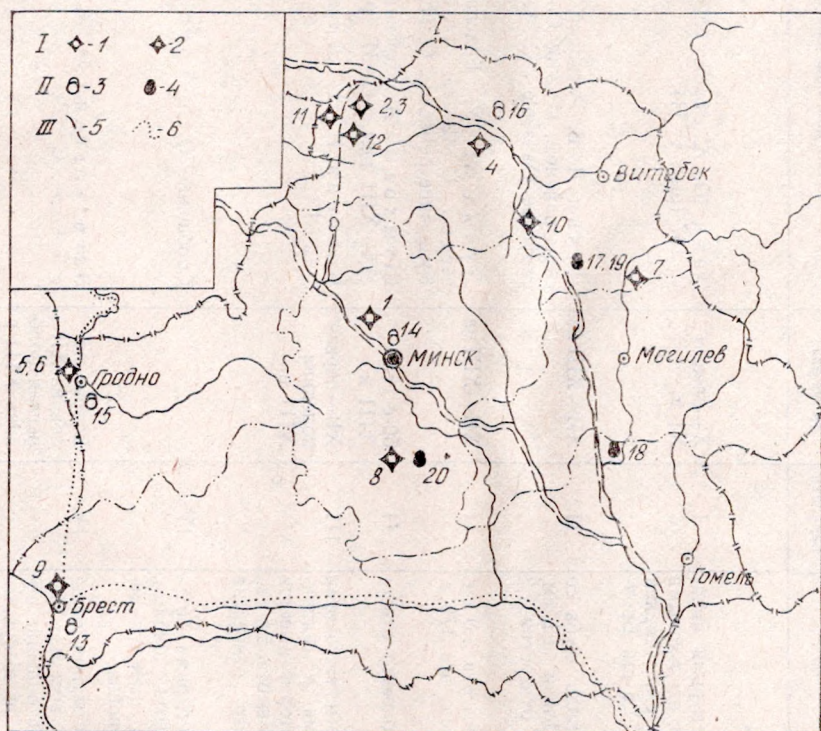

Рис. 32. Места находок наверший булав и кистеней на территории Беларуси

Навершия булав этого типа были обнаружены в Лукомле¹⁵ (рис. 31 : 8), Масковичах¹⁶ (рис. 31 : 9) и Ратюнках¹⁷ (рис. 31 : 10).

В Беларуси найдено восемь кистеней: четыре из них сделаны из рога и столько же — из бронзы. Они представлены двумя типами. Кистени впервые появились в Нижнем Поволжье и Подонье и, вероятно, являлись оружием кочевников. Название свое получили из-за того, что боевая гирька (обычный вес 60—250/280 г) крепилась при помощи длинного ремешка или веревки за кистью руки. На Руси древнейшие кистени датируются X в.

К типу I относятся костяные кистени. Они имели яйцевидную форму с продольными отверстиями по оси, куда вставлялся железный стержень с петлей на одном конце и заклепкой на другой. Костяные или роговые боевые гирьки применялись на Руси повсеместно. Датируются они X—XIII вв. А. Н. Кирпичников на 1966 г. зарегистрировал 35 кистеней, вес их колеблется от 100 до 250 г.

В Беларуси кистени этого типа найдены в Бресте¹⁸ (рис. 31 : 11) и

Т а б л и ц а. Находки наверхний булав и кистеней на территории Беларуси, их краткое описание, типология и датировка

Место и дата находки	Наименование и краткое описание	Тип и вариант	Датировка (в веках)	Источник информации	Рисунок
Заславль, Минский р-н, 1978 г.	Булавы Наверхние булавы с четырьмя пирамидальными шипами и втульчатыми выступающими. Длина 9,4 см, ширина 4,0 см, диаметр втулки 1,6 см. Бронза	I	X—начало XI в.	Заяц Ю. А. Зброя блізкага бою... С. 187 (рис. 1:11).	31:1
Масковичи, Браславский р-н, 1981 г.	Наверхние булавы в виде куба со срезанными углами. Длина 4,1 см, высота 2,8 см, диаметр отверстия 1,3 см, вес 110 г. Железо	II	XII—XIII вв.	Дучиц Л. В. Раскопки в Браславском районе... С. 346; Она же. Браславскае Паазер'е... С. 42—43.	31:2
Масковичи, 1982 г.	То же. Длина 5,0 см, высота 3,0 см, диаметр отверстия 1,5 см, вес 175 г. Железо	II	XII—XIII вв.	Дучиц Л. У. Браславскае Паазер'е... С. 42—43; Гурын М. Ф. Кузнечное ремесло... С. 77; фото 3:7.	31:3
Полоцк	То же. Длина 5,3 см, диаметр отверстия 1,8 см. Железо	II	50-е гг. XIII в.	Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX—XIII вв)... С. 57 (рис. 31:6).	31:4
Гродно, 1930-е годы	Наверхние булавы с выступающими пирамидальными шипами и цилиндрической втулкой, в которой имеется отверстие для гвоздя. Высота 5,8 см, ширина 4,5 см, диаметр отверстия втулки 1 см. Бронза	III	XII—первая половина XIII в.	Воронин Н. Н. Древнее Гродно... С. 54.	31:5
Гродно, 1986 г.	Наверхние булавы с четырьмя большими и восьмью малыми шипами, вокруг больших шипов имеются декоративные обводки. Бронза	IV	Сообщение О. А. Трусова		
Копысь, Оршанский р-н, 1972 г.	Наверхние булавы с четырьмя большими центральными и восьмью малыми крайними шипами, большие обведены тремя линиями из выпуклых точек. Длина 4,8 см. Бронза	IV	Вторая половина XII—первая половина XIII в.	Загорульский Э. М. Раскопки в Копыси... С. 359.	31:6

Слуцк, 1986 г.	Навершие булавы с четырьмя большими центральными шипами, между ними по одному малому пирамидальному, вокруг восемь малых округлых шипов. Имеются декоративные обводы. Бронза	IV	XII—XIII вв.	Родчанка Р., Рывин Г. З глыбіні стагоддзяў... Фота.	31:7
Брест, 1977 г.	Навершие булавы шаровидной формы, уплощенное с двух сторон, в отверстиях остатки дерева. Диаметр 4,5 см, высота 3,1 см, диаметр отверстия 1,4 см. Свинец	V	XII в.	Лысенко П. Ф. Берестье... С. 218 (рис. 149; табл. 35).	31:8
Лукомль, Чашникский р-н, 1971 г.	Навершие булавы шаровидной формы с семью большими и восемью малыми рифлеными долями. Диаметр 4,8 см, высота 4,0 см, диаметр отверстия 1,8 см. Бронза	V	XII—XIII вв.	Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.)... С. 45, 105 (рис. 17:9).	31:9
Масковичи, 1980 г.	Навершие булавы шаровидной формы с семью широкими и восемью узкими долями. Диаметр 4,7 см, высота 3,8 см, диаметр 1,8 см. Бронза	V	XII—XIII вв.	Дучиц Л. В. Раскопки на северо-западе Витебской области... С. 333; Она же. Браслаўскае Паазер'е... С. 43 (рис. 22—8).	31:10
Ратюнки, Браславский р-н, 1981 г.	Навершие булавы шаровидной формы, украшено выпуклыми крестами, «цветами» из точек и листьями. Диаметр 4,7 см, высота 4,0 см, диаметр отверстия 1,7 см. Бронза	V	Первая половина XIII в.	Дучиц Л. У. Браслаўскае Паазер'е... С. 43 (рис. 38:1).	31:11
Брест, 1972 г.	Кистень цилиндрический со скругленными углами, овальной формы, фрагмент. Высота 8,4 см, диаметр около 5 см. Рог	I	XIII в.	Лысенко П. Ф. Берестье... С. 218, 219 (рис. 194—10).	31:12
Минск, 1951 г.	Кистень яйцевидной формы, круглый в сечении, с отверстием сбоку, фрагмент. Имеется два княжеских знака. Высота 6,6 см. Рог	I	Вторая половина XI в.	Тарасенко В. Р. Древний Минск... С. 243—245 (рис. 45); Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие... С. 134, 135 (№ 9).	31:13
Гродно, 1930-е годы	Кистень шаровидной формы с квадратным ушком и отверстием. Диаметр 4,9 см, высота с ушком 6,5 см. Рог	Переходный или II	XIII—XIV вв.	Воронин Н. Н. Древнее Гродно... С. 167 (рис. 88:19).	

Место и дата находки	Наименование и краткое описание	Тип и вариант	Датировка (в веках)	Источник информации	Рисунок
Полоцк, 1986 г.	Кистень грушевидной формы с отломанным кольцом, 8 или 9 гранями, на которые нанесены циркулем двойные кружки с точкой посередине. Высота (без кольца) 9,2 см, ширина 5,3 см, толщина в нижней части 4,8 см. Рог	Переходный или II	XII в.	Сообщение С. В. Тарасова	
Друцк, Толочинский р-н	Кистень грушевидной формы с петлей сверху. Вероятно, сборный. Размеры не даны. Бронза	II		Алексеев Л. В. Полоцкая земля IX—XIII вв. ... С. 159 (рис. 72 : 3).	31:14
Вишнин, Рогачевский р-н	Кистень шаровидной формы с кольцом, имеются бугорчатые выпуклости на тулове. Размеры не указаны. Бронза	IIa	Середина XII—40-е годы XIII в.	Ваганова А. М. Умацаваныя феадальныя сядзбы... Рыс. на с. 40; Загорувальскі Э. М. Исследования Вишнинского замка... С. 88.	31:16
Друцк	Кистень грушевидной формы с кольцом, имеются бугорчатые выпуклости на тулове. Размеры не даны. Бронза	IIa		Алексеев Л. В. Полоцкая земля IX—XIII вв. ... С. 159 (рис. 72 : 2).	31:15
Слуцк, 1986 г.	Кистень шаровидной формы с кольцом, имеет жгутобразный декор. Бронза	IIa	XII—XIII вв.	Родчанка Р., Рывін І. З глыбіні стагоддзяў... Фота.	

Минске¹⁹. Кистень, обнаруженный при раскопках в Минске, имеет изображение двух княжеских двузубцев. А. Н. Кирпичников считает, что костяная гиря в виде шара с квадратной петлей, найденная в 1930 г. в Гродно, относится к первому типу²⁰. Однако, учитывая ее вид, не обращая внимания на материал, из которого изготовлена, следует полагать, что она относится к типу II, а не I (рис. 31 : 13).

Тип II объединяет кистени шаровидной или грушевидной формы. Они бывают гладкие или граненые (тип II), иногда с горошковидными выпуклостями (тип IIa). Встречаются гири, бронзовый корпус которых для утяжеления заполнен свинцом (рис. 31 : 14). Этот метод изготовления появился в X в. и наибольшего развития достиг в XII—XIII вв. Датируются гладкие и граненые гири (тип II) второй половиной X—XIII в., кистени с горошковидными выпуклостями (тип IIa)—XII—XIII вв. Большая часть находок приходится на южную и юго-западную Русь, откуда, по мнению А. Н. Кирпичникова, кистени типов II и IIa распространялись в другие русские земли. В упомянутой работе А. Н. Кирпичникова представлены 46 кистеней этого типа весом от 63 до 268 г²¹. Подробное описание трехчастных (составных) гирь дано А. Ф. Медведевым²².

В Беларуси были найдены два кистеня типа II: в Друцке (рис. 31 : 16), по-видимому, трехчастный, и в Полоцке — граненый, грушевидной формы из рога (сообщение С. В. Тарасова), а также две гири типа IIa в Друцке²³ (рис. 31 : 15) и Вишине²⁴ (рис. 31 : 16).

По мнению А. Н. Кирпичникова и В. Н. Зоценко, навершия булав и кистени изготавливались преимущественно в городах на территории Киевской земли и поступали на другие территории²⁵. В основном это булавы типа II, III—IV и некоторые варианты типа V, кистени типа II и IIa. В южнорусских городах, в частности в Киеве, обнаружены мастерские по производству булав и кистеней. После монголо-татарского нашествия многие типы этого оружия уже не производились. Легкость изготовления булав типа II позволяет не согласиться с мнением А. Н. Кирпичникова об их преимущественно южнорусском производстве. Эти навершия могли делать и в других местах. На территории Полоцкого Подвинья, откуда происходят все находки данного типа (приложение и карта), они, вероятно, ковались в Полоцке, где было развито кузнечное ремесло. Отсюда булавы могли поступать и к восточнобалтским народам (латгалам, ливам, селам и др.). На территорию Беларуси навершия булав и кистени поступали в двух направлениях (рис. 32, обозначения 5, 6). Первый путь: Днепр—Березина—Улла—Западная Двина, второй — Киев (или Волынь) — Брест—Гродно. Из Белорусского Подвинья и Понеманья они могли поступать дальше в Прибалтику.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени) // САИ. ЕІ-36. М.; Л., 1966. С. 48—62, 130—135 (рис. 10—12; табл. XXV—XXXII).

² Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 132—138 (рис. 5, 7; табл. 4); Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 311—312 (табл. 129—131).

³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 48.

⁴ Заяц Ю. А. Зброя блізкага бою, рыштунак конніка і верхавога каня з раскопак Заслаўя // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці. Мн., 1985. С. 187 (рис. 1: 11).

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 48—50 (рис. 10: 2; табл. XXV, 3).

⁶ Дучиц Л. В. Раскопки в Браславском районе // АО 1981 года. М., 1983. С. 346; Она же. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. Мн., 1991. С. 42—43.

- ⁷ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 57; Он же. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978. С. 27.
- ⁸ Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX—XIII вв. Мн., 1987. С. 77 (фото 3: 6, 7; 18: ж, з).
- ⁹ Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41. С. 54 (рис. 22: 13).
- ¹⁰ Зоценко В. Н. Экспорт зброї Києва в Південно-Східну Прибалтику // Археологія. 1983. Вып. 44. С. 53 (рис. 8).
- ¹¹ Загорульский Э. М. Раскопки в Копыси // АО 1972 года. М., 1973. С. 359 (рис.); Он же. Открытия в Копыси // Неман. 1973. № 1. С. 91 (рис.); Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). С. 95, 105.
- ¹² Родчанка Р.; Рывін У. З. З глыбіні стагоддзяў // Шлях Ільіча. 1986. 25 верас.
- ¹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 54.
- ¹⁴ Лысенко П. Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 218 (табл. 35: 2; рис. 149).
- ¹⁵ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). С. 45, 105 (рис. 17: 9).
- ¹⁶ Дучиц Л. В. Раскопки на северо-западе Витебской области // АО 1980 года. М., 1981. С. 333; Она же. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. С. 43 (рис. 22: 8).
- ¹⁷ Дучиц Л. У. Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIV стст. С. 43 (рис. 38: 1).
- ¹⁸ Лысенко П. Ф. Берестье. Мн., 1985. С. 219 (рис. 194: 10).
- ¹⁹ Тарасенко В. Р. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Мн., 1957. С. 243—245 (рис. 45); Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 134—135, № 9; Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). С. 74; Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 217, 218 (рис. 69).
- ²⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41. С. 167 (рис. 88: 19); Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 134—135.
- ²¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). Каталог. № 36—81.
- ²² Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 138.
- ²³ Алексеев Л. В. Полоцкая земля IX—XIII вв. М., 1966 (рис. 72: 2, 3).
- ²⁴ Ваганова А. М. Умацаваныя феадальныя сядзібы XI—XIII стст. // ПГКБ. 1980. № 3. С. 43 (рис.); Загорульский Э. М. Исследования Вицинского замка // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 88.
- ²⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие (копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени). С. 54, 62; Зоценко В. Н. Экспорт зброї Києва в Південно-Східну Прибалтику. С. 53.

Ю. А. Заяц

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ЗАСЛАВЛЯ X—XVIII вв.

Керамическая посуда в культурном слое поселений эпохи феодализма является наиболее массовым материалом. Массовость и количественное преобладание ее над другими категориями находок позволяют успешно использовать керамические комплексы для датировок. Однако такое применение керамики требует детального типологического и хронологического ее изучения.

Длительное время исследование керамики эпохи феодализма (как и археологических памятников этого времени на территории Беларуси) ограничивалось XI—XIII вв.¹ Исключение делалось лишь для отдельных типов посуды XIV—XVI вв. Распространение археологических исследований на памятники периода развитого и позднего феодализма в 70—80-е годы обусловило появление работ по керамике этого времени². Представленные в них материалы показывают, что ряд типов и вариантов посуды, возникших в период Киевской Руси, продолжал бытовать, эволюционируя, и в последующее время. Наглядно это прослеживается по материалам городов северо-восточной Беларуси³. Очевидно, что практиковавшееся ограничение исследований археологических объектов временем до конца XIII в. приводило к искусственному сокращению периода бытования некоторых типов глиняной посуды, создавая тем самым предпосылки для неточности датировки слоев и памятников. По-видимому, наиболее приемлемым принципом при разработке типологии и хронологии вещевого материала следует признать изучение его во всем временном объеме функционирования памятника.

Настоящая публикация представляет собой опыт создания типохронологической шкалы круговой глиняной посуды X—XVIII вв. одного из древнейших городов Беларуси — Заславля. Коллекция, полученная в результате его раскопок, включает следующие виды (формы) посуды: горшки, миски, макотры, рынки и сковороды, тарелки, латки, кувшины, кубки, стопки, сосуды для специй. Автором обработано 122 целых или полностью реставрированных сосуда и 8460 фрагментов, выявленных на поселении и в курганном некрополе. Следует отметить, что обрабатывались только фрагменты, содержащие необходимые для классификации формообразующие признаки. Основу изученной коллекции составляют материалы раскопок автора, использована также керамика из раскопок Г. В. Штыхова (курганный некрополь, посад, городище Замэчек), М. Н. Турбина и Э. М. Загоруйского (курганный могильник). Материалы довоенных раскопок, большей частью утраченные, использовались по публикациям.

Типологическая классификация заславской керамической посуды проводилась на основе характерных для каждого из ее видов формообразующих признаков. Виды подразделены на типы и варианты. Для горшков, насчитывающих значительное количество типов и вариантов, с целью удобства классификации произведено объединение типов в отделы по наличию общего признака.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ЗАСЛАВЛЯ

Горшки являются наиболее массовым и универсальным видом посуды. Поскольку в коллекции они представлены в большей части фрагментами, автором для классификации использовались лишь верхние их части, содержащие основные формообразующие элементы: венчик, шейку, плечико. В процессе обработки керамики было замечено, что наиболее устойчивым элементом, характерным одновременно для нескольких типов, является способ оформления венчика. По этому признаку все горшки были разделены на четыре отдела. Иные признаки (о чем будет сказано ниже) были положены в основу выделения пятого отдела. Типы и варианты внутри отделов выделены по модификации венчиков, изменениям высоты шейки и формы плечика.

Отдел I объединяет горшки с отогнутым наружу простым венчиком. Край его округлый или срезанный прямо либо косо. Отдел подразделяется на три типа (рис. 33).

У горшков типа I шейка выражена слабо или отсутствует. Вариант А по форме близок к лепным горшкам с отогнутым венчиком, найденным в незначительном количестве в культурном слое посада и в курганном некрополе. Венчик у горшков варианта Б удлинен и более отогнут, плечики низкоопущенные. Вариант В отличается утолщенным венчиком. Горшки варианта Г имеют невысокий незначительно отогнутый венчик с округлоутопченным или срезанным прямо краем. Вариант Д характери-

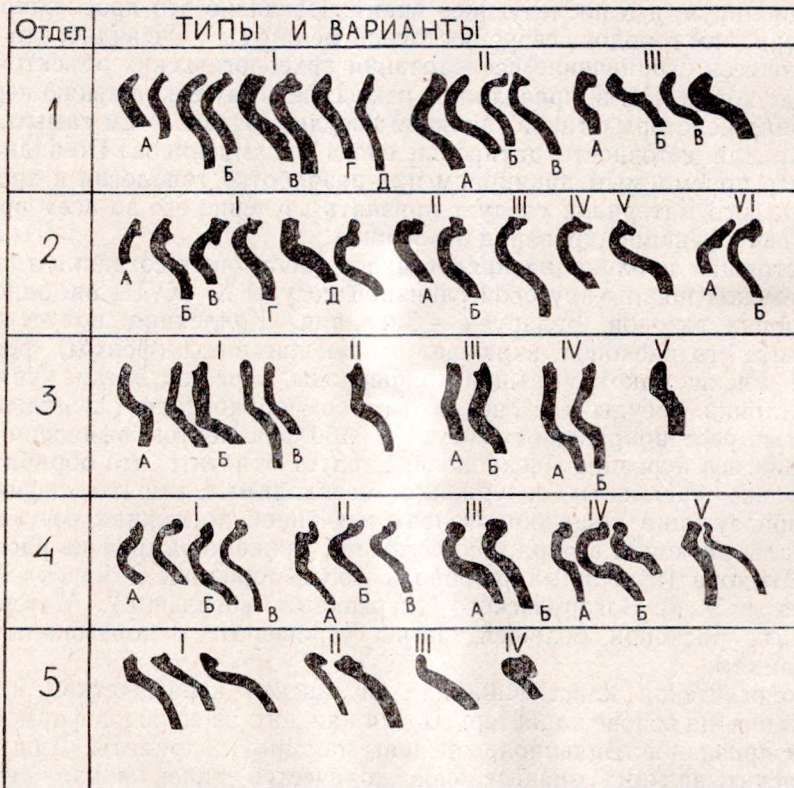

Рис. 33. Основные типы горшков из Заславля

зается удлиненным слабо отогнутым венчиком, на внешней стороне которого близ края нередко имеется желобок.

Тип II представлен горшками с хорошо выраженной, иногда вертикальной шейкой. Вариант А отличается плавным отгибом довольно высокого венчика. У горшков варианта Б шейка вертикальная, венчик отогнут под углом почти в 90°. Вариант В характеризуется укороченным венчиком с оттянутыми краями среза.

Тип III представлен горшками с ребристым плечиком. К варианту А отнесены горшки с относительно прямой шейкой, венчик, как правило, имеет значительный отгиб. Вариант Б имеет наклонную шейку и плавно отогнутый венчик. У горшков варианта В ребро менее выраженное, сглаженное.

В отдел 2 включены горшки с отогнутым наружу венчиком, моделированным в виде «карнизика». Отдел состоит из шести типов.

К типу I отнесены горшки с массивным «карнизиком». Вариант А составляют горшки со слабо выраженной шейкой и еще неразвитой формой «карнизика». Вариант Б отличается хорошо моделированным массивным «карнизиком». У сосудов варианта В на внутренней стороне венчика имеется желобок, часто образованный путем изгиба венчика. Вариант Г имеет более узкий (по сравнению с Б и В) карнизик. Горшки варианта Д по профилировке близки вариантам Б, В, но отличаются от них более высокой техникой изготовления и наличием у большинства сосудов покрытия поливой, реже ангобом. Край венчика у них чаще всего округлый.

К типу II относятся горшки, у которых карнизообразность венчика смоделирована путем его изгиба и обточки. Шейка короткая (вариант А) или удлиненная (вариант Б), но всегда хорошо выраженная.

Горшки типа III характеризуются венчиком, которому карнизообразность придана путем обточки предварительно утолщенного края. Шейка высокая, почти вертикальная.

Горшки типа IV отличаются ребристым плечиком. Венчик оформлен, как у горшков типа II (вариант А) или типа III (вариант Б).

У горшков типа V венчик моделирован под «карнизик» очень схематично, плечики широкие, высоко поднятые.

В тип VI выделена небольшая группа горшков с удлиненным венчиком, имеющим округлый край и небольшой валик или выступ на внешней стороне. У некоторых сосудов край венчика слегка завернут внутрь (вариант Б), что сближает их с горшками отдела 4.

Отдел 3 объединяет горшки с вертикальным или слегка наклонным горлом. Внутри отдела выделено пять типов (рис. 33).

К типу I отнесены горшки с прямым горлом. У сосудов варианта А горло относительно невысокое, край его срезан косо. Горшки варианта Б имеют высокое, часто немного отогнутое или наклонное горло со срезанным краем; на срезе иногда имеется желобок. Вариант В характеризуется высоким вертикальным горлом с округлым краем, под которым с внешней стороны иногда имеется один или несколько желобков. Стенки этих горшков более тонкие, хорошо выделанные и, как правило, покрыты поливой или ангобом, некоторые сосуды изготовлены в технике мочения.

Тип II представлен горшками со слегка загнутым внутрь краем, на срезе которого имеется желобок.

Тип III отличается незначительным плавным изгибом горла, по краю которого нередко проходит желобок. Отдельным сосудам (вариант Б) большой изгиб горла придает сходство с горшками отдела 4.

Горшки типа IV имеют ребристое плечико. Горло прямое (вариант А) или изогнутое в средней части (вариант Б).

Тип V характеризуется низким вертикальным или несколько наклонным горлом с округлым либо срезанным косо краем.

Отдел 4 представлен горшками с отогнутым наружу венчиком, край которого обращен внутрь и оформлен в виде валика или срезан. Отдел включает пять типов (рис. 33).

Тип I характеризуется удлиненным плавно изогнутым венчиком. Вариант А отличается слабо выраженной либо короткой прямой шейкой. Вариант Б имеет удлиненную шейку, наклонную или почти вертикальную. Горшки варианта В по профилировке близки к варианту Б данного типа, отличаясь от него более тонкими стенками и наличием поливы. Венчик у них нередко бывает утолщенным в верхней части.

Тип II отличается резко отогнутым (иногда до 90°) венчиком. Шейка вертикальная высокая (вариант А) или короткая (вариант Б).

К типу III отнесены горшки с незначительно отогнутым венчиком. Шейка невысокая наклонная (вариант А), часто слабо выраженная (вариант Б). Сосуды типа III, как правило, толстостенные.

Горшки типа IV имеют ребристое плечико, узкое (вариант А) либо широкое (вариант В). У некоторых сосудов плечико поднято выше основания шейки (вариант Б).

У горшков типа V венчик короткий, незначительно отогнутый, шейка низкая. У ряда сосудов еще заметна ребристость плечика, но выражена она слабо.

Отдел 5 включает горшки с приземистым туловом и коротким, нередко утолщенным венчиком, который у многих сосудов почти прилегает к тулову. Шейка выражена слабо, часто отсутствует совсем. По способу оформления венчика отдел подразделяется на четыре типа.

Тип I представлен горшками с отогнутым наружу простым венчиком. У горшков типа II венчик оформлен в виде «карнизика». К типу III относятся горшки с коротким вертикальным венчиком с округлоутолщенным краем. Горшки типа IV имеют валикообразный венчик с обращенным внутрь краем. У части сосудов типов I и III плечико сохраняет слабо выраженную ребристость (вариант Б). Горшки типов II и IV представлены единичными находками.

Очевидна связь горшков типов I—IV отдела 5 с горшками отделов 1—4. Однако сходство общего облика всех типов горшков отдела 5, единичность сосудов типов II и IV, свидетельствующая о том, что различие в оформлении венчиков этой группы сосудов не играло существенной роли, наконец, общее время бытования позволяют выделить эти горшки в самостоятельный отдел.

Макотры (сосуды для растирания продуктов: мака, желтков и др.) подразделяются на четыре типа по форме тулова (рис. 34). Макотры типа I имеют вертикальные или почти вертикальные стенки. У макотр типа II в верхней части стенки вертикальные, в придонной плавно закругляющиеся. Стенки макотр типа III наклонные прямые и только в придонной части несколько закругляются. Макотры типа IV имеют в профиле дугообразные стенки.

Венчик у макотр оформлен в виде валика, «карнизика» или отогнут наружу и срезан. На срезе часто имеется желобок. Среди макотр типов I и II имеются терракотовые и мореные, тип III представлен терракотовыми сосудами, иногда с глазурованной внутренней поверхностью. Одна из таких макотр имела петлеобразную ручку.

Миски заславской коллекции подразделены на шесть типов (рис. 34).

К типу I отнесены сосуды, близкие по форме горшкам типа II отдела 4, но отличающиеся более низким туловом и широким устьем и дном.

Тип II представлен мисками с дугообразными (в профиле), плавно суживающимися книзу стенками. Венчик бывает отогнутым наружу или почти вертикальным, с закругленным либо срезанным или оформленным в виде валика краем. Выделяются три варианта мисок этого типа. Миски варианта А имеют хорошо выраженную дугообразность стенок, иногда плавно изогнутых в средней части. У варианта Б стенки выгнуты не-

Рис. 34. Типология мисок, макотр, сковород, тарелок из Заславля

значительно, иногда они почти прямые. Вариант В отличается более или менее выраженным ребром в верхней части, близ венчика.

Тип III по оформлению верхней части близок сковородам-рынкам типа IA. Придонная часть этих мисок в значительной степени закруглена. Внутренняя поверхность покрыта поливой.

Тип IV характеризуется дугообразными стенками, плавно суживающимися книзу, и загнутым внутрь округлым либо срезанным краем.

К типу V относятся ребристые миски. Они подразделены на два варианта. Вариант А представлен широкодонными мисками (отношение дна к устью равно 0,53—0,55: 1) с ребром в верхней трети и изгибом в нижней трети тулова. Бортик вертикальный или наклонный. Венчик прямой либо отогнутый наружу. Миски варианта Б характеризуются большей высотой тулова и резко суживающейся нижней частью (отношение дна к устью равно 0,25—0,3:1).

У мисок типа VI верхняя часть тулова цилиндрическая, нижняя резко суживается ко дну. Переход от цилиндрической части к нижней плавный, без ребра.

Миски типа I только терракотовые, типы II и VI представлены терракотовыми и поливными сосудами, типы IV и VA — терракотовыми и мореными, типы III и VB — только поливными.

Латки — сосуды для тушения мяса и приготовления некоторых видов пищи — имеют сходство с некоторыми типами мисок и горшков⁴. В заславской коллекции латки представлены тремя типами. Тип I близок мискам первого типа. Типы II и III сходны с мисками соответственно II и IV типов, но отличаются от них большей глубиной.

Тарелки, найденные в Заславле, близки по форме современным глубоким тарелкам. Удлиненный прямой или слегка вогнутый венчик отогнут наружу, край его (округлый или срезанный) утолщен и иногда обращен внутрь. Внутренняя поверхность тарелок глазурованная и нередко расписная, внешняя у отдельных сосудов покрыта ангобом. Есть и мореные тарелки.

Сковороды представлены двумя типами (рис. 34).

К типу I отнесены сковороды-рынки — чашеобразные сосуды с округлым дном, опирающиеся на три ножки. К тулову крепится цилиндрическая или воронкообразная втулка для держателя. Внутренняя поверхность рынок покрыта поливой, у отдельных сосудов внешняя поверхность ангобированная. Одна рынка имела двухстороннее эмалевое покрытие. По форме бортика выделяются три варианта рынок.

К варианту А относятся рынки, имеющие отогнутый венчик с желобком по краю. У варианта Б бортик вертикальный с округлым краем. Бортик варианта В оформлен в виде карнизика, сам сосуд более мелкий.

Сковороды типа II по форме близки современным металлическим. Это посуда с широким плоским дном и невысокими плавно расширяющимися кверху стенками-бортиками с загнутым внутрь краем (вариант А) либо с косо срезанным краем и втулкой для держателя (вариант Б).

Сосуды для специй чашеобразные на поддонах, с одной или двумя петлеобразными ручками. Ручки, внутренняя и верхняя часть внешней поверхности покрывались глазурью.

Другие виды посуды представлены фрагментами, не позволяющими полностью реконструировать их форму. Поэтому типологическая характеристика их не дается. Можно лишь отметить, что кубки, судя по их фрагментам, имели два варианта тулова: цилиндрическое с воронкообразно расширяющимся верхом или со стенками, вогнутыми в средней части объема. Ручки у них петлеобразные круглые в сечении либо П-образные плоские. Внутренняя и внешняя поверхности кубков покрывались поливой. Стопки — невысокие сосуды на низких узких поддонах — имели слабопрофилированную или воронкообразную формы. Полива наносилась на внутреннюю поверхность и узкой полоской с внешней стороны венчика. Кувшины изготавливались терракотовые, мореные (с лощением) и поливные (в том числе с двухсторонним покрытием). В покрытии некоторых кувшинов сочетались полива и ангоб.

ХРОНОЛОГИЯ КРУГОВОЙ ПОСУДЫ ЗАСЛАВЛЯ

Единичность находок лепной славянской посуды на поселениях и в курганном некрополе Заславля (в последнем, за исключением одного кургана, лепным горшкам всегда сопутствовали круговые), наличие на круговой посуде клейм в виде двузубца — знака князя Святослава Иго-

ревича — свидетельствуют, что уже в 60-е годы X в. на поселении, которое предшествовало городу, значительно преобладала посуда, изготовленная на гончарном круге. Отсутствие лепной славянской керамики на городище Замэчек, основанном в конце X в.,⁵ позволяет сделать вывод, что к 80-м годам X в. лепная посуда была полностью вытеснена круговой.

На начальной стадии производства круговой посуды в Заславле основной и, возможно, единственной ее формой был горшок.

Среди горшков отдела I наиболее ранними являются сосуды типа IA. В курганном могильнике они найдены в комплексах, которые содержали лепную керамику, железные шейные гривны, ланцетовидные копья с короткой втулкой, бусы (лимонки, лимоновидные полосатые, а также глазчатые рельефные черного глухого стекла с многоцветной инкрустацией). В одном из курганов в горшке типа IA были помещены остатки трупосожжения. Найдены горшки типа IA и в погребальных комплексах, датированных более широко — второй половиной либо концом X—первой половиной XI в. Отсутствие их в слоях XI в. на поселении свидетельствует, что время бытования этих горшков не выходит за пределы второй половины X—начала XI в. В Новогрудке аналогичные горшки найдены в слое и закрытых комплексах X в., в Хотомеле они бытовали с VIII по X в.⁶ Следует отметить, что данная модель была повторена в XVI в.: в раскопе X на территории Заславского замка на уровне строительного горизонта 4 найдены фрагменты трех таких горшков. Один из них был обнаружен вместе с фрагментами поливной рынки.

Горшки типа IB отдела I найдены на городище Замэчек в слое конца X—XI в., на территории замка в предматериковом слое и слое, залегающем ниже уровня строительного горизонта 1. Они датируются концом X—первой половиной XII в. В Волковыске подобные горшки бытовали во второй половине X—XI в. (тип IIA), в Шклове — в XI в.⁷

Горшки типа IB найдены в предматериковом слое и в вышележащих напластованиях (до уровня разрушения строительного горизонта 1 раскопа X). Они датируются XI—XIII вв. В Полоцке такие сосуды бытовали в XI—первой половине XIII в.⁸ У заславских горшков XIII в. на срезе венчика имеется желобок. Сосуды с аналогичной профилировкой обнаружены также в слое XVII в.

Горшки типа IG появляются в слое, отложившемся выше строительного горизонта 1. Наиболее поздние из них обнаружены в монастырской постройке с изразцами второй половины XVII в. Наибольшее распространение в Заславле горшки типа IG имели во второй половине XIII—XIV в. и в XVI в. (соответственно 30 и 57% всех фрагментов). В Полоцке подобные сосуды бытовали со второй половины XIII по XVI в. (полоцкая керамика XVII в. не изучалась)⁹.

Горшки типа ID найдены в слое с изразцами XVII в. и в вышележащих напластованиях, где они датируются монетой 1768 г.

Горшки типа IIA отдела I начали изготавливаться в Заславле не ранее второй половины XI в. (найжены под насыпью замкового вала). Горшки варианта Б появляются в слое XII в. Оба варианта исчезают на уровне разрушения строительного горизонта 1 (середина XIII в.). Подобные горшки в Полоцке датируются XII—XIII вв.¹⁰ Горшки варианта В этого типа найдены в слоях XV—XVII вв.

Горшки типа III A, B отдела I вошли в употребление в XIV в. (найжены в раскопе X на уровне строительного горизонта 3). Верхняя граница их бытования по находкам с поливными сосудами и изразцами определяется второй половиной XVI в. Горшки типа IIIB, являющиеся даль-

нейшей модификацией вариантов А и Б, появляются на уровне строительного горизонта 4, где им сопутствуют поливные рынки и изразцы XVI в. Судя по находкам в развале изразцовой печи № 4, сооруженной между 1586 и 1590 гг., и в поде печи № 3 строительного горизонта 5 фрагментов горшков типа ПІВ, они были в употреблении до первых десятилетий XVII в.

Среди горшков отдела 2 наиболее ранними являются сосуды типа ІА. В курганном могильнике они найдены только в комплексах X—начала XI в., горшки варианта Б — в комплексах, датированных X—первой половиной XI в. Горшки типа ІВ найдены в погребениях и в слое XI в. Судя по отдельным находкам (например, в прослойке, наложившейся на древнейшую часть вала Заславского замка), они бытовали до конца XI—начала XII в. Горшки типа ІГ, с учетом их незначительного количества на городище Замэчек и почти полного отсутствия в слоях XII в. датируются последними десятилетиями XI—началом XII в. Горшки типа ІД выявлены в слое второй половины XVI в. (ниже уровня строительного горизонта 5). Основное количество их найдено в напластованиях XVII в., обнаружены они и в монастырской постройке последней четверти XVII—XVIII в. В Витебске подобные сосуды датируются XVI—XVIII вв.¹¹ Заславские горшки XVI в. этого типа отличаются массивным карнизиком и очень короткой шейкой.

Горшки типов II и III отдела 2 в Заславле найдены с горшками типа ІА, Б отдела 1. Исчезают они в слое на уровне разрушения строительного горизонта 1. Это позволяет датировать данные типы XII—серединой XIII в. Этим же временем они датируются в Полоцке. В Витебске, Копыси и Шклове подобные сосуды датируются XIII в., в Волковыске — XII — серединой XIV в., в Новогрудке они найдены в комплексах второй половины XI—XII в.¹²

Горшки типа IV отдела 2 появляются в верхней части слоя, содержащего горшки типов II и III этого же отдела. Наиболее поздние их экземпляры найдены в нижних пластах слоя, содержащего горшки типа ІГ отдела 1 и типа III отдела 4. Датируются XIII в. либо XIII—началом XIV в.

Горшки типа V отдела 2 по совместным находкам с горшками типов III и IV отдела 1, типов IV и V отдела 4 и изразцами XVI в. датируются XV—XVI вв.

Горшки типа VI отдела 2 найдены в курганном захоронении XI в. и в закрытых комплексах конца X—первой половины XI в. (городище Замэчек) и XI в. (посад). Аналогичная керамика обнаружена в гончарной мастерской первой половины XI в. в древнем Галиче¹³.

Горшки типа ІА отдела 3 выявлены в погребении вместе с бусинами-лимонками и на материке раскопа X (замок). Они датируются второй половиной X — началом XI в. Горшки типа ІБ были распространены в слоях конца X—начала (либо первой половины) XII в. В Полоцке и Новогрудке подобные сосуды бытовали до конца XII в.¹⁴ Горшки варианта В появляются в слое второй половины XVI в. (замок, раскоп X, ниже уровня строительного горизонта 5). Основная масса их найдена в слоях XVII—XVIII вв., датированных изразцами и монетой 1768 г.

Горшки типа II отдела 3 выявлены в слое XII—первой половины XIII в., горшки типа III были распространены от предматерикового слоя до уровня нижних венцов построек горизонта 1, на основании чего датируются XI—первой половиной XIII в. Этим же временем аналогичные типу III сосуды датированы в Полоцке и Новогрудке¹⁵.

Горшки типа IV отдела 3 по находкам в постройке первого горизон-

та и в закрытых комплексах, содержащих горшки типов III и IV отдела 2, датируются второй половиной XII—первой половиной XIII в.

Горшки типа V отдела 3 найдены в слое между строительными горизонтами 4 и 5 (раскоп X), в напластованиях, залегающих несколько выше прослойки пожара 1433 г. (замок, раскоп XI) с гербовыми изразцами конца XVI в. Датируются концом XV—первыми десятилетиями XVII в. У горшков конца XVI—XVII в. на срезе венчика имеется характерный желобок.

Наиболее ранние горшки отдела 4 (типа IA, Б) найдены в слое под насыпью древнейшей части замкового вала в комплексе с горшками типа IB отдела 2; втульчатым ключом от комбинированного замка, грушевидным бубенчиком с крестообразной прорезью и шпорой с U-образной дужкой и прямым шипом. Горшки типа IB обнаружены также в слое и закрытых комплексах вместе с горшками типов II, III отдела 2, что дает основание датировать их XI (вероятно, второй половиной XI)—первой половиной XIII в. Горшки типа IA употреблялись только в XI в. Горшки типа IB найдены в слое с изразцами XVII в., горшками отдела 5 и поливными горшками отделов 2 и 3. Они датируются XVII в.

Горшки типа IIА, Б отдела 4 обнаружены в напластованиях от верхней части предматерикового слоя до уровня разрушения строительного горизонта 1 раскопа X. Датируются XII—первой половиной XIII в. У некоторых сосудов XIII в. на плечике намечается ребро. Горшки типа IIВ найдены в слое с изразцами XVII в., в том числе с безрамочными.

Горшки типа III отдела 4 обнаружены выше уровня разрушения строительного горизонта 1 в слоях второй половины XIII—XIV в.

Горшки типа IVA, Б появляются в слое выше уровня разрушения строительного горизонта 1, но позже, чем горшки типа III этого отдела. Верхняя граница их распространения проходит ниже уровня строительного горизонта 4. Датируются эти горшки концом XIII—XV в., но сосуды варианта А бытовали только до начала XV в., а горшки варианта Б вошли в употребление не ранее начала XIV в. Горшки типа IVB получили распространение одновременно с горшками варианта Б и бытовали до середины XVI в.

Горшки типа V отдела 4 найдены в слое между постройками горизонтов 4 и 5 и в развале изразцовой печи, сооруженной в конце XVI в. Датируются XVI—началом (либо первой половиной) XVII в.

Горшки отдела 5 могут быть разделены на три хронологические группы. Наиболее раннюю образуют сосуды с более высоким венчиком, слабо выраженной шейкой и плечиком, сохраняющим следы ребристости. Найдены они на уровне строительного горизонта 4, в слое ниже строительного горизонта 5, в изразцовой печи № 4. Датируются XVI—началом XVII в.

Горшки XVII в. отдела 5 имеют более низкий венчик, шейка чаще всего отсутствует. У горшков XVIII в. венчик уплощенный, прилегающий к тулову, или карнизообразный. В XVII—XVIII вв. горшки отдела 5 являются ведущим типом глиняной посуды на территории посада. Некоторые из них в это время изготавливались в технике морения или покрывались поливой. Раскопки посада показали, что данная модель горшка почти в неизменном виде доживает до начала XX в.

Макотры в Заславле появляются в слое XV в. (в Витебске этот вид посуды вошел в употребление с XIV в.¹⁶). Ни форма тулова, ни способ оформления венчика не дают основания для выделения хронологических групп (исключая макотры всех четырех типов с венчиком, моделированным под «карнизик», которые, вероятно, можно датировать

XVI—XVII вв.). Более надежными для датировки являются некоторые технологические признаки: поливные макотры найдены в слое и комплексах XVII—XVIII вв., мореные — в комплексах XVIII в.

Миски типа I по находкам в слое с горшками типа III отдела 3 и типа IIA, B отдела 4 датируются XII—XIII вв.

Миски типа IIA найдены в слоях с горшками типа III B, B отделов I и 5 и поливной посудой XVII в. Основное количество их обнаружено в слоях XVI—XVII вв., в слое XV в. — лишь два сосуда (6,6%), что позволяет датировать тип IIA концом XV—XVII в. Этим же временем датируются миски варианта B. Миски типа IIB по находкам в слоях с горшками типа V отдела 4, поливной посудой второй половины XVI—XVIII в. и по наличию на одной из мисок эмалевого покрытия датируются XVI—XVIII вв.

Миска типа III найдена вместе с близкой ей по форме тулова и оформлению венчика рынкой типа IA в слое, залегавшем под постройкой горизонта 5.

Миски типа IV на основании находок в слое, относящемся к строительному горизонту 4, и в комплексе с посудой XVII—XVIII вв. датируются концом XV—XVIII в. Более ранних мисок данного типа в Заславле не выявлено, хотя на других поселениях центральной Беларуси подобные миски известны с XI—XII вв.

Миски типа V варианта A найдены в слое и хозяйственных ямах с горшками типа ID отдела 2, типа IB отдела 4, горшками отдела 5 и монетами второй половины XVII и XVIII в. Они датируются XVII (вероятно, второй половиной XVII) — XVIII вв. Миски варианта B найдены в комплексах с керамикой XVIII в. и «деньгой» 1734 г.

Миски типа VI выявлены в слоях конца XVI—XVIII в. и в постройке XVIII в.

Латки найдены в тех же слоях, что и соответствующие им типы мисок, и датируются тем же временем.

Тарелки в Заславле найдены в постройках горизонта 5 и доминиканского монастыря, а также в слоях с горшками типа ID отдела 2 и горшками отдела 5. Они датируются XVII (или концом XVI) — XVIII вв.

Сковороды-рынки варианта A в Заславле вошли в употребление с середины — второй половины XVI в. Наиболее ранние экземпляры найдены в слое ниже постройки горизонта 5 и в слое с коробчатыми изразцами с монограммой Яна Глебовича, поздние — в постройке горизонта 5. Датируются второй половиной XVI — второй половиной или концом XVII в. Рынки варианта B найдены в слое, перекрывшем руины каменной постройки XVI в., и в слое над постройкой горизонта 5. Одна из них имеет эмалевое покрытие. Датируются второй половиной XVII — XVIII в. Рынки варианта B выявлены в слое с изразцами XVII в.

Сковорода типа IIA найдена в комплексе с горшками отдела 5, мореными кувшинами и макотрами. Датируется XVIII в. Сковороды типа IIB найдены в комплексах и слое XVII — первой половины XVIII в.

Сосуды для специй найдены в постройках горизонта 5 и доминиканского монастыря, в слое, перекрывавшем развал изразцовой печи № 4, а также в пластах с горшками отдела 5 и мисками типа V. Датируются XVII — XVIII вв.

Кубки и стопки появляются в слое второй половины XVI в. (ниже постройки горизонта 5). На территории монастыря и посада они найдены вместе с материалами второй половины XVII — XVIII в.: горшками типа IB отдела 3, типа ID отдела 1, отдела 5, изразцами последней четверти XVII в. (с гербом «Лис») и монетой 1768 г.

Кувшины найдены в напластованиях и комплексах конца XVI—XVIII в. Кувшин конца XVI в. покрыт поливой красного цвета и ангобом. Мореные кувшины появляются только в слое и комплексах XVIII в.

Проведенное типохронологическое изучение керамической посуды Заславля позволяет установить некоторые закономерности и особенности процесса ее формообразования.

Наиболее ранние формы круговых горшков (типа IA отделов 1 и 3) связаны генетически с лепной посудой X в., найденной в Заславле. С момента основания поселения на территории Заславля (не позднее середины X в.) местными гончарами изготавливались круговые горшки отделов 1—3. Горшки отдела 4 вошли в употребление только в XI в. Однако следует отметить находку горшка отдела 4 в кургане с трупосожжением X в. недалеко от Заславля¹⁷.

В эволюции форм горшков отделов 1—4 наблюдаются следующие закономерности. В XI в. происходит удлинение венчика и увеличение высоты шейки (у горшков отдела 3 увеличивается высота горла). В XII—XIII вв. у части горшков отделов 1, 2, 4 шейка становится вертикальной, другие горшки имеют низкую прямую или наклонную шейку. Во второй половине XIII—XV в. у большинства горшков уменьшается длина венчика, шейка более низкая и чаще всего наклонная. С XIII в. у многих горшков отделов 1—4 на плечике появляется ребро. В XIV—XV вв. ребристые сосуды преобладали. В XVI в. ребристость плечика становится менее выраженной и в начале XVII в. исчезает. Наряду с ребристыми постоянно использовались горшки с гладким плечиком.

С XVI в. развитие форм горшков отделов 1—4 происходило в двух направлениях. Первое характеризуется дальнейшим уменьшением длины венчика и высоты шейки, а также увеличением диаметров тулова и дна, что придавало сосудам округлые очертания. В результате этих модификаций появились горшки отдела 5. Второе направление выразилось в повторении на новом технологическом уровне форм, характерных для горшков отделов 1—4 в XI—XII вв.

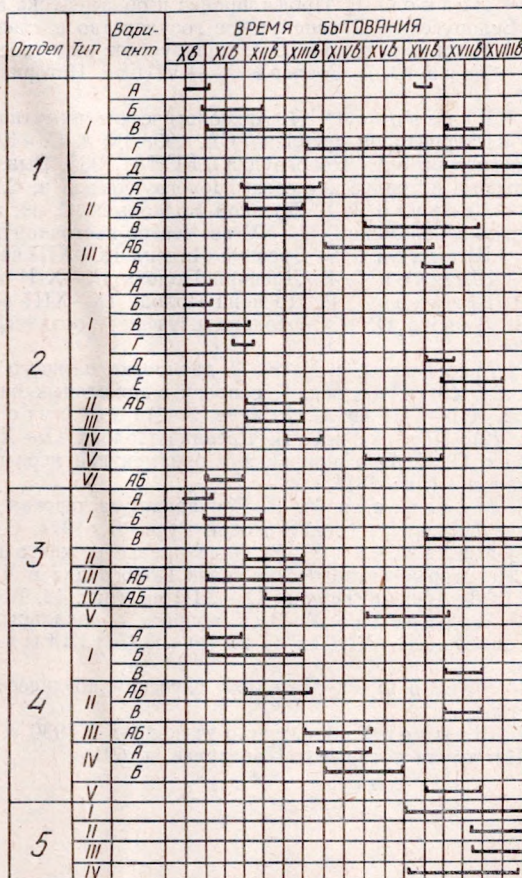

Рис. 35. Хронологическая таблица заславских горшков

Особенностью развития заславских горшков отделов 2 и 3 является дискретность их производства, которая приходится соответственно на XIV в. и вторую половину XIII—XV в. (рис. 35). Отсутствие мисок в слоях XIV в. объясняется, по-видимому, не перерывом в их производстве, а сложностью определения по небольшим фрагментам этого вида посуды, имевшего на ранней стадии в оформлении верхней части сходство с горшками.

Значительное расширение ассортимента керамической посуды в Заславле происходит в XVI в. Некоторые формы в XVII—XVIII вв. отличаются устойчивостью и однообразием (стандартностью), другие продолжают сохранять вариантность.

¹ Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. // КСИА, 1971. Вып. 125. С. 27—34; Она же. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в.: По материалам керамики // КСИА, 1972. Вып. 129. С. 14—20; Штыхов Г. В. Древний Полоцк XI—XIII вв. Мн., 1975. С. 80—88; Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Мн., 1975. С. 61—70; Загорумский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 236—242.

² Левко О. Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982. С. 129—137; Она же. Витебск XIV—XVIII вв. Мн., 1984. С. 55—64, 67—70; Зданович Н. И., Трусаў А. А. Мясцiслаўскi посуд XV—XIX стст. // Помнікі культуры. Новыя адкрыцці. Мн., 1985. С. 195—201.

³ Левко О. Н. Профилировка и орнаментика керамики XII—XV вв. северо-восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 79—81.

⁴ Милюченков С. А. Белорусское народное гончарство. Мн., 1984. С. 109—112.

⁵ Заяц Ю. А. Заславль X—XVIII вв. Историко-археологический очерк. Мн., 1987. С. 37.

⁶ Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян // СА. 1958. № 4. С. 44; Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 87 (рис. 34: 1); Она же. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. С. 18.

⁷ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. С. 69; Левко О. Н. Профилировка и орнаментика керамики XII—XV вв. северо-восточной Белоруссии. С. 80 (рис. 18).

⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 42: 11, 23, 31; рис. 43: 6, 13).

⁹ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 82—83 (рис. 40).

¹⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 42: 34, 36; рис. 43: 11).

¹¹ Левко О. Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска. С. 134.

¹² Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. С. 89—90 (рис. 34: 13); Она же. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. С. 28 (рис. 5: 3); Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. С. 69 (рис. 22); Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 42: 26; рис. 43: 5, 7); Левко О. Н. Профилировка и орнаментика керамики XII—XV вв. северо-восточной Белоруссии (рис. 18).

¹³ Малевская М. В. Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 34, 37, 38 (рис. 2: 7—9).

¹⁴ Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. С. 21; Она же. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. С. 14, 20, 21 (рис. 5: 7); Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 42: 9).

¹⁵ Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. С. 28 (рис. 5: 5); Штыхов Г. В. Древний Полоцк (рис. 42: 27).

¹⁶ Левко О. Н. Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска. С. 134, 135.

¹⁷ Штыхов Г. В. Отчет о раскопках в 1980 г. в северной части Белоруссии // Архив Института истории АН Беларуси, д. 691.

М. Ф. Гурин

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА ИЗ РАСКОПОК СЕЛИЩА ЧЕРНИЧИ

Селище расположено на правом берегу Припяти в урочище Старое село, в 0,3 км севернее д. Черничи Житковичского района Гомельской области. Это примерно 7 км восточнее древнерусского города Турова. Длительное время, сделав излучину, река подмывала берег и разрушала культурный слой на селище. Процесс разрушения остановлен, так как после постройки моста воды Припяти потекли по углубленному земснарядами древнему прямому руслу. Однако отсыпка дорожной насыпи закрыла часть поселения. Значительный ущерб ему может быть нанесен при сооружении защитной противопаводковой дамбы. В связи с этим возникла необходимость проведения широких спасательных раскопок на указанном памятнике, занимающем площадь примерно 800 м в длину и 200 м в ширину.

В 1982—1983 гг. автором были проведены небольшие раскопки на селище Черничи. Вскрыта площадь размером 240 м². После летнего понижения уровня воды в реке исследовались остатки культурного слоя в прибрежной части русла Припяти. Проводилось также обследование территории селища с помощью металлоискателя. Это позволило получить разнообразные археологические материалы различных эпох для изучения древней истории населения Белорусского Полесья. Результаты металлографических исследований железных и стальных кузнечных изделий XII—XVIII вв. из селища Черничи уже опубликованы¹. Углубленного изучения требуют другие археологические материалы с селища: лепная и гончарная керамическая посуда, изделия из камня, сланца, стекла, цветных металлов, костные остатки рыб, диких и домашних животных. Автор анализирует находки феодальной эпохи, хотя в коллекции есть материалы I-го тысячелетия н. э.: зарубинецкой, киевской и пражской культур.

О том, что люди проживали на селище длительное время, свидетельствует мощность культурных напластований, превышающая в раскопах 1 м. Верхние пласты сильно перемешаны из-за того, что территория поселения многократно распахивалась. Культурный слой преимущественно черного цвета. Местами в раскопах наблюдались небольшие песчаные прослойки и другие признаки, характерные для потревоженного грунта в результате поздних земляных работ. Так, в заполнении одной из ям на глубине 0,9 м найдена монета, чеканенная в 1911 г. Случаи обнаружения глиняных курительных трубок в нижних слоях также указывают на значительные перекопы. Материк представлен сначала глинистой прослойкой темно-коричневого цвета, глубже — песком. При зачистке материка выявлено девять ям. Некоторые из них, вероятно, были хозяйственными. Так, яма эллипсоидной в плане формы имеет размеры 2×1,4 м, заглублена в материк на 1,1 м. При выборке ее заполнения и в верхнем слое, и на дне обнаружены скопления чешуи крупных рыб, а также кости животных и обломки сосудов. Хотя в верхней части стенки ямы из глины, в целом она вырыта в песчаном грунте. В другой яме найдены глиняные черепки и кусок железного шлака.

Материалы феодальной эпохи на селище Черничи представлены различными археологическими находками. Особенно многочисленны изделия из глины. Крупные фрагменты толстостенного (1,5 см) сосуда с наклепным орнаментированным валиком позволили произвести частичную реконструкцию большой корчаги XIII в. (рис. 36:9), имевшей устье диаметром около 20 м, в максимально расширенной части тулова диаметр сосуда превышал 70 см. Отсутствие обломков нижней части и днища не позволяет полностью реконструировать и реставрировать сосуд, который, вероятнее всего, использовался для перевозки и хранения жидкостей. Изготовлен он на гончарном круге из светлой глины с примесью крупных частиц дресвы. То, что валики были наклепаны на поверхность стенок сосуда, видно на фрагментах с отслоившимися их участками.

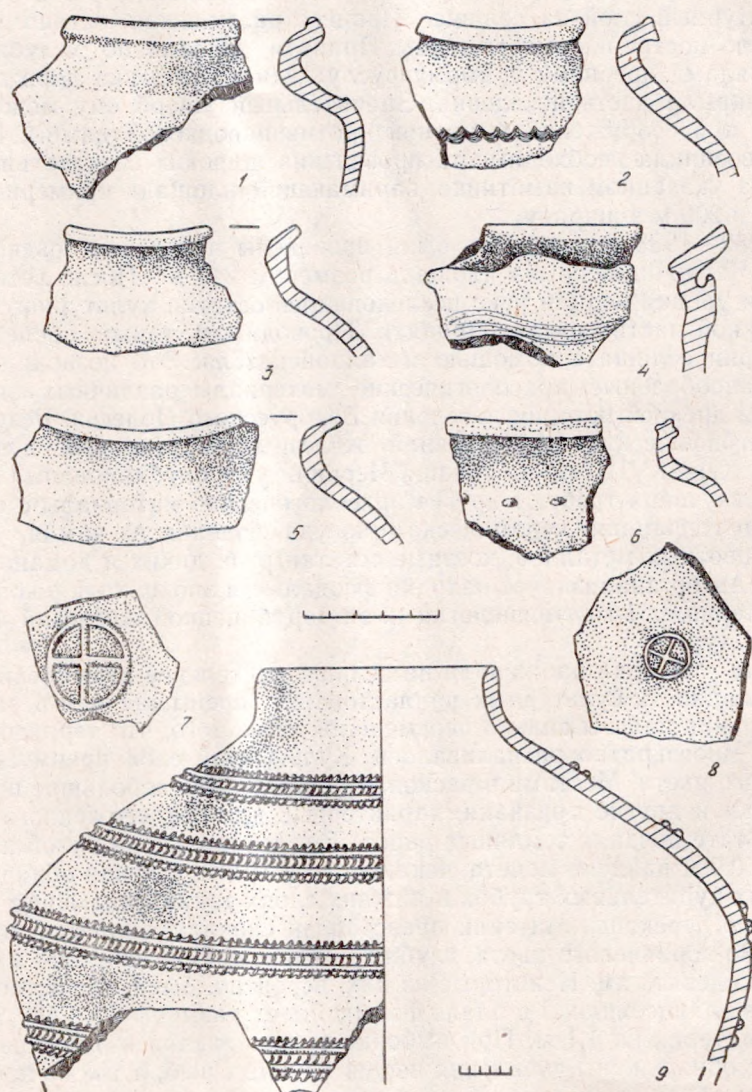

Рис. 36. Фрагменты гончарной посуды: 1—6 — венчики горшков; 7, 8 — клейма на днищах сосудов; 9 — большая корчага, украшенная наклепными валиками (реконструкция автора)

Остается неясным, для чего использована технология налепливания валиков, если в процессе изготовления сосуда на гончарном круге их можно было сформировать из самих стенок. Всего на реконструированной части сосуда имеется четыре валика с двумя выступами и тремя орнаментированными бороздками на каждом из них. Аналогичные корчаги найдены в Новорудке, на памятниках Вольни².

Тысячи фрагментов гончарной посуды с селища относятся к разным периодам феодальной эпохи. Древнерусская посуда представлена венчиками (рис. 36: 1—6), стенками, а также днищами горшков, на которых встречаются клейма (рис. 36: 7, 8). Особенно много фрагментов керамической посуды позднефеодальной поры. Она представлена горшками, мисками, тарелками, макотрами и др. Некоторые сосуды имеют ручки. Найден фрагмент глиняной сковородки, покрытый зеленой поливой. Большинство сосудов изготовлено из красной глины, но есть бело-

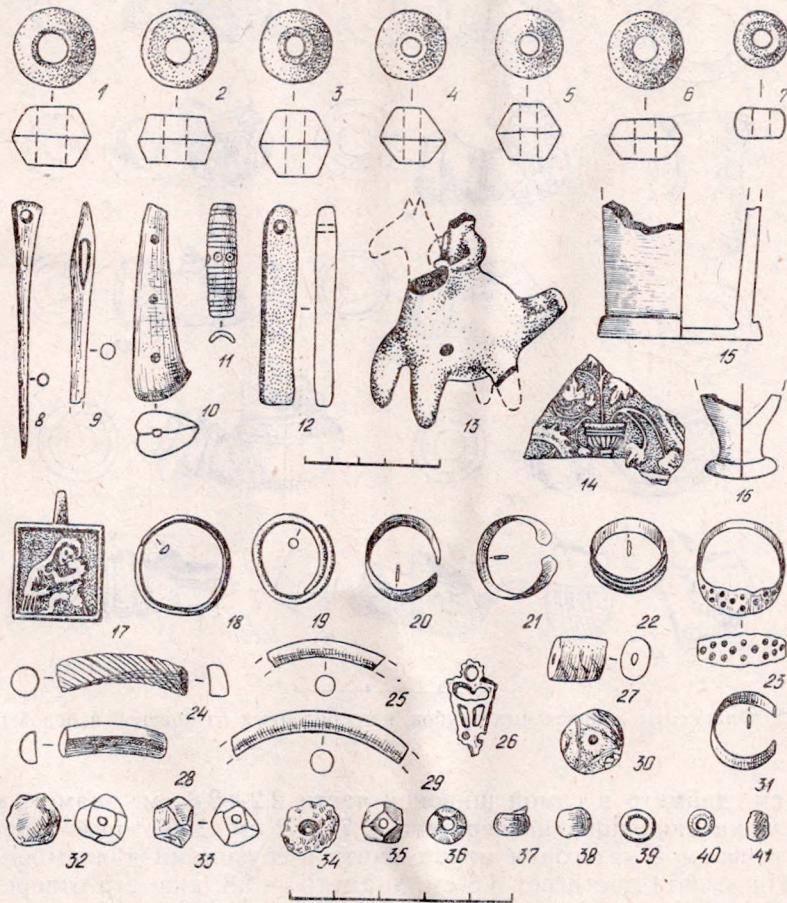

Рис. 37. Находки феодальной эпохи с селища Черничи: 1—7 — глиняные и шиферные пряслица; 8, 9 — костяные иглы; 10 — рукоятка ножа с костяными накладками; 11 — костяная поделка; 12 — точильный брусок (оселок); 13 — глиняная игрушка — свисток; 14 — фрагмент сосуда типа «рейнский каменный товар»; 15, 16 — нижние части стеклянных сосудов; 17 — иконка из цветного металла; 18 — 23, 31 — кольца и перстни из цветных металлов; 26 — бронзовое украшение; 24, 25, 28, 29 — фрагменты стеклянных браслетов; 27, 30, 32—41 — бусы

глиняные черепки. В общей массе керамики высокий процент поливной посуды. Выявлен фрагмент сосуда, относящегося к рейнскому товару (рис. 37:14).

Отдельную категорию глиняных изделий составляют различные грузики и пряслица. Хотя наиболее широко глиняные пряслица использовались в I-м тысячелетии н. э., однако нельзя исключить возможность их изготовления и применения в феодальную эпоху наряду с шиферными. Чаще всего встречались биконические пряслица (рис. 37:1—6). Их высота

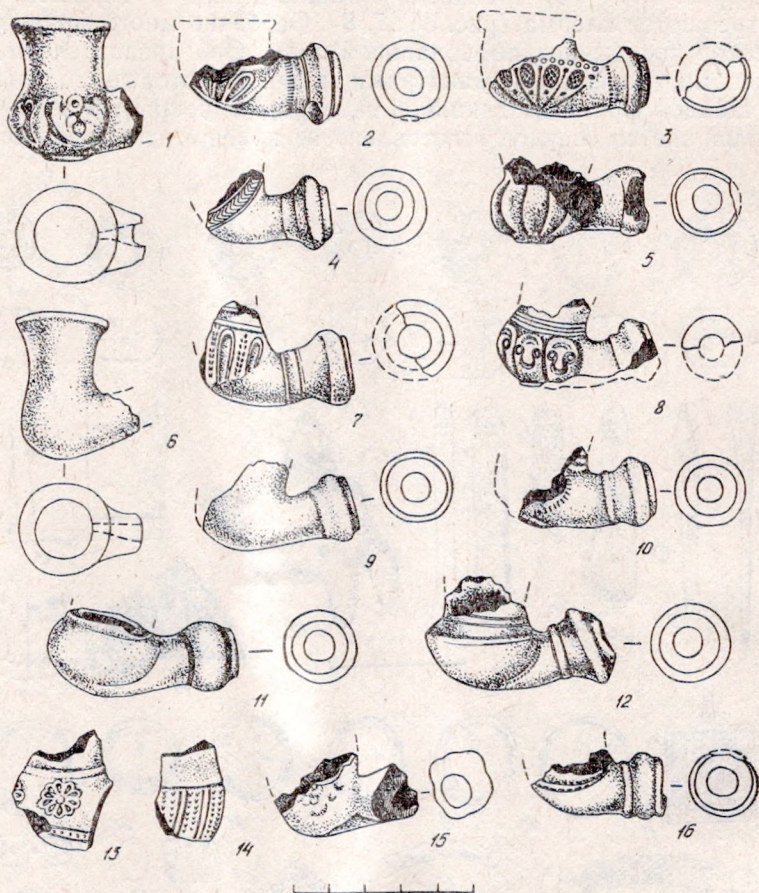

Рис. 38. Фрагменты курительных трубок, изготовленных из красной и белой глины

1,5—2 см, диаметр в самой широкой части 2,2—2,8 см, диаметр отверстий для насаживания на веретено 0,7—1,2 см. Некоторые предметы рассматриваемой категории можно считать грузилами для рыболовных сетей. Их высота достигает 8,5 см, диаметр — 4,8, диаметр отверстий — 1,8 см. К рыболовным грузилам относится до семи находок.

Наличие курительных трубок на селище поражает своей многочисленностью и разнообразием форм, внешним оформлением и ornamentировкой, составом и цветом глины и поливы. В раскопах найдено 17 экземпляров трубок, в основном фрагментированных. Среди них имеются курительные трубки с небольшими повреждениями (рис. 38). Преобладают экземпляры, изготовленные из красной глины, хотя много белогли-

няных трубок. Большинство изделий имеет разнообразный орнамент, но встречаются и без орнамента. Цвет поливы зеленый, иногда коричневый. Аналоги есть в странах Европы³.

Печные изразцы, украшенные разными композиционными узорами, представлены четырьмя фрагментами. Наряду с элементами растительного орнамента при изготовлении изразцов из глины наносились преимущественно геометрические узоры.

Из глины изготавливались также детские игрушки. Найдены три фрагмента свистков. Один из них, наименее поврежденный, выполнен в виде всадника на коне (рис. 37:13). Наличие в свистке трех отверстий кроме основного позволяет получать звучание по трем нотам звукоряда. При раскопках обнаружен также фрагмент игрушки в виде стилизованной головы лошади.

Население селища пользовалось различными стеклянными изделиями: бутылками, чашами, блюдами и др. Найдены пять фрагментов стеклянных браслетов XIII в. В преобладающем большинстве браслеты (рис. 37:24—29) одноцветные, однако один из них имеет витое строение с желтыми полосками на зеленом фоне. Украшения представлены также бусинами (рис. 37:32—41), в основном одноцветными из зеленого, голубого, синего стекла, но есть двухцветные, а также полихромные, на которых насчитывается до пяти цветов, что свидетельствует о сложной технологии их изготовления и, можно полагать, не местном производстве. В раскопах найдено 12 бусин.

Разнообразны и многочисленны материалы, связанные с металлургией и кузнечной обработкой железа и стали. О местном восстановлении железа из руды свидетельствуют находки кусков руды и шлаков. Так, в раскопе 1 на глубине 0,6—0,8 м выявлена куча (233 куска) руды, которая, вероятно, была заготовлена для проведения металлургического процесса. Бесспорным фактом железоделательного производства на селище являются многие десятки кусков шлака. В некоторых из них благодаря магнитной сепарации выявлены частицы и мелкие конкреции восстановленного железа. Найдено также 14 криц или их фрагментов и семь полуфабрикатов, прошедших первичную пластическую обработку. Указанные находки уже использованы для исследования процесса крицеобразования при сырודупной металлургии железа⁴.

В ходе раскопок выявлено свыше 100 экземпляров кузнечной продукции, одной из самых массовых категорий которой являются ножи (рис. 39:2—9). Их найдено более 60 штук. Среди ножей преобладают черенковые. Не менее 13 ножей имеют в рукоятях отверстия для заклепок или сами заклепки, с помощью которых крепились боковые накладки рукоятей. Два ножа были с рукоятями, которые защищались от растрескивания металлическими кольцами, черенки прошивали их насквозь и загибались для прочного крепления на тыльной стороне. Некоторые экземпляры, имеющие в зоне перехода лезвия в рукоять одно или два утолщения, обладали повышенной прочностью на изгиб и излом. В одном ноже сохранились костяные накладки (рис. 37:10). Некоторые экземпляры с бронзовыми упорами для боковых пластин. Найдено лезвие от складного ножа. Несмотря на разнотипность ножей, можно полагать, что они предназначались для выполнения хозяйственных работ, а также для бытовых нужд. Экземпляров специального назначения не выявлено.

Найдено девять фрагментов лезвий топоров, в большинстве случаев пригодных для технологического исследования, три серпа в обломках, а также три кресала, из них два целые. Судя по находкам, кресала были двух типов: калачевидные с язычком и овальные (рис. 39:10,11). Первый

тип бытовал (если ориентироваться на новгородские датировки) в X—XII вв., второй — с начала XIII в. до середины XV в.⁵ Выявлены также детали удила и псалий, аналогия которым имеется в материалах с Западной Украины⁶.

Пять наконечников стрел (рис. 39: 14—18) относятся к четырем типам. Двухшипный втульчатый наконечник (тип 2, по А. Ф. Медведеву) имеет длину около 95 мм, диаметр втулки 10 мм. Такие наконечники стрел употреблялись до середины XIII в. вдоль западных границ Древнерусского государства. Этот тип заимствован в западноевропейских государствах, где аналогичные наконечники использовались для зажигательных стрел, в которых шипы предназначены для зацепления за кровлю⁷. Наконечники стрел такого типа найдены во многих белорусских

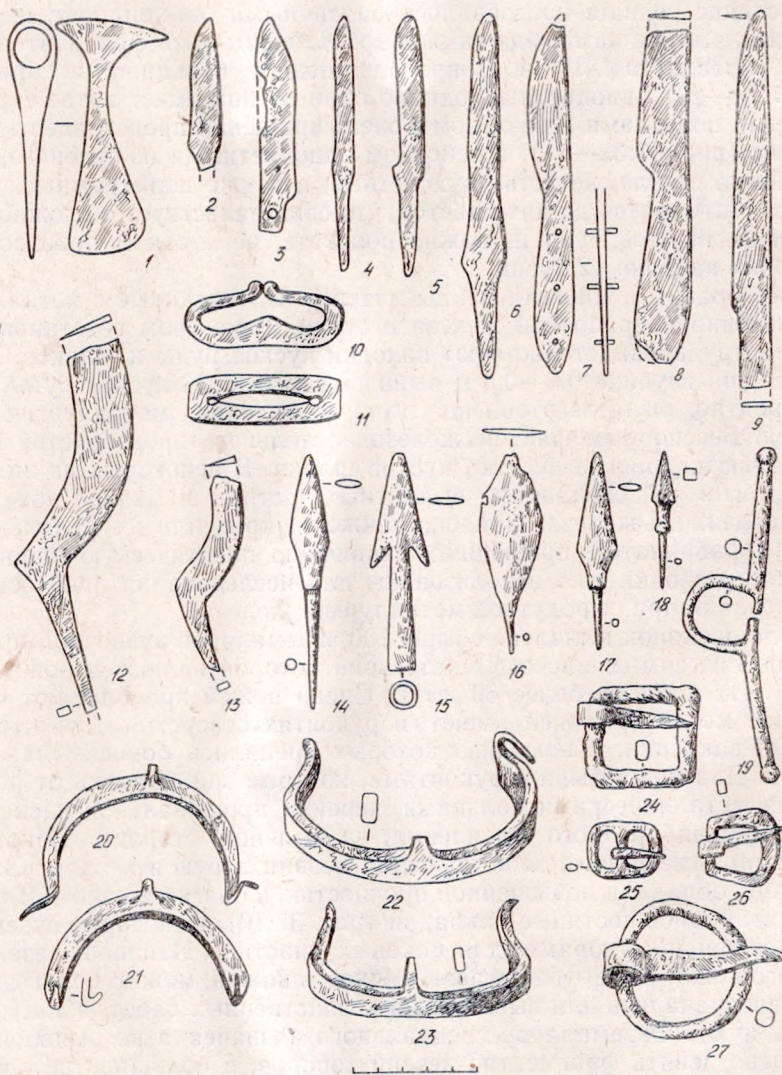

Рис. 39. Железные изделия: 1 — топорики; 2—9 — ножи; 10—11 — кресала; 12—13 — серпы; 14—18 — наконечники стрел; 19 — псалий; 20—23 — подковки для обуви; 24—27 — пряжки

городах: Новогрудке⁸, Друцке, Браславе⁹ и др. Двумя экземплярами представлен тип 43 ромбовидных наконечников стрел с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1:3. Такие наконечники были распространены с IX до середины XIII в., но особенно характерны для XII—XIII вв. Чаще всего они встречаются на городищах, подвергшихся нападению татаро-монголов в 1237—1240 гг. Лавролистый наконечник без упора (тип 63) с круглым в сечении черенком (рис. 39:14) больше характерен для южной полосы Древнерусского государства. Пирамидальный наконечник стрелы квадратного сечения с перехватом у черенка (тип 95) является противоколючужным. Такие наконечники были широко распространены на территории Киевской Руси и у народов Восточной Европы в VIII—XIV вв. Они найдены в Новогрудке, Браславе, Минске и других городах¹⁰.

На селище Черничи массовыми находками стали железные подковки с шипами, которые были принадлежностью нового типа обуви с высоким каблуком и твердым задником (рис. 39:20—23). Аналогичная кузнечная продукция XIV—XVIII вв. часто встречается при раскопках Минска, Витебска и многих других белорусских городов. Это свидетельствует о том, что проживавшее на селище население, как и горожане, носило обувь на высоком каблуке. Найдены также ключи к замкам, рыболовные снасти (крючки, остроги, блесна), пробойники, иглы, различные гвозди, пряжки (рис. 39:24—27), а также железные предметы неустановленного назначения. Список можно продолжить находками конских подков, колец от конской сбруи и предназначенных для других целей, скоб, используемых при изготовлении лодок, шильев, стержней и др.

Разнообразны изделия из цветных металлов и сплавов, преимущественно на основе меди — бронзы различного состава. Прежде всего следует отметить иконку XV в. с ушком для подвешивания. Ее размеры 2×2,1 см. На лицевой стороне имеется изображение матери с младенцем (рис. 37:17). В левом углу сверху просматривается какой-то знак. Сплав, из которого отлита иконка, не обладал хорошей текучестью, поэтому при заполнении формочки произошло неравномерное распределение металла, повлекшее за собой дефекты. Обратная сторона иконки в основном гладкая. По периметру имеется невысокая окантовка. Найдены также два миниатюрных украшения, которые пришивали к одежде. Одно из них сложной формы (рис. 37:26), другое орнаментировано насечками. На селище выявлены булава из бронзы, фрагмент пряжки, шестигранная поделка, пластина с выбитыми на ней буквами, пять перстней (рис. 37:20—23), изготовленных из бронзы по различной технологии, а также дреговичское височное кольцо, сделанное, по-видимому, из серебра или сплава на его основе (рис. 37:19).

При раскопках найдено девять монет, свыше десятка их дали поверхностные сборы на территории селища. По определению Ш. И. Бектинева, в их числе серебряный польский коронный грош Сигизмунда III 1624 г., медные солиды 1661, 1664—1666 гг. Великого княжества Литовского и гроши коронные, чеканенные при Яне Казимире (1649—1668 гг.), коронные солиды Августа III, чеканенные в 1753 или 1755 г. Есть медные монеты российской царской чеканки: денга 1731 и 1735 гг. Анны Ивановны (1730—1740 гг.), две копейки Павла I, чеканенные в 1797 г., и другие поздние монеты.

В ходе полевых изысканий на селище обнаружены изделия из камня. Найдено десять брусков для заточки инструмента. Некоторые из них имеют значительные следы сточенности от длительного использования. Три экземпляра, предназначавшиеся для крепления с помощью веревоч-

ки к поясу, у одного из торцов имеют отверстия. Большинство брусков сделано из серого камня, отдельные же изготовлены из черного камня (рис. 37:12). Очень мелкая структура минерала позволяет утверждать, что бруски использовались для тонкой заточки и доводки инструмента. Выявлено шесть пряслиц из розового сланца (шифера), залежи которого издревле разрабатывались недалеко от украинского города Овруча. Найдены пряслица и их фрагменты из серого шифера. Форма шиферных пряслиц преимущественно овальная, хотя встречаются биконические. Размеры в широкой части колеблются от 2 до 2,8 см, диаметр отверстия 0,7—1,0 см.

Изделия из кости представлены тремя крупными экземплярами игл, в которых ушко круглой или овальной формы (рис. 37: 8,9). Одна из игл обломана, но и на фрагменте видны признаки качественной обработки кости при изготовлении данного изделия. Найден фрагмент трубчатого орнаментированного изделия, украшенный радиальными и циркулярными канавками (рис. 37:11). Выявлена орнаментированная поделка в виде пуговицы с одним отверстием, а также различные проколки, изготовленные из костей животных.

Для исследования ихтиофауны Припяти в непосредственной близости от селища палеозоологами могут быть использованы находки крупных позвонков и костей рыб, а также скопления рыбной чешуи.

Во время летнего понижения уровня воды в реке в прибрежной части русла Припяти обнаружили два колодца. Один из них был построен из горбылей с обычными, как в избах, углами. В плане он имеет квадратную форму. Другой колодец в плане овальный. Его стенки сооружены из вертикально поставленного теса толщиной около 10 см. Внутренние размеры колодца приблизительно 60×40 см. Глубина от уровня современного дна реки до 70 см. Дно колодца сделано из досок толщиной около 3 см. При выборке заполнения колодца попадались куски дерева, обломки гончарных сосудов. Более интересных находок не выявлено.

¹ Гурын М. Ф. Металаграфічны даследаванні кавальскай прадукцыі з селішча Чэрнічы Жыткавіцкага раёна // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1986. № 6. С. 66—75.

² Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 125. 1971. С. 28 (рис. 6, 6, рис. 7, 12).

³ Pittioni R. Bäuerlicher Küchen- und Hausgerät Abfall aus Jochberg, p. B. Kitzbühel, Tirol // Österreichische Zeitschrift für Volkskunde. Wien, 1982. Bd. 36 (85). Hf. 2. S. 113—114. Abb. 26.

⁴ Гурын М. Ф. Процесс крицеобразования в древней металлургии железа // Slovenská archeológia. Т. 36. С. 2. Bratislava, 1988. S. 363.

⁵ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М., 1982. С. 163.

⁶ Древняя Русь: Город. Замок. Село // Археология СССР. М., 1985. С. 359 (табл. 145, 20).

⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ ЕІ-36. М., 1966. С. 56, 66, 67, 74, 84.

⁸ Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок (посад — окольный город). Л., 1981. С. 49 (рис. 34, 3), 52 (рис. 37, 10).

⁹ Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966. С. 174 (рис. 43, 6), 266 (рис. 72, 12—13).

¹⁰ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978. С. 49 (рис. 18, 1), 106 (рис. 45, 1, 2, 25, 34, 37).

КОЖАНАЯ ОБУВЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ВИТЕБСКА XII—XVIII вв.
(по материалам исследований Нижнего замка)

Благодаря хорошей сохранности органики в культурном слое Витебска исследователи получили в свое распоряжение разнообразную по ассортименту коллекцию кожаных изделий, среди которых обувь занимала основное место.

Изучение позднесредневековой обуви и технологии ее производства впервые было предпринято О. Н. Левко. На основе проведенных химических и физико-механических анализов образцов исследователь пришла к выводу о «хороших свойствах витебской кожи XIV—XVIII вв. и высоком уровне технологии ее производства». По важнейшим показателям витебские средневековые кожи «соответствуют стандартам современной высококачественной юфти». О. Н. Левко разработала типологию отдельных категорий кожаной обуви XIV—XVIII вв. (поршни, туфли, сапоги), в основу которой положены отличия в моделировке изделий (переда, задника)¹. Данная классификация вполне приемлема для изучения позднесредневековой обуви, однако ограниченная источниковедческая база, имевшаяся в распоряжении исследователя, не позволила ей избежать неточностей при датировке и реконструкции отдельных типов обуви.

Исследования последних лет, проведенные автором на площади свыше 2 тыс. м², значительно увеличили источниковедческую базу. Это позволило не только осуществить дальнейшую разработку типологии средневековой обуви, но и впервые выделить в особую группу обувь древнерусского времени, изучением которой исследователи Витебска специально не занимались.

Уровень развития технологии изготовления и технологии производства древнерусской обуви на основании анализа археологических материалов ряда древнерусских городов получил разработку в специальных исследованиях С. А. Изюмовой (по Новгороду), Е. И. Оятевой (по Пскову, Старой Ладогe), В. Бебре (по Риге), Г. В. Штыхова (по Полоцку), К. П. Шута, С. В. Тарасова, В. Е. Соболя (по Минску)².

В основу предлагаемой классификации витебской обуви автором положена типологическая схема древнерусской обуви, разработанная Е. И. Оятевой и дополненная С. А. Изюмовой, согласно которой вся обувь делится на две группы: мягкая (заготовки одночастные или двухчастные) и жесткая (многочастные заготовки, имеющие кроме основных дополнительные детали)³. К первой группе отнесены поршни и башмаки XII—XIV вв., ко второй — туфли и сапоги. Данная схема использовалась автором и при дальнейшей разработке типологии позднесредневековой обуви.

Наиболее простым и доступным каждому жителю видом обуви являлись поршни, которые изготавливались из прямоугольного куска кожи толщиной 1,5—2,5 см. Размеры кожаной заготовки соответствовали размеру стопы с припуском около 4 см на головку, борта и задник изделия (рис. 40:1). На месте головки края такого куска довольно грубо скреплялись кожаным ремешком. Подобные ремешки для стягивания боковых

частей поршня пропускались через бортик. С. А. Изюмова отмечает, что задник, как и головка, закреплялся ремешками наглухо⁴. Судя по сохранившейся задней части одного из витебских поршней, в котором отсутствовали прорезы для ремешка, задник, вероятно, наглухо крепился к краям бортов нитками. Подобный способ крепления применялся при изготовлении мангазейской обуви в XVII в.⁵

Простота изготовления, дешевизна сделали поршни наиболее рас-

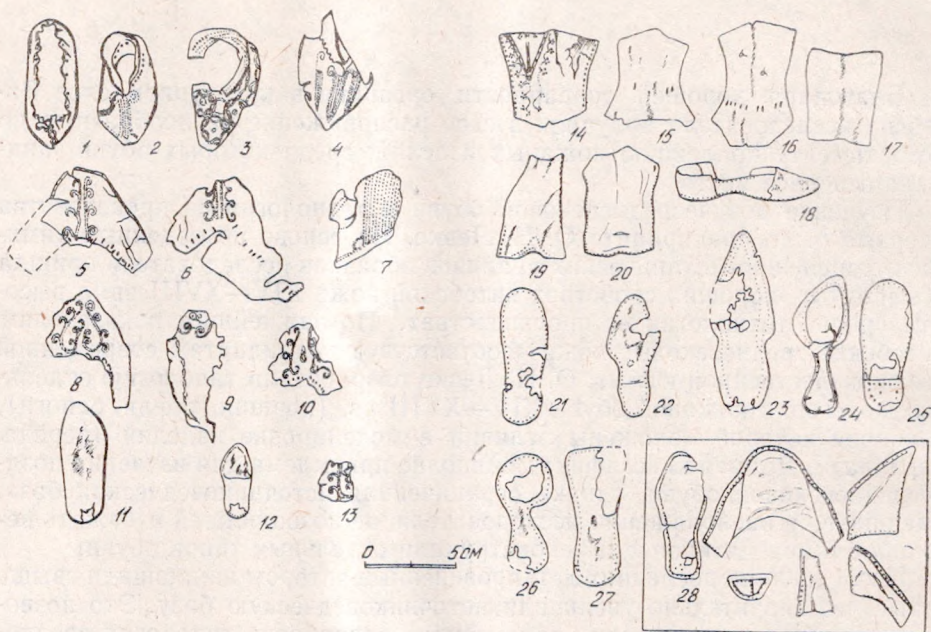

Рис. 40. Образцы кроя обуви XII—XVIII вв. (Нижний замок. Витебск)

просторным видом повседневной обуви среди всех слоев горожан не только в древнерусское время, но и вплоть до XIX в.

Вторую по численности группу мягкой обуви составляли башмаки. Ряд исследователей к башмакам относят обувь с высокими берцами, закрывающими щиколотку ноги (К. П. Шут, Г. В. Штыхов)⁶. В то же время С. А. Изюмова, изучавшая новгородскую обувь, называет изделия с высоким воротничком «мягкими туфлями»⁷. Все башмаки витебской коллекции встречены в слоях XII—начала XIV в. Они относятся к изделиям, в которых верх (перед, боковая часть, задник) выкраивался из одного куска кожи. Во всех случаях верх башмака скреплялся с внутренней стороны боковой части тачным швом. На берце, как правило, имелся ряд вертикальных прорезей для пропуска ремешка, стягивающего башмак на щиколотке (рис. 41:2—10).

Подошва в башмаках пришивалась потайным или выворотным швом, форма ее зависела от кривизны нижней части задних половинок верха⁸. Встреченные подошвы в большинстве своем имели слабо выраженный изгиб в геленочной части (рис. 40, 11—12). Некоторые экземпляры передов башмаков имели небольшую выемку-выточку, в которую потайным швом вшивался слегка заостренный носок подошвы. Приподнятость носка кверху, по мнению К. П. Шута, вместе с вышивкой придавала нарядность башмаку⁹.

Все витебские башмаки были украшены узорами, нанесенными резьбой или вышивкой на перед изделия. Орнамент, как правило, наносили на кожаную заготовку, чем объясняется наличие его на боковом шве. Помимо передов иногда украшались снаружи боковые части и задники башмаков. Орнаментация их внутренней стороны сводилась к незначительному вырезному орнаменту или же вообще отсутствовала. Выделено пять типов орнаментики витебских башмаков: 1) солярный, состоящий из концентрических кругов с вписанными в них шестилучевыми звездами (рис. 40 : 3); 2) «пальметта» (или «процветшее сердце») с заключенным в нее кривым (лилией) (рис. 40 : 8); 3) вертикальный орнамент по центру головки, напоминающий ствол дерева с ответвляющимися от него побегами (рис. 40 : 5); 4) орнамент в виде широкой (2,7 см) продольной полосы, заканчивающейся у подъема спиралевидными завитками (рис. 40 : 2, 4); 5) геометрический орнамент.

Башмаки с солярной орнаментикой известны по материалам раскопок в Пскове, Новгороде¹⁰. «Пальметта» особенно часто встречалась на башмаках XIII в. в Полоцке¹¹. Остальные типы орнаментов известны по минской и новгородской обуви¹².

Обнаруженная в слое конца XIII в. детская подошва от мягкого башмака позволяет идентифицировать технологию изготовления взрослой и детской обуви в древнерусское время. В связи с этим ставится под сомнение утверждение К. П. Шута о том, что пошив детских башмаков отличался некоторым своеобразием — отсутствием пришитой подошвы¹³. На материалах Витебска подобная технология не прослежена ни разу.

Судя по размерам стопы (15,5—25 см), башмаки носили преимущественно женщины и дети. Это не исключает наличия мужских башмаков подобного вида. Последние, как отмечают исследователи, отличались не только большими размерами стопы, но и бедной вышивкой переда или же вообще ее отсутствием¹⁴. Вещевой материал комплексов, в которых найдены ажурные башмаки, в ряде случаев настолько беден, что заставляет усомниться в том, что ажурная обувь была дорогостоящей и являлась привилегией зажиточной части населения.

Туфли — вид летней кожаной обуви, который часто встречается в слоях XVI—XVIII вв. Более раннюю дату их распространения в Витебске назвать сложно, хотя по материалам Минска туфли известны с XIII в.¹⁵ О. Н. Левко, изучавшая витебскую обувь, наиболее ранний тип туфель относит к XV в. Вряд ли можно согласиться с такой датировкой, поскольку на Нижнем замке аналогичные туфли обнаружены в слое XVII в.

Классификация позднесредневековых туфель, в основу которой положены отличия в моделировке верха изделий (переда, задника), впервые разработана О. Н. Левко¹⁶. При дальнейшей ее разработке наряду с указанными основными признаками автор учитывал и разделение обуви по принадлежности: женская, мужская, детская. Статистический подсчет показывает, что для мужчин туфли были неосновным видом летней обуви. Их носили преимущественно женщины и дети.

По технике кроя среди описываемой категории необходимо различать цельнокроеную и детальнокроеную обувь. К типу I отнесены туфли, состоящие из цельнокроеного верха и подошвы, скрепленных между собой сандалным швом (рис. 41 : 1, 2). В отличие от мягких башмаков древнерусского времени шов, скрепляющий верх туфли, располагался в центре задника. Такая обувь имела невысокий перед (7,2 см), верхний обрез которого оформлялся в виде сердцевидного выреза. Отсутствие

подошв у туфель описываемого типа не позволяет судить об их конструкции и форме каблука.

Тип II представлен закрытыми туфлями с прямым контуром верхнего обреза заготовки. Они имели тупоносую головку размерами 13×22 (12,5) см, которая пришивалась потайным швом к берце в центре геленочной части изделия (рис. 41 : 6). Высота задника (берцы) 4,5 см. Как правило, он был двухчастным (детали сшивались выворотным швом), с внутренней стороны к заднику пришивалась прокладка. Подошвы в

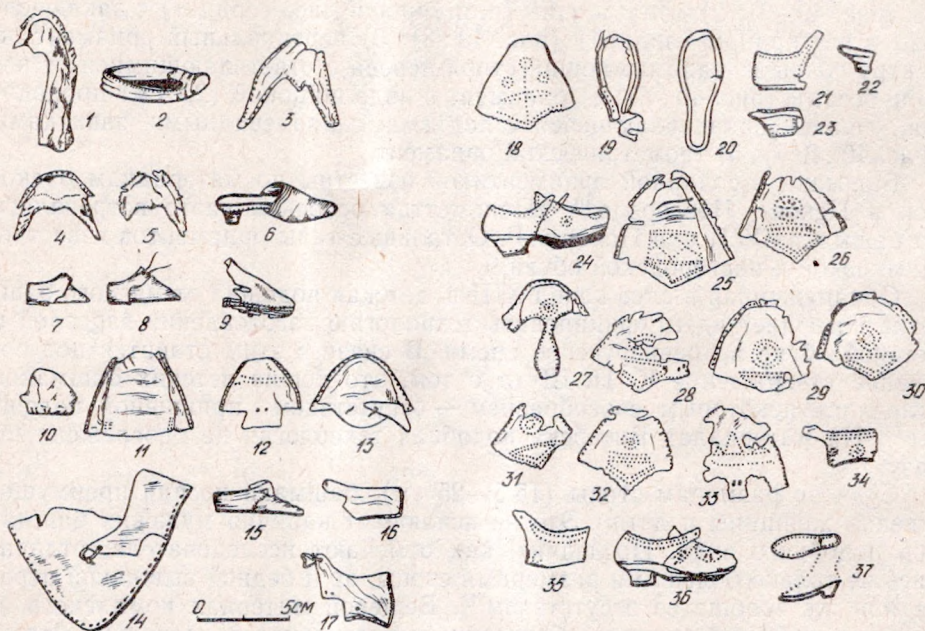

Рис. 41. Основные типы туфель XVII—XVIII вв. (Нижний замок. Витебск)

туфлях данного типа изготавливались из толстой кожи в два-три слоя. Они имели округлый, немного вытянутый носок и слегка зауженную пятку. Между собой слои крепились небольшими сапожными гвоздями с округлыми шляпками (2—2,3 см). Обувь типа II имела наборный, сужающийся книзу каблук размерами $5,5 \times 4,7$ см ($4,0 \times 3,5$ см) при высоте до 3 см. Наборные детали соединялись деревянными гвоздями, каблук к подошве крепился по типу современной обуви.

К типу III отнесена обувь с невысокими бортиками перед, сходящимися на клин в геленочной части (рис. 41 : 3—5). По-видимому, задник также сужался к центру стопы. Край верхнего обреза сердцевидной формы слегка загибался внутрь и пришивался к поднаряду. Иногда перед изделий украшался вышивкой или тиснением. Во всех туфлях данного типа имелся узкий ($4,0—4,5 \times 3,0$ см), невысокий (1,8—2 см) деревянный каблук, обтянутый кожей. Его внутреннюю сторону и низ закрывала подошва, крепившаяся к каблуку посредством деревянных сапожных гвоздей (1,2—2,0 см) и двушипных подковок типа 2. Размеры набоек были на 0,4—0,5 см уже каблука. Детали верха крепились к подошве и каблуку выворотным швом. Подошвы описываемых туфель имели удлиненный носок и небольшую пятку, геленочная часть была слабо выражена. Верхний слой подошв был несколько уже остальных

и крепился к ним и каблук комбинированным швом. Следует отметить, что к каблук тачным швом пришивались небольшие щечки, которые впускались между слоями подошвы. Из других дополнительных деталей в туфлях этого типа можно отметить поднаряд и прокладку задника.

Наибольшее распространение в XVII—XVIII вв. получили ажурные туфли на невысоком, обтянутом кожей каблуке (тип IV) (рис. 41 : 24, 36). Контур верхнего обреза головки в них срезан прямо (вариант а) или имел треугольный (вариант б) или фигурный (вариант в) язычок (рис. 41 : 18, 27). Высота переда колеблется от 15 до 21 см, ширина 15—22,3 см. Только в единичных случаях имеются низкие (7—11,3 см) головки. От изделий типа II описываемые туфли отличаются кроме орнамента оформлением верхнего края обреза и наличием в головке прорезей для шнурка, фиксирующего положение передней части берцы. В зависимости от формы берцы встречаются задники двух видов: прямые и закругленные в верхней части. Как и в туфлях типа III, задники были двухчастными. Детали крепились выворотным швом, обращенным как внутрь изделия, так и наружу. Следует отметить, что наружу шов обращался только в туфлях, не имеющих прокладки задника. Верх берцы чаще всего был выбран в середине, реже — прямой. Длина деталей колебалась от 5,5 до 9,5 см, высота берцы достигала 6—9,5 см. В зависимости от верхнего обреза боковых частей переда видоизменялась форма переднего края берцы, который мог быть прямым, скошенным наружу или внутрь (рис. 41 : 34, 35). Изделия типа IV как бы сочетали в себе элементы двух описанных выше типов детальнокроеных туфель: типа II — форму и внешний вид боковых частей (берцы), типа III — форму и способ оформления подошвы и каблука. Однако ажурные туфли отличались от предыдущих типов более сложной системой крепления переда и берцы к подошве, для которой в качестве материала часто использовался орнаментированный перед. Для крепления деталей сапожники употребляли прокладку. Одной стороной она пришивалась к подошве, затем накладывалась головка изделия с отогнутым наружу краем, которая сверху закрывалась свободным краем прокладки и прошивалась (рис. 41 : 18—23).

Обувь этого типа отличалась богатой орнаментикой (девять типов), которая наносилась на перед и верхнюю часть берцы. Чаще всего она включала от одного до трех концентрических кругов в носовой части переда, выполненных точечным способом. Верхнюю часть этих деталей заполнял, как правило, орнамент в виде одинарных или двойных треугольников. Изредка встречаются другие виды орнаментов, в том числе геометрический и лучевой (рис. 41 : 25—33). Нарядность туфлям типа IV придавало также зубчатое оформление края переда и берцы.

Размеры женской обуви не превышали 24 см.

Описанные туфли соответствуют типу I классификации О. Н. Левко, однако отсутствие в распоряжении исследователя нижних деталей (подошвы, каблука) не позволило реконструировать их внешний вид и привело к ошибочному выводу о том, что «эты тип не атрымаў далейшага распаўсюджання ў познесярэдневяковых віцебскіх матэрыялах»¹⁷. Ошибочность данного вывода предопределялась тем, что исследователь датировала ажурные туфли XV в. на основании единственного экземпляра, который вполне мог попасть в ранние слои в результате нарушения целостности культурного слоя. Датировка же, предлагаемая автором данной статьи, основывается на массовом материале (76 экз.) и подтверждается находками монет — «солидов» (вторая половина XVII в.).

Мужские туфли в целом напоминают женскую обувь данного типа

(типы III и IV), отличаясь от последних качеством кожи, формой каблука, отсутствием всякой орнаментики и размерами (25—28 см). В культурном слое Витебска обнаружены два типа мужских туфель, датирующихся второй половиной XVI—XVIII в.

К типу I отнесены изделия с острым носком и многослойной подошвой, скрепленной гвоздями. Верхний обрез переда заканчивается длинным язычком (7,5 см). Наличие последнего является характерной деталью мужских туфель.

Тип II — туфли с тупым носком и грубым неорнаментированным передом. Изделия данного типа в целом повторяли тип IV женской обуви, отличаясь от него качеством кожи, оформлением переднего края головки, размерами и формой каблука. Туфли раннего времени (конец XVI в.) в отличие от поздних имели небольшой, не выступающий за пределы верхнего обреза переда язычок, образованный двумя неглубокими выемками (вариант А) (рис. 41 : 11). В XVII—XVIII вв. длина язычка (круглого или прямоугольного по форме) увеличивается до 5—6 см (вариант Б) (рис. 41 : 12—13). В зависимости от формы боковых срезов головки туфель следует различать три разновидности задников (берцы) (варианты А и Б). Задники (высота 5,5—9 см) состояли из двух сшитых выворотным швом деталей, к внутренней стороне которых пришивалась прокладка меньших размеров, также из двух частей. В большинстве случаев туфли типа II имели поднаряд, закрывающий пальцевую часть переда. Для подошв характерна относительно короткая пучковая часть и круглая пятка, геленочная часть в них слабо выражена. Тип крепления подошвы и каблука, подошвы и верха (перед — берца) идентичен креплению деталей в ажурных женских туфлях типа IV.

Детская обувь — частая находка в позднесредневековых слоях (рис. 41 : 7, 8, 15). По внешнему виду она повторяла основные типы взрослой обуви, от которой отличалась только конструкцией каблука. В детских туфлях каблук, как правило, широкий, наборный высотой до 0,5 см. Ажурные туфли (скорее всего подростковые) в отличие от женских типа IV имели наборный каблук высотой до 1 см, под который пропусклась многослойная подошва. Исключение составляет одна туфелька (длина подошвы 12 см), в которой высота каблука достигала 1,5 см. Подошва и каблук крепились небольшими (до 1,6 см) сапожными гвоздями с широкими круглыми шляпками (рис. 41 : 37). На изготовление детской обуви, особенно для малышей (размеры 11—16 см), шла мягкая кожа толщиной до 1,5 мм. Для обуви размеров 17—21 см использовалась кожа более грубой обработки. Следует отметить почти полное отсутствие орнаментики на детских изделиях.

В процессе археологических исследований 1981—1985 гг. собрана значительная коллекция деталей сапог XIII—XVIII вв., позволяющая выделить основные типы обуви данного вида.

Сапожные переда, определяющие внешний вид сапог, делятся на две большие группы: остроносые и тупоносые, внутри которых выделено несколько типов и вариантов.

Тип I. Сапоги с цельнокроеными неотрезными передами, изготовленные выворотным способом. В изделиях этого типа остроносые переда переходят в переднюю часть голенища (рис. 40 : 18). Верхний обрез голенища, как правило, имел килевидную форму (рис. 40 : 16). Задняя часть сапога состояла из двух деталей: прямоугольного задника высотой 4,5—5 см, охватывающего пяточную часть ступни, и короткого голенища. Высота голенищ достигала 18—20 см. Спереди на уровне щиколотки в голенищах имелись прорезы для ремешка. К подошве, состоя-

щей из трех-четырёх слоев кожи, детали крепились сандальным швом. Между собой детали задника и голенища соединялись исключительно потайным швом. Несмотря на отсутствие каблука, для твердости задника использовалась дополнительная прокладка несколько меньших размеров. Аналогичные по форме сапоги известны по материалам Минска, Полоцка, Новгорода и других городов в XI—XIII вв.¹⁸

К типу II отнесены остроносые сапоги с оттянутым вперед носком. Перед сапог данного типа закрывал только пучковую часть стопы (рис. 42: 2—4). В зависимости от

оформления верхнего обреза следует различать четыре варианта изделий: А — с прямым или слегка округлым обрезом; Б — симметричным, выступающим вперед краем (размеры 16—22×6—12,5 см); В — асимметричным глубоким вырезом (17×16—23×23,5 см); Г — с глубоким фигурным вырезом верхнего обреза перед (13,6×7,8 см) (рис. 42: 2—4). К подошве перед крепился выворотным (вариант Б) или сандальным швом, в то время как с голенищем он соединялся исключительно потайным швом.

В тип III выделены остроносые сапоги с приподнятым вверх носком. Особенностью головок этого типа являлось наличие выемки для подошвы в носовой части перед (рис. 42: 5, 6). Размеры деталей варьируют в пределах 13,5×12—22×18,5 см. Оформление верхнего обреза передов

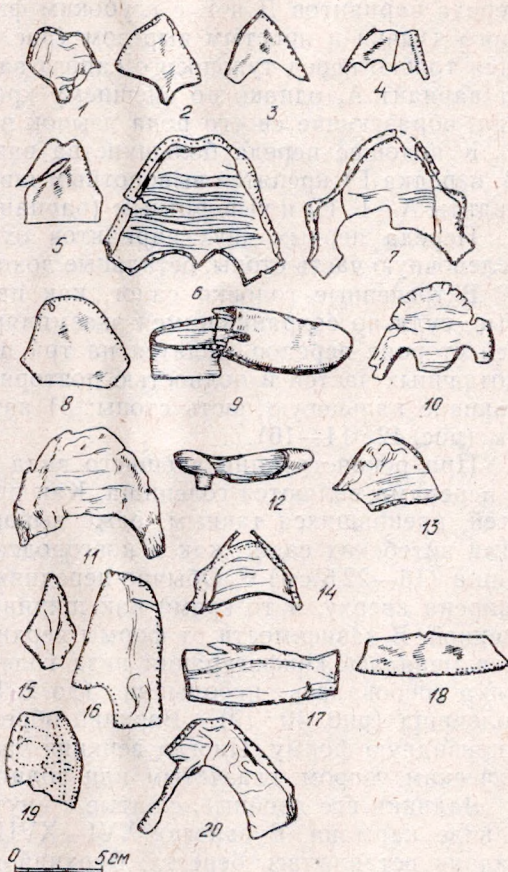

Рис. 42. Типы сапог XIII—XVIII вв. (Нижний замок. Витебск)

позволило выделить три варианта: а) с асимметричным, выступающим вперед краем; б) с углубленной округлой средней частью, напоминающей язычок; в) с фигурным вырезом края (рис. 42: 1, 5—7). Если детали сапог варианта А доходят только до геленочной части стопы, то в обуви вариантов Б и В они полностью охватывают ее. Более того, перед типа IIIВ требует особой формы подошвы. Он крепился к подошве исключительно выворотным швом, к голенищу — потайным.

Тип IV объединяет остроносые переды, представляющие нечто производное от типов II А и III А. Они также имеют острый, но слегка округлый носок и трапециевидный верхний обрез. По-видимому, переды этого типа являлись переходной формой к тупоносым сапогам (рис. 42: 13). Размеры передов 13,5—22,5×13—19 см. Техника крепления головок

сапог типа IV к подошве и голенищу ничем не отличалась от вышеописанных типов II A и III A.

Тупоносые сапоги представлены в коллекции одним типом передов, внутри которого по характеру оформления верхнего обреза следует различать шесть вариантов.

Переда варианта A размерами 19,5—22×6—6 см, B — 21,5—25,5×12,5—13 см и Г — 6,5—8×15—20 см соответствуют аналогичным деталям остроносых сапог типа II A, IV, II Г, отличаясь от последних формой носка (рис. 42 : 8, 12). Производными от варианта Г являются переда вариантов Д и Е с глубоким фигурным вырезом в виде небольшого язычка и простым вырезом (рис. 42 : 10, 11). Исключением является только перед тупоносого сапога варианта В. Внешне он напоминает вариант А, однако по внешнему краю имеются небольшие углубления, образующие своего рода язычок в центре обреза (рис. 42 : 9).

К подошве переда большинства вариантов этого типа (исключение В, изредка Г) крепятся выворотным швом, к голенищу — потайным (варианты А—Г, Е) и выворотным (варианты А, Г, Д) швом.

Переда первых двух вариантов охватывают пучковую и частично геленочную часть стопы, остальные доходят до задника.

Встреченные головки сапог, как правило, имели поднаряды, которые, судя по сохранившимся экземплярам или отпечаткам на внутренней стороне передов, делятся на три вида: 1) состоящие из двух равнозначных частей и полностью повторяющие форму головки; 2) закрывающие пальцевую часть стопы; 3) закрывающие пучковую часть стопы (рис. 42 : 14—16).

При реконструкции внешнего вида сапог основной деталью наряду с передами являются голенища. Как правило, они состояли из двух частей, крепившихся тачным, реже выворотным швом (рис. 40 : 14—20). Для витебских сапог, как и новгородских, характерны невысокие голенища (16—22,5 см)¹⁹. Обычно передняя их часть была значительно расширена кверху, в то время как ширина задней части оставалась неизменной. В зависимости от формы верхнего обреза переда и задника видоизменялась конфигурация низа голенищ. Так, для килевидного задника требовалась небольшая (до 2,5 см) выемка в задней части голенища (рис. 40 : 19). Верхний обрез голенища, как правило, имел килевидную форму. Иногда верхняя часть голенищ украшалась геометрическим узором, глазчатым или волнистым орнаментом (рис. 40 : 14).

Задники все двойные, сшитые с внутренней стороны потайным швом в виде кармана. В сапогах XVI—XVIII вв. для большей жесткости в задник вставлялась береста. Верхний край был прямым или килевидным. Прокладка была несколько выше и пришивалась к голенищу наружным швом, в то время как собственно задник крепился выворотным швом. Нижний край крепился к подошве обычным сандалным швом.

Наиболее часто встречающейся деталью сапог являются подошвы. Большинство из них нельзя идентифицировать с конкретным типом сапог, однако представляется возможным проследить некоторые общие черты. Характерной особенностью подошв остроносых сапог является наличие заостренного прямого или приподнятого вверх носка. В зависимости от формы нижнего края передов следует различать слабопрофилированные в геленочной части подошвы (рис. 40 : 23) и фигурные (рис. 40 : 24) с узкой геленочной частью. В зависимости от формы и размеров каблука пяточная часть подошв имела круглую, прямоугольную и грушевидную форму. Учитывая вышеперечисленные признаки, удалось выделить три типа остроносых подошв (рис. 40 : 18, 23, 24). Тип I со-

ответствует сапогам с передами типа IV, тип II относится к остроносым сапогам типа IIIB, тип III — к передам типа IIIB.

Подошвы тупоносых сапог в основном однообразны. Это прямые или слабопрофилированные в геленочной части детали, ширина которых в пучковой и пяточной части почти одинакова. Несколько отличаются только подошвы сапог на высоком каблуке, поскольку пяточная часть в них немного заужена (стелька) или видоизменена в зависимости от характера крепления каблука к подошве (нижние слои многослойных подошв) (рис. 40 : 21, 28). Особняком стоят два вида подошв: с короткой, круглой пучковой частью и зауженной геленочной; слабопрофилированные подошвы со срезанным под прямым углом носком (рис. 40 : 26, 27).

Необходимо отметить, что все сапожные подошвы многослойные, общая толщина их варьирует от 0,4 до 1,3 см. Слои тонких подошв скреплялись между собой нитками, толстых — железными гвоздями. К верхним частям они крепились, как правило, комбинированным способом: к переду — выворотным швом, к пятке — наружным или наоборот. Длина изделий указывает на размеры обуви древних витеблян, которая по современной маркировке соответствовала 36—41-му размеру*.

Большинство сапог витебской коллекции имело каблуки. До XVII в. они представляли собой широкие наборные пластины из кожи, скрепленные железными или деревянными гвоздями (тип I), или же деревянные обтянутые кожей каблуки (тип II). Высота их колебалась от 0,8 до 1,0 см. С XVII в. высота каблука увеличивается до 4—5 см при значительном сужении его книзу, что особенно характерно для женской и подростковой обуви (рис. 42 : 12). Если наборные каблуки крепились непосредственно к подошве, то способ крепления деревянных каблуков аналогичен их креплению в туфлях XVII в.

Как показал обзор основных категорий кожаной обуви, твердый каблук появился довольно поздно — на рубеже XV—XVI вв. С его появлением возникла необходимость изготовления металлических подковок для подбивки обуви. Всего в ходе раскопок Нижнего замка найдено 166 подковок, которые в зависимости от формы и размеров каблука делились на две большие группы: полные подковки и полуподковки, т. е. занимающие 1/2 каблука. Не исключено, что часть из них занимала только 1/3 поверхности каблука (тип III).

По способу крепления все витебские набойки следует разделить на два вида: плоские подковки и с шипами для крепления. А. В. Никитин, изучавший способы крепления металлических набоек, пришел к выводу, что последние врезались в каблук²⁰. находка в слое начала XVIII в. керамического башмака (фрагмент статуэтки) с подковкой первого типа свидетельствует о том, что высокие подковки с шипами не врезались в основу каблука, а крепились к последнему длинными шипами. Сама же пластина располагалась над каблуком, увеличивая его высоту.

Плоские подковки шириной 16—17 мм обнаружены в слое второй половины XVII в. Они крепились к каблуку при помощи трех-пяти гвоздей. Как правило, это дугообразные пластины с отверстиями для гвоздей, только в одном случае подковка представляла собой сплошную пластину, соответствующую размеру каблука. С внутренней стороны она имела треугольную выемку шириной 23 мм.

Среди подковок с шипами основная масса изделий имела по три

* Не учтена детская обувь.

крепежных шипа, пять подколок крепились при помощи двух расположенных по краям шипов, четыре изделия имели один центральный шип. При этом края подколок данного типа были заужены.

При классификации подколок с шипами за основу взято соотношение высоты и ширины изделий в центральной части.

Тип I. Высота изделий в несколько раз превышает толщину. Среди подколок этого типа четко прослеживаются два варианта. Независимо от степени изношенности высота подколок варианта А в средней части несколько меньше, чем по краям. Данные изделия встречаются в основном в слое конца XVI—XVII в., единичные экземпляры бытуют и в XVIII в. Вариант А представлен полными подколками для небольших, но широких каблуков.

Высота изделий варианта Б одинакова. Они представлены полными подколками, полуподколками и подколками, занимающими 1/3 каблука. Наиболее ранние экземпляры встречаются в конце XVII в., однако основная их масса приходится на первую половину XVIII в.

Квадратные в сечении подковки, найденные в слое второй половины XVII в.—рубежа XVII—XVIII вв., представлены полными изделиями и полуподколками (тип II).

Высота изделий типа III в несколько раз меньше ширины (плоские), в сечении имеют прямоугольник. Представлены полными изделиями и полуподколками шириной до 14 мм. Тип III обнаружен в основном в слое XVII в., хотя единичные экземпляры подколок бытуют до второй половины XVIII в. В подколках типа III высота шипов уменьшается до 4—6 см.

Таким образом, для подбивки твердых каблуков в конце XVI в. применялись высокие подковки типа IA, которые были широко распространены в течение всего XVII в. В конце века этот вариант был вытеснен подколками варианта Б, получившими широкое распространение в первой половине XVIII в. Одновременно с типом I появились набойки второго типа, которые исчезли на рубеже XVII—XVIII вв. На смену им пришел тип III, бытовавший в течение XVIII в. Не исключено, что последний являлся переходным к плоским подколкам с гвоздями XIX в.

Таким образом, среди жителей торгово-ремесленного посада кожаная обувь получила распространение только в начале XII в. Этим же временем датируются наиболее ранние находки отходов кожевенного производства (обрезки кожи, обзоленная шерсть) и орудий труда обувщика (нож, шилья, иглы).

Универсальной категорией кожаной обуви являются сапоги, которые получили распространение среди горожан в XIII в. и с некоторыми изменениями в моделировке передов и каблука существовали в течение всего рассматриваемого периода. Так, до конца XIV в. господствующим типом были остроносые модели сапог (типы I, II, IIIA). В XIV в. появился переходный тип к тупоносой обуви (тип IV), хотя остроносые сапоги продолжали бытовать до XVI в. (типы IIIB, B). Ограниченность материалов XV—XVI вв. не позволяет установить, какой тип сапог преобладал в это время. С конца XVI в. появляются тупоносые модели сапог с различным оформлением переда, которые вытеснили остроносую обувь. Исключение представляет тип IIIB, широко бытовавший в течение всего XVII в.

Легкая обувь представлена поршнями и ажурными башмаками, причем последние следует рассматривать исключительно как нарядную обувь, но не характерную для зажиточной части населения. В XV в. на смену мягкой обуви пришли разнообразные модели детальнокроеных

туфель, особенностью которых начиная со второй половины XVI в. являлось наличие высокого каблука.

Высокое качество изготовления обуви, разнообразие ассортимента, находка остатков мастерской по изготовлению ажурных туфель (тип IV) и сапог типа IIIВ с узкой геленочной частью позволяют предполагать, что во второй половине XVII—XVIII в. в городе существовала узкая специализация обувщиков.

¹ Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. (Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств). Мн., 1984. С. 97—101; Она же. Абутак з культурнага слоя Віцебска XIV—XVIII стст. // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Новыя адкрыцці. Мн., 1984. С. 168—174.

² Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65; Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. 1962. № 4. С. 77—94; Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. 1965. № 7. С. 42—59; Бебре В. Кожаная обувь в Риге XIII—XIV вв. // Археология и этнография. Рига, 1983. Т. XIV. С. 125—140; Шут К. П. Обувь древнего Минска // Материалы IX конференции молодых ученых. Мн., 1965; Собаль В. Е., Тарасаў С. В. Абутак сярэднявечага Мінска // ПГКВ. 1985. № 4.

³ Оятева Е. И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. 1973. № 15. С. 107.

⁴ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 202.

⁵ Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. М., 1981. Ч. 2 (рис. 10, табл. 54: 1, 2).

⁶ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 76—78; Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 76.

⁷ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 202—203.

⁸ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 203.

⁹ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 77.

¹⁰ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 204 (рис. 4).

¹¹ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 76.

¹² Собаль В. Е., Тарасаў С. В. Абутак сярэднявечага Мінска // ПГКВ. 1985. № 4; Тарасаў С. В. Арнаменты мінскіх чаравікаў // Мастацтва Беларусі. 1985. № 12.

¹³ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 76.

¹⁴ Оятева Е. И. Белозерская кожаная обувь // Голубева Л. А. Весь и славяне на белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 200.

¹⁵ Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 77; Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 267.

¹⁶ Ляўко В. М. Абутак з культурнага слоя Віцебска XIV—XVIII стст. С. 171—173; Левко О. Н. Витебск XIV—XVIII вв. С. 97—101.

¹⁷ Ляўко В. М. Абутак з культурнага слоя Віцебска XIV—XVIII стст. С. 171.

¹⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 78—79 (рис. 38: 1, 2); Шут К. П. Обувь древнего Минска. С. 78—79; Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 205 (рис. 8: 7).

¹⁹ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. С. 207.

²⁰ Никитин А. В. Русское кузнечное ремесло XIV—XVII вв. М., 1971. С. 42.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГОРОДИЩА ПРУДНИКИ

Городище Замок близ д. Прудники Миорского района находится на территории современного белорусско-латышского порубежья. Этот памятник археологии представляет собой остатки укрепленного поселения, содержащего в своих культурных напластованиях материалы железного века и средневековья.

Изучение оборонительных сооружений и материальной культуры свидетельствует, что, возникнув в середине I-го тысячелетия н. э., это поселение просуществовало до позднего средневековья. С XI в. в результате активизации военных действий полоцких князей, связанных с укреплением оборонительных рубежей на северо-западе Полоцкого княжества, на городище возводятся дополнительные сооружения. Оно становится одним из форпостов Полоцкой земли.

При исследовании городища в 1983—1984 гг. автором выявлен значительный объем средневекового материала.

Самую многочисленную категорию находок представляют изделия из металла. Это главным образом железные предметы и бронзовые украшения.

Из железных изделий большой интерес представляет топор (рис. 44 : 12). Топор массивный, с асимметричным опущенным лезвием, с выемкой, длина 23 см. Обушное отверстие сравнительно большое — 32 мм. Этот тип топора бытовал на Руси в X—XI вв.¹ Г. В. Штыхов считает, что он употреблялся для тонких бондарных работ, но мог служить и в качестве боевого.² В Минске топор такого типа найден в слоях XII в.³

Черешковые листовидные наконечники стрел (рис. 44 : 1—5) по классификации А. Ф. Медведева относятся к 21 типу⁴. Такие наконечники стрел найдены в Гнездовском могильнике⁵, на Райковецком городище⁶, на Верхнем замке в Полоцке, Лукомле⁷, где они датируются концом X — началом XI в. Граненый черешковый наконечник (рис. 44 : 6) датируется Г. В. Штыховым XIII в.⁸

Редкой находкой является железный ледоходный шип со скругленными обрезами плат-

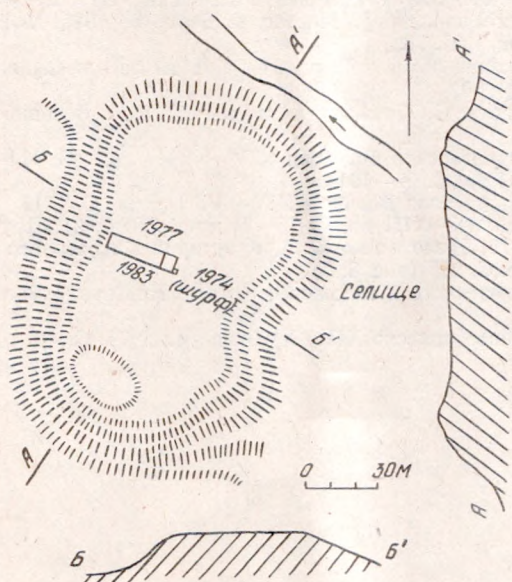

Рис. 43. План городища Прудники Миорского района

формы. Ледоходные шипы появились на Руси в IX—X вв. как заимствование от северных территорий, шипы со скругленным передним и задним обрезами платформы появились не позднее XIII в.⁹

Среди изделий из железа примечательной находкой являются шарнирные ножницы с «гвоздиком» посередине (рис. 44 : 11). Этот древнейший тип ножниц распространяется на территории Восточной Европы с X в.¹⁰

На городище обнаружены съемный трубчатый замок и ключ от ну-

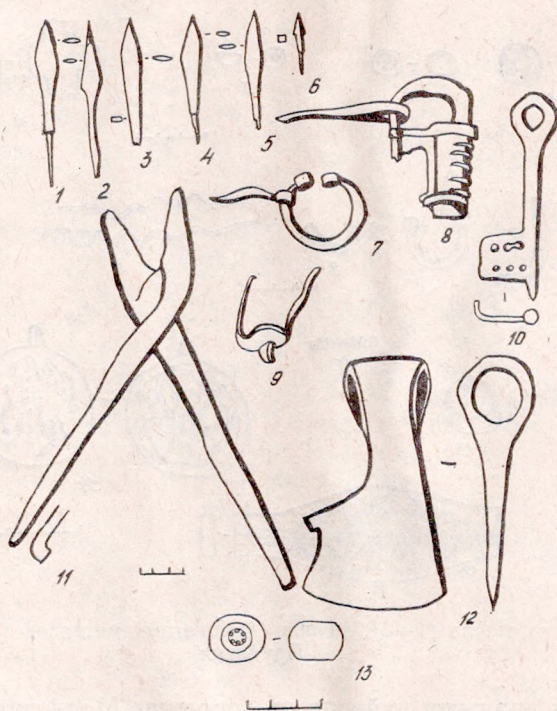

Рис. 44. Изделия из железа. Городище Прудники

тряного замка (рис. 44 : 8, 10). Аналогии этому изделию имеются в древностях Полоцка, где они датируются XIII в.¹¹ В Минске такие замки появились в конце XI в. и бытовали в основном до середины XII в. В слоях конца XII — начала XIII в. — единичные находки¹². В Новгороде замки, подобные описанным, были распространены и в XIII в., но во второй половине этого же столетия их количество стало резко убывать¹³.

Найденный на городище ключ от нутряного замка имеет прямые аналогии в древностях Минска и других городов, где датируется концом XI — первой половиной XII в.¹⁴

В ходе раскопок была обнаружена также железная подковообразная фибула со спиралевидными концами (рис. 44 : 7). По форме она напоминает подкову и имеет загнутые в трубочку концы. По мнению М. В. Седовой, такие фибулы относятся к 4-й группе, куда входят плоские подковообразные фибулы с прямоугольным сечением. В Новгороде они встречены в слоях XI — конца XIV в. «По-видимому,— пишет М. В. Седова,— плоские спиралевидные подковообразные фибулы более поздние

по сравнению с четырехугольными, круглыми и треугольными в сечении»¹⁵.

На городище найдена бочонкообразная гирька-разновес, изготовленная из железа и обтянутая медной оболочкой (рис. 44 : 13). Максимальный диаметр 22 мм, диаметр верхней площадки 14 мм, нижняя площадка сильно корродирована. Высота ее 17,5 мм. Из-за коррозии первоначальный вес уменьшился. В теперешнем состоянии вес составляет 36,19 г. На сохранившейся площадке можно насчитать шесть глазков.

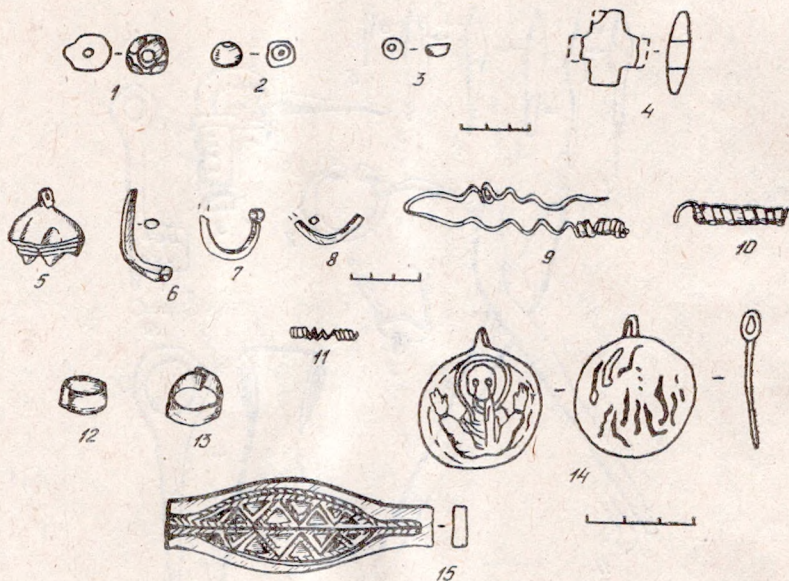

Рис. 45. Изделия из стекла (1—3), янтаря (4), цветных металлов (5—15). Городище Прудники

Ближайшая ей аналогия найдена на городище Масковичи, расположенном в 30 км от Прудников¹⁶. Такие гирьки, как считает Ш. И. Бектинева, относятся к денежно-весовой системе ногаты, основанной на весе арабского дирхема в 3,41 г. Эта система господствовала в Киевской Руси во второй половине X—XI в.¹⁷

Среди находок с городища в Прудниках выделяется также медный монетовидный медальон с изображением Оранты (молящейся Богоматери) (рис. 45 : 14). Диаметр изделия 30 мм, толщина 1,5 мм. На одной стороне плоским рельефом нанесено поясное изображение Богоматери с воздетыми руками. Размер лика сильно стерт. На обратной стороне из-за сильной стертости изображение не просматривается. Скорее всего это изображение процветшего креста. Точно такое же поясное изображение Богоматери Оранты, только больших размеров (диаметр 50 мм, толщина 1,2 мм), имеется на каменной формочке из Новгорода. На другой стороне находится изображение св. Николы. Формочка датируется XV в.¹⁸ По устному сообщению Т. В. Николаевой, найденный медальон относится к киевскому типу подобных изделий и его следует датировать XIII в.

Небольшую группу металлических вещей составляют изделия из бронзы. На городище найден бронзовый бубенчик грушевидной формы с крестовидной прорезью и насечками в нижней части (рис. 45 : 5). Бу-

бубенчики выполняли двойную роль: чаще всего они использовались в качестве привесок или декоративных деталей костюма, а иногда служили пуговицами. Бубенчики такой формы наиболее ранние. Встречались они и при раскопках селища Прудники. В Новгороде бубенчики обнаружены в слоях X — середины XIII в.¹⁹ Как считает Н. П. Журжалина, такие изделия являются самыми ранними из бубенчиков, известных у восточных славян. Они появились в конце X в., наиболее характерны для XI в., в XII в. встречаются уже редко. А. А. Спицын датировал их XI—XII вв.²⁰

Среди украшений из бронзы (рис. 45 : 12, 13) имеются два пластинчатых перстня. Они имеют одинаковую ширину передней и задней сторон, гладкую лицевую сторону. Перстни этого типа появились в городах Беларуси в IX в. и бытовали до начала XIII в.²¹ Из бронзы изготовлена форма для отливки пластинчатых перстней (рис. 45 : 15)²². Близкий по форме и орнаментации аналог с заходящими концами и чеканным узором в виде двух зигзагообразных линий найден в Новгороде в слое начала XI в.²³ Аналогичные перстни обнаружены в ярославских и приладожских курганах второй половины X в., но известны и по материалам из более поздних новгородских и костромских курганов XII — начала XIII в.²⁴

Форма широкосрединных перстней с незамкнутыми концами бытовала на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. Найденные на городище фрагменты подковообразных фибул трехгранного сечения со спиралевидными концами относятся ко II группе фибул со спиралевидными концами. В Новгороде они встречаются в слоях X — конца XII в., большая часть их датируется X—XI вв., реже XII в.²⁵ Я. Г. Зверуго датирует такие фибулы концом X — началом XIII в.²⁶ Много их обнаружено в Прибалтике (например, на Асотском городище)²⁷. Они встречаются также в курганах северо-западной Беларуси²⁸. Массовой находкой на городище являются бронзовые спиральки, которые широко представлены в номенклатуре латгальских украшений.

Изделия из стекла представлены тремя бусинами*.

1. Округлая бусина темно-синего прозрачного стекла с тремя глазками и восьмерковидной оплеткой бордового цвета (рис. 45, 2). Размеры ее 1,1—1,5—1,3 мм: 1,35 мм (диаметр бусины верхний — первое измерение, средний — второе измерение, нижний — третье измерение, высота — четвертое измерение). Канал отверстия широкий, сквозной, расширяющийся к третьему измерению, 3—6 мм. Глазки накладные. Диаметр 6 мм. Сердцевина глазка синяя (3,5 мм), реснички синие, белые, красные, расширяющиеся от центра к длине окружности. Глазок находится в центре кольца оплетки. Размеры кольца оплетки-восьмерки 1,1×1,6 мм. Ширина нити оплетки 1—1,5 мм. Данную бусину можно сравнивать с византийскими образцами XI—XII вв.

2. Четырнадцатигранная бусина голубого прозрачного стекла (рис. 45 : 1). Размеры граней: 9×8 мм, 5×3 мм. Канал отверстий сквозной, ширина 2,5 мм. По заключению Т. С. Скрипченко, форма бусины копирует раннегреческие бусы из хрустала. Бусина долго была в употреблении, грани ступлены, прослеживаются с трудом. Относить ее можно к византийским образцам XI в.

3. Бусина цилиндрической формы синего прозрачного стекла (рис. 45 : 3). Размеры 1,5 мм, канал отверстия сквозной, широкий, 6 мм. Этот экземпляр также можно сравнивать с византийскими аналогиями XI—XIII вв.

* Определения сделаны в Институте истории АНБ Т. С. Скрипченко.

Примечательной находкой является янтарный крест с прямыми концами (рис. 45 : 4). Аналогичные четырехконечные янтарные крестики с прямыми концами обнаружены в Латвии (Даугмальское городище, Дунганас, Лайкулуйджи) ²⁹, Полоцке в слоях X—XIII вв. ³⁰, в Минске в слоях XII в. ³¹, в Волковыске в слоях XIII в. ³²

Керамический материал позднего этапа существования городища представлен гончарной посудой, разнообразной по типам и орнаментации. Для более поздней керамики характерно обилие орнаментальных мотивов, для ранней, наоборот, однообразие, чаще всего в виде волны, линейки (рис. 46).

Кружальная керамика прудниковского городища имеет примесь мелкозернистой дресвы, обычно серого или бурого цвета. Она сравнительно хорошо обожжена. Многие сосуды со следами нагара, свидетельствующими об использовании их для приготовления пищи.

Среди обильного керамического материала можно выделить восемь типов горшков. Почти все они подразделяются на отдельные виды. Основным критерием при определении типов и видов сосудов являлась форма их верхней части, изгиб стенок. При определении видов обращалось внимание главным образом на форму венчика.

Тип I представлен горшками среднего размера с плавно отогнутым венчиком и покатыми (у ранних вариантов) или слегка округленными (у более поздних экземпляров) плечиками. Горшки вида А имеют простой плавно отогнутый наружу венчик.

Для горшков вида Б характерным является прямо или косо срезанный венчик. У сосудов вида В венчик слегка оттянут вовнутрь, на внутренней стороне его имеется небольшой желобок.

Тип II. Для горшков этого типа характерна измененная более прогнутая шейка, покатые или слегка округлые плечики. Венчик либо поставлен прямо, имеет ложбину и выступ по краям, либо отогнут наружу.

Сосуды вида А имеют простой отогнутый наружу венчик. Сосуды вида Б отличает то, что венчик у них отогнут наружу и имеет простой срез. Горшки вида В имеют прямо поставленный венчик с ложбинкой и выступами по краям.

Тип III является более поздним, чем тип II. К нему относятся горшки с более короткой шейкой, приподнятыми округлыми плечиками. Венчик либо прямо поставлен, либо отогнут наружу.

Сосуды вида А имеют прямо поставленный венчик с ложбинкой и выступами по краям. У горшков вида Б венчик отогнут наружу или вовнутрь.

Тип IV. Сосуды этого типа имеют слегка отогнутую вовнутрь шейку, приподнятые плечики. Отогнутый наружу венчик имеет сложную форму. У горшков вида А венчик отогнут наружу, имеет небольшой желобок на внутренней и внешней сторонах. Для сосудов вида Б характерно то, что венчик у них отогнут наружу и имеет приспособленный для прилегания крышки желобок.

Тип V. У горшков этого типа венчик слегка вогнутый со скошенным вовнутрь краем, вдоль которого проходит желобок.

Тип VI. Сосуды этого типа мало распространены. Край венчика у них отогнут вовнутрь. Сгиб, как правило, плавный, постепенный и лишь у поздних вариантов довольно резкий. У ранних сосудов плечики покатые, у более поздних шейка становится выше, сгиб резче, плечики округлые.

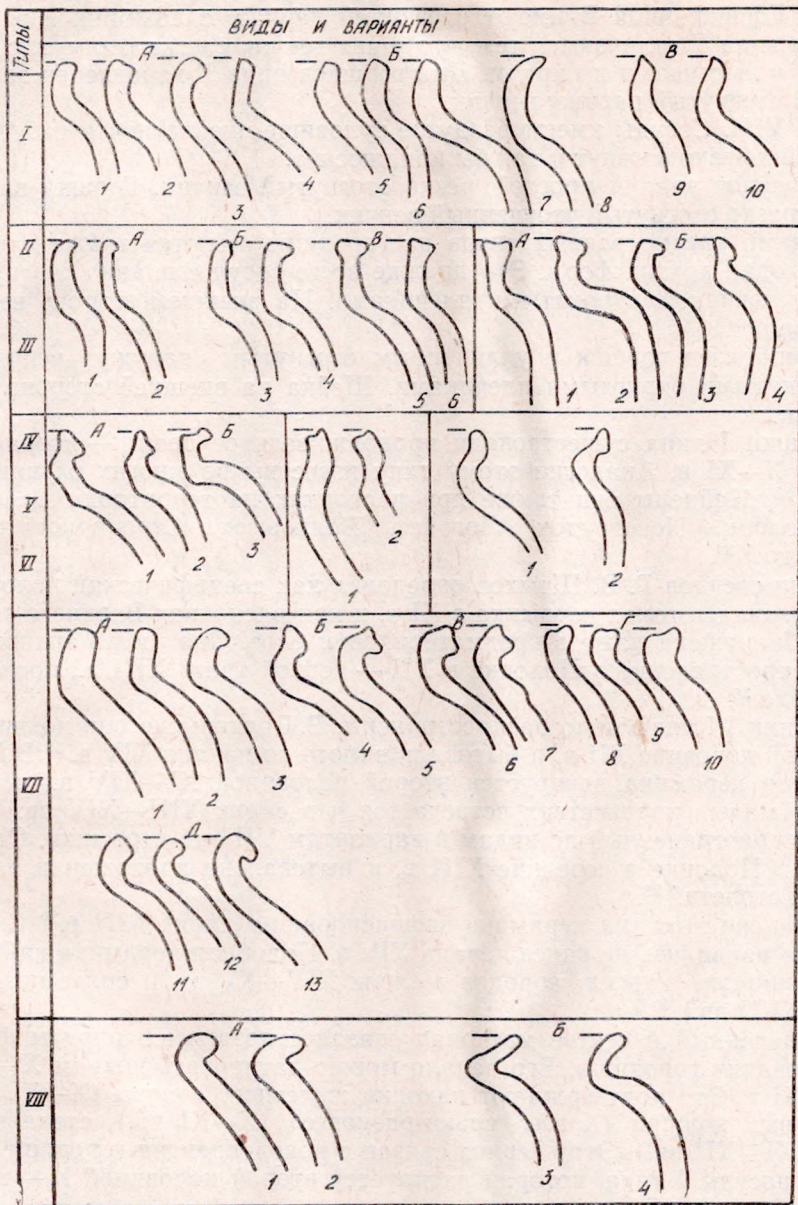

Рис. 46. Классификация круговой керамики. Городище Прудники

Тип VII. Сосуды этого типа в разрезе нередко имеют плавно изгибающуюся эсовидную линию. Сосуд несколько напоминает сосуды типа I.

Горшки вида А имеют прямой слегка отогнутый венчик. У сосудов вида Б венчик резко отогнут со слегка оттянутым наружу или вовнутрь краем. Горшки вида В имеют отогнутый наружу с ложбинкой венчик. Сосуды вида Г отличаются тем, что у них венчик слегка отогнут, с ложбинкой и выступами по краям. Для горшков вида Г характерен закругленный отогнутый наружу венчик.

Тип VIII. Сосуды имеют раздутое туловище, шейка почти отсутствует, венчик резко отогнут и как бы приплюснут.

У сосудов вида А простой, резко отогнутый венчик. Горшки вида Б имеют резко отогнутый утонченный венчик.

Помимо рассмотренных типов на городище имеются также единичные находки других форм. Это прежде всего сосуд с плавно отогнутым наружу венчиком и покатыми плечиками. На внешней стороне венчик имеет валик.

Своеобразен горшок с удлиненным отогнутым наружу венчиком, приподнятыми округлыми плечиками. Шейка на внешней стороне имеет валик.

Горшки I типа существовали продолжительное время — вторая половина X—XI в. Аналогии этому типу известны во многих славянских землях³³. Найдены они также при раскопках на территории Белоруссии (Полоцк, Новогрудок, Логойск, Волковыск, Строчицкое городище и др.)³⁴.

V тип сосудов Г. В. Штыхов определил как специфический полоцкий тип. Появилась такая керамика в XI в. и при раскопках Верхнего замка была обнаружена даже в предматериковом слое. Она имела значительное распространение в Полоцке в XII — первой трети XIII в., после чего исчезла³⁵.

Горшки VI типа мало распространены. В Волковыске они появились во второй половине XII в. и бытовали вплоть до начала XIV в.³⁶ В Минске такая керамика датируется второй половиной XI—XIV в., однако в очень малых количествах встречается и в слоях XIII—XIV вв.³⁷ Самый распространенный по видам и вариантам VII тип керамики. Он появился в Полоцке в середине XIII в. и бытовал на протяжении последующих столетий³⁸.

В Минске этот тип керамики зафиксирован в слоях XIII в.³⁹ Следы VII типа появились не ранее начала XIV в. Подобная керамика найдена при раскопках многих городов в слоях XIV—XV вв. и более поздних (XVI—XVII вв.)⁴⁰

Приведенный в статье материал связан с поздним периодом функционирования городища. Его начало можно датировать концом X — началом XI в. Это подтверждают находки железного топора (X—XI вв.), шарнирных ножниц (X в.), гири-развеса (X—XI вв.), стеклянных бусин (XI—XII вв.). Этот период связан с появлением на городище гончарной посуды I типа, которая датируется второй половиной X — началом XI в.

Окончание жизни на городище можно относить к XVI—XVII вв., о чем свидетельствуют находки в верхних слоях гончарной посуды VIII типа. Материальная культура позднего этапа является смешанной славяно-латгальской, которая примерно с XII в. приобретает все более выраженный славянский характер.

- ¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.; Л., 1966. С. 26—45.
- ² Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн., 1975. С. 58.
- ³ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 210.
- ⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XVI вв. // САИ. Вып. Е1-36. М., 1966. С. 80.
- ⁵ Авдусин Д. А. Гнездовская экспедиция // КСИИМК. Вып. XIX. 1952 (рис. 27: 6).
- ⁶ Гончаров В. К. Райковецкое городище. М., 1950 (табл. XIII, 20).
- ⁷ Штыхов Г. В. Сравнительное изучение городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Мн., 1966 (рис. 4: 1).
- ⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 3, 5).
- ⁹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. Вып. 3. Л., 1973. С. 80.
- ¹⁰ Авдусин Д. А. Путешествие в древность. М., 1983. С. 105.
- ¹¹ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 621.
- ¹² Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 245.
- ¹³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 80.
- ¹⁴ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 247.
- ¹⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. М., 1981. С. 84.
- ¹⁶ Дучыц Л. У. Маскавіцкае гарадзішча // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1980. № 4. С. 80—89.
- ¹⁷ Бекцінееў Ш. І. Гіркі-разнавагі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1982. № 2. С. 42.
- ¹⁸ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. // САИ. Вып. Е1-60. М., 1983 (табл. 41: 3).
- ¹⁹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. С. 156.
- ²⁰ Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // САИ. Вып. Е1-8. М., 1974. С. 129.
- ²¹ Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах // Древности Белоруссии. Мн., 1969 (рис. 7, 3).
- ²² Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. Мн., 1975. С. 47.
- ²³ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. С. 129 (рис. 48: 2).
- ²⁴ Недошивина И. Г. Перстни // Труды ГИМ. Вып. 43. 1967. С. 253—254.
- ²⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. С. 129.
- ²⁶ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. С. 45.
- ²⁷ Шноре Э. Д. Асотское городище // МИА. Вып. 2. Рига, 1962 (табл. III: 1—6, 12, 22, 26).
- ²⁸ Голубович Е., Голубович В. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейской округе БССР // КСИИМК. Вып. XI. М., 1945 (рис. 56).
- ²⁹ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965 (табл. VII: 26, 27).
- ³⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 48: 16).
- ³¹ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 229 (табл. XXII: 3, 4).
- ³² Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. (рис. 21: 5, 6).
- ³³ Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИИМК. Вып. 104. 1965 (рис. 34: 14).

³⁴ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. (рис. 40, тип I, вид А); Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. С. 69.

³⁵ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 82.

³⁶ Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X—XIV вв. С. 70.

³⁷ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 239.

³⁸ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 83.

³⁹ Загорульский Э. М. Возникновение Минска. С. 239, 242.

⁴⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. С. 83.

* *
*

У артыкулах, прысвечаных вывучэнню гарадоў, мястэчак, сельскіх паселішчаў (Горы, Мазыр, Ашмяны, Мачуліна), прасочана развіццё гістарычнай тапаграфіі, матэрыяльная культура на працягу шэрага стагоддзяў, прыводзяцца звесткі па гісторыі гэтых помнікаў на падставе пісьмовых крыніц.

Цікавымі з'яўляюцца вывады па забудове сярэдневяковага Мінска. Сукупнасць археалагічных і пісьмовых крыніц дазволіла прасачыць некалькі этапаў развіцця забудовы і тыпаў жыллёвых і гаспадарчых пабудоў старажытнага беларускага горада. Спалучэнне вынікаў археалагічных прац з пісьмовымі звесткамі дазволіла паспяхова вырашыць пытанне аб дакладнасці часу пабудовы Дамініканскага касцёла ў Мінску, паказаць асаблівасці развіцця палацава-замкавых пабудоў на Беларусі.

Свой плён у вывучэнне асобных катэгорый сярэдневяковых рэчаў уносяць даследаванні заслаўскага посуду, віцебскага абутку, булаў і інш.

Дакладна высветлены пытанні развіцця маёлікавай вытворчасці, паляўнічага промыслу у сярэднія вякі. Прыведзеныя звесткі, тлумачэнне асобных пытанняў удакладняюць уяўленне аб жыцці, побыце, культуры Беларусі ў далёкія часы яе станаўлення.

Змест

Уступ 5

ПРАБЛЕМНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ БЕЛАРУСКАГА СЯРЭДНЯВЕЧЧА

Средневековые Горы (Ш. И. Бектинеев, О. Н. Левко)	8
Новае пра старажытны Мазыр (па матэрыялах археалагічных да- следаванняў 1981—1984 гг.) (А. А. Трусай, Н. І. Здановіч)	20
Феодальная усадыба XVI—XVIII вв. у д. Мочуліно (В. В. Шаб- люк)	33
Археалагічныя даследаванні ў Ашмянах (А. К. Крайцэвіч)	40
О застройке Минска в XIV—XVIII вв. (В. Е. Соболев)	47
Да пытання часу пабудовы касцёла дамініканцаў у Мінску (З. С. Пазняк)	56
Основные этапы развития майоликового производства в Бела- руси в XII—XVIII вв. (И. В. Ганецкая)	60
Развіццё палацава-замкавых комплексаў Беларусі ў канцы XV— XVII ст. (І. М. Чарняўскі)	66
Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Бела- руси в X—XIV вв. (В. В. Щеглова)	74

МАТЭРЫЯЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПМНІКАУ IX—XVIII стст.

Клады Полоцкой земли IX—XIII вв. (топография и общая ха- рактеристика) (Г. В. Штыхов)	84
Кавальска-слясарскія вырабы з раскопак Крэўскага замка (Г. М. Сагановіч)	92
Булавы и кистени XI—XIV вв. на территории Беларуси (Ш. И. Бектинеев)	99
Керамическая посуда Заславля X—XVIII вв. (Ю. А. Зялц)	107
Материалы эпохи феодализма из раскопок селища Черничи (М. Ф. Гурин)	119
Кожаная обувь средневекового Витебска XII—XVIII вв. (по ма- тэрыялам ісследованияў Ніжняга замка) (Т. С. Бубенько)	127
Средневековые материалы из городища Прудники (В. И. Ша- дыро)	138

Научное издание

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
БЕЛАРУСИ**

**Новые материалы
и исследования**

Минск. Издательство «Навука і тэхніка»

На белорусском и русском языках

Навуковае выданне

**СЯРЭДНЕВЯКОВЫЯ СТАРАЖЫТНАСЦІ
БЕЛАРУСІ**

**Новыя матэрыялы
і даследаванні**

Загладчык рэдакцыі *А. І. Валахановіч*

Рэдактар *Л. М. Салаўёва*

Мастак *Г. В. Каляба*

Мастацкі рэдактар *В. А. Жахавец*

Тэхнічны рэдактар *В. І. Кручонак*

Карэктар *Я. І. Марціновіч*

Зладзена ў набор 03.12.92. Падпісана ў друк 10.03.93.
Фармат 70×100^{1/16}. Папера газетная. Гарнітура літаратурная. Высокі друк. Ум. друк. арк. 12,25. Ум. фарб.-адб. 12,25. Ул.-выд. арк. 11,31. Тыраж 2170 экз. Зак. № 1249.

Цана 40 р.

Выдавецтва «Навука і тэхніка» Акадэміі навук Беларусі і Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь. 220141. Мінск, Жодзінская, 18. Друкарня імя Францыска Скарыны выдавецтва «Навука і тэхніка». 220141. Мінск, Жодзінская, 18.

Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і
С 99 даследаванні / Пад рэд. В. М. Ляўко.— Мн.: Навука і тэхніка,
1993.— 148 с.: іл.

ISBN 5-343-01390-2.

Средневековые древности Беларуси: Новые материалы и исследование.

На падставе новых археалагічных матэрыялаў даецца аналіз асобных катэгорый рэчаў, разглядаюцца пытанні ўзнікнення і развіцця сярэдневяковых пасяленняў, даследуюцца помнікі архітэктуры. З дапамогай метадаў дакладных і тэхнічных навук асвятляюцца жалезаапрацоўка і астэалагічны матэрыялы.

Для гісторыкаў, археолагаў, мастацтвазнаўцаў, этнографістаў, краязнаўцаў, усіх, хто цікавіцца культурнай спадчынай Беларусі.

0503020903—051

С—БЗ 127—93

М 316(03)—93

ББК 63.3(2Б)

У выдавецтве
«НАВУКА І ТЭХНІКА»

выйдзе кніга:

Аляксееў Л. В. **Археалогія і краязнаўства Беларусі XVI — 30-я гг. XX ст.** Аб'ём 18 арк. Мова руская. Арыенціровачная цана 50 р.

Даследуецца гісторыя вывучэння археалагічных помнікаў Беларусі з пачатку XVI ст. да 30-х гадоў XX ст. Росквіт археалогіі як навукі прыходзіцца на 20-я гады XX ст., калі ў Беларусі археалагічнымі раскопкамi, краязнаўствам пачалі кіраваць спецыяльныя ўстановы (Інбелкульт, Акадэмія навук Беларусі).

Кніга ілюстраваная.

Разлічана на гісторыкаў, археолагаў, краязнаўцаў, настаўнікаў, музейных работнікаў, усіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

У выдавецтве

«НАВУКА І ТЭХНІКА»

выйдзе кніга:

Дучыц Л. У. Археалагічныя помнікі ў назвах, вераваннях і паданнях. Аб'ём 3 арк. Мова беларуская. Арыенціровачная цана 25 р.

Разглядаюцца археалагічныя помнікі ў народным уяўленні ў розныя часы, зменлівасць мясцовых назваў у сувязі з гістарычнымі падзеямі. Выяўляюцца агульнасць і адрозненні ў назвах і паданнях аб розных помніках (месцах паселішчаў, пахаванняў, культавых камянях). Паказваецца сувязь з язычніцкімі культамі, расказваецца аб павер'ях, даецца спіс народных назваў археалагічных помнікаў Беларусі.

Разлічана на масавага чытача.

